

ВСЕМИРНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР
ГОНКУРОВСКАЯ ПРЕМИЯ 2016

ИДЕАЛЬНАЯ НЯНЯ

ЛЕЙЛА СЛИМАНИ

Annotation

Молодая супружеская пара – Поль, музыкальный продюсер, и Мириам, начинающий адвокат, – нанимает детям няню – вдову средних лет, у которой есть живущая отдельно взрослая дочь. Поль и Мириам приятно удивлены тем, насколько им подошла Луиза: она завоевала сердца детей, изобретая все новые увлекательные игры, и стала поваром и домоправительницей. Никогда еще в квартире не было так чисто, а на столе – так много вкусной еды. Но со временем супруги обнаруживают, что попали в зависимость от своей идеальной няни...

Получившая в 2016 году Гонкуровскую премию, книга Лейлы Слимани – захватывающий психологический триллер и в то же время списанная с самой жизни история сложных человеческих отношений, где любовь, отравленная ревностью, превращается в ненависть.

- [Лейла Слимани](#)

-

-

-

-

-

-

-

-

-

-

- [Стефани](#)

-

-

-

-

-

-

- [Роза Гринберг](#)

-

-

- [Жак](#)

- -
 -
 -
 -
 -
 -
 -
 -
 -
 -
 -
 -
 -
 -
 - [Эктор Рувье](#)
 -
 - [Стефани](#)
 -
 -
 -
 -
 -
 -
 -
 -
 -
 -
 -
 -
 - [Об авторе](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
-

Лейла Слимани

Идеальная няня

Посвящается Эмилю

Мисс Веццис приехала, чтобы присматривать за детьми одной леди, пока не придет настоящая нянька. Леди говорила, что мисс Веццис была плохая, грязная, нерадивая нянька. Леди никогда не приходило в голову, что у мисс Веццис могла быть собственная личная жизнь и дела, над которыми надо было подумать, и что эти дела для мисс Веццис были важнее всего на свете.

Редьярд Киплинг. Посчастливилось^[1]

– Понимаете ли, понимаете ли вы, милостивый государь, что значит, когда уже некуда больше идти? – вдруг припомнился ему вчерашний вопрос Мармеладова. – Ибо надо, чтобы всякому человеку хоть куда-нибудь можно было пойти...

Ф. М. Достоевский.

Преступление и наказание

Leïla Slimani
CHANSON DOUCE
© Editions Gallimard, 2016

Russian Edition Copyright © 2016 by Sindbad Publishers
Publisher and Editor-in-Chief Alexander Andryushchenko

Иллюстрация на обложке: © Marie Carr / Arcangel

Издание на русском языке, перевод на русский язык. Издательство «Синдбад», 2018

Младший умер сразу. Он почти не мучился. Доктор уверял, что он вообще ничего не почувствовал. Безжизненное тельце достали из ванны, где оно лежало в окружении резиновых игрушек, уложили в серый мешок, а мешок застегнули на молнию. Девочка к прибытию полиции была еще жива. Видно было, что она отбивалась изо всех сил – об этом свидетельствовали следы борьбы, в том числе частицы кожи под детскими ногтями. В «скорой», по дороге в больницу, ее сотрясали судороги. Она лежала с широко открытыми глазами и ловила ртом воздух. Горлом шла кровь. У нее было проколото легкое и сильно разбита голова – о ее любимый голубой шкафик.

Полицейские сфотографировали место преступления. Сняли отпечатки пальцев, обмерили ванную и детскую. Ковер с изображением принцессы пропитался кровью. Пеленальный столик опрокинут. Игрушки собрали в полиэтиленовые мешки и опечатали. Голубой шкафик тоже включили в список вещественных доказательств.

Мать пребывала в шоковом состоянии. Это повторяли и пожарные, и полицейские, так писали во всех газетах. Войдя в детскую и увидев распластанные детские тела, она издала крик, нет, нутряной вопль, подобный вою раненой волчицы. Стены комнаты словно заходили ходуном. На майский день вдруг обрушилась беспросветная ночь. Ее вырвало. Полицейские нашли ее в углу комнаты, куда она забилась, захлебываясь от слез, с безумным взглядом. Она визжала так, что казалось, у нее сейчас лопнут легкие. Врач скорой еле заметно покрутил пальцем у виска. Им удалось поднять ее на ноги, несмотря на отчаянное сопротивление, пинки и удары. Потом ее медленно усадили. Девушка-интерн вколола ей успокоительное. Шел первый месяц ее практики.

Но и ту, что все это натворила, надо было спасать. Действуя профессионально и без эмоций. Лишить жизни себя она не сумела. Смогла лишь принести смерть другим. Она вскрыла себе оба запястья, вонзила нож в горло и упала без сознания возле детской кровати с бортиками. Ее подняли, измерили пульс и давление и уложили на носилки. Та же девушка-интерн не отпускала руки от ее шеи.

У подъезда собрались соседи, по большей части женщины. Как раз в этот час они обычно отправлялись в школу за детьми. Они смотрели на машину скорой помощи глазами полными слез. Многие плакали. Все хотели знать, что произошло. Привставали на цыпочки, пытаясь разглядеть

хоть что-нибудь за головами полицейских, кордоном окруживших машину, пока та не отъехала, мигая и вереща сиреной. Женщины тихо перешептывались. Быстро разнесся слух: с детьми страшная беда.

Это был красивый дом на улице Отвиль, в Десятом округе. Его жильцы, даже не зная друг друга, всегда тепло здоровались. Семья Массе занимала квартиру на шестом этаже – самую маленькую в доме. Когда у Поля и Мириам родился второй ребенок, они перегородили гостиную стенкой и устроили себе спальню в узкой комнатухе рядом с кухней, с окном на улицу. Мириам любила резную мебель и арабские ковры. На стену она повесила японские эстампы.

Сегодня она вернулась домой раньше обычного. Поскорее закончила совещание, а подробное изучение дела перенесла на завтра. Сидя на откидном сиденье в вагоне метро, она думала, что сделает детям сюрприз. На улице заскочила в булочную, купила багет, десерт для малышек и апельсиновый кекс для няни. Ее любимый.

Она решила, что сводит их покататься на карусели, а потом они все вместе зайдут в магазин, купить что-нибудь к ужину. Мила, конечно, потребует игрушку, а Адам, сидя в коляске, будет мусолить хлебную горбушку.

И вот Адам мертв. А Мила на волосок от смерти.

* * *

– Только, пожалуйста, никаких нелегальных мигранток! Квартиру убрать или ремонт сделать – ради бога, пусть люди зарабатывают, но брать детям няню без документов – ни за что. А если вдруг понадобится, чтобы она позвонила в полицию или съездила в больницу? В общем, нам нужна не очень старая и некурящая. И никакого хиджаба! Чтоб была шустрая и в случае чего могла задержаться на час-другой. Чтоб дала нам возможность спокойно работать.

Поль подготовился. Составил список вопросов, отведя по тридцать минут на встречу с каждой претенденткой. Супруги решили пожертвовать субботой, но найти детям идеальную няню.

За несколько дней до того, обсуждая эту тему с подружкой Эммой, Мириам услышала, как та жалуется на няню, которая присматривала за ее мальчиками. «У нее самой двое сыновей, и она наотрез отказывается задержаться хоть на минуту или прийти в выходные. Это создает нам массу неудобств. Учти этот момент, когда будешь разговаривать с кандидатками!

Если у няни есть дети, лучше, если они остались у нее на родине». Мириам поблагодарила подругу за совет. На самом деле высказывание Эммы ее покорило. Если бы работодатель сказал что-нибудь подобное о ней или об одной из ее знакомых, она возмутилась бы и заявила, что это дискриминация. Она считала вопиющей несправедливостью отказывать женщине в работе только на том основании, что у нее есть дети. Полю она об этом рассказывать не стала. Муж рассуждал так же, как Эмма. Прагматик, для которого важнее всего собственная семья и карьера.

В то утро они всем семейством сходили в магазин: Мила восседала у Поля на плечах, а Адам спал в коляске. Они купили цветов и навели в квартире чистоту. Им хотелось произвести на потенциальных нянь благоприятное впечатление. Так что они подобрали книги и журналы, валявшиеся на полу, под кроватью и даже в ванной. Поль велел Миле убрать все игрушки в большие пластиковые ящики. Та заупрямилась, захныкала, и в результате папа сделал все сам и придвинул ящики к стене. Они аккуратно сложили детские вещи, поменяли постельное белье на кроватях. Заглянули в каждый угол, выбросили мусор, несколько раз проветрили душноватые комнаты. Они хотели предстать перед потенциальной няней людьми положительными, солидными и аккуратными, которые готовы дать своим детям все самое лучшее. Они хотели быть хозяевами положения.

Мила и Адам спали после обеда, а Мириам с Полем сидели на краю кровати. Оба немного смущенные и взвинченные. Они никогда еще не доверяли детей чужому человеку. Мириам забеременела Милой на последнем курсе юридического факультета. Диплом получила за две недели до родов. Поль не отказывался ни от одной стажировки, преисполненный оптимизма, который когда-то и покорила Мириам. Он не сомневался, что сумеет работать за двоих. И, несмотря на кризис и сокращение бюджетов, сделает карьеру музыкального продюсера.

* * *

Мила родилась слабенькой, вела себя беспокойно, без конца плакала. Она плохо набирала вес, отказывалась брать грудь и отворачивалась от бутылочки, заботливо приготовленной отцом. Склоняясь над детской кроваткой, Мириам, казалось, забывала о существовании внешнего мира. Все ее желания сводились к тому, чтобы влить хоть несколько граммов молочной смеси в ротик тщедушной, но упрямой крохи. Она не замечала

ничего вокруг. Они с Полем ни на миг не расставались с Милой, делая вид, что не замечают раздраженного ворчания друзей, убежденных, что ребенку не место в баре или на банкетке ресторана. О возможности пригласить няню Мириам и слушать не желала. Только она, она одна могла заботиться о своей дочери.

Миле едва минуло полтора года, когда Мириам снова забеременела. Она уверяла всех, что это чистая случайность. «Теперь вы знаете: таблетки не дают стопроцентной гарантии!» – смеясь, восклицала она в кругу подруг. На самом деле она запланировала эту беременность. Адам стал для нее предлогом оставаться в уютном домашнем гнездышке. Поль не возражал. Он только что получил место помощника звукорежиссера в известной студии, где крутился с утра до вечера, потакая капризам артистов, понятия не имеющих о том, что такое нормированный рабочий день. Мириам, казалось, полностью нашла себя в своем почти животном материнстве. Эта жизнь в коконе, вдали от людей, надежно защищала их от всех напастей.

Но потом время как будто замедлилось, и идеальный семейный механизм засбоил. Родители Поля, которые помогали им с момента рождения внучки, теперь все больше времени проводили в своем загородном доме, где затеяли масштабный ремонт. За месяц до вторых родов Мириам они отправились в трехнедельную поездку по Азии, предупредив Поля в самый последний момент. Тот разобиделся и в сердцах жаловался Мириам на их эгоизм и легкомыслие. Однако Мириам почувствовала облегчение. Она терпеть не могла присутствия Сильви. Советы свекрови она выслушивала с улыбкой и только кривилась, когда та лезла в холодильник и критиковала качество хранящихся в нем продуктов. Сама Сильви покупала салат исключительно в магазине биопродуктов. Она готовила еду для Милы, но превращала кухню в настоящий свинарник. Они с Мириам никогда ни в чем не соглашались, и в доме царила гнетущая атмосфера, каждую минуту грозящая разразиться скандалом. В конце концов Мириам сказала Полю: «Оставь своих стариков в покое. Они наконец свободны и имеют право наслаждаться жизнью».

Однако она недооценила тяжести свалившихся на нее забот. С двумя детьми все сразу усложнилось – и походы в магазин, и купание, и посещение врача, и уборка. Счета росли как снежный ком. Мириам мрачнела с каждым днем. Постепенно она стала ненавидеть прогулки в парке. Зимние дни тянулись бесконечно. Капризы Милы ее раздражали, первые словечки Адама оставляли равнодушной. Ей все чаще хотелось хоть куда-нибудь пойти одной, и она готова была взвыть от отчаяния

посреди улицы. «Они меня заживо похоронят», – порой говорила она себе.

Она стала завидовать мужу. Вечером она дожидаться не могла, когда он вернется с работы, чтобы обрушить на него жалобы на вечно хнычущих детей, крохотную квартиру и отсутствие хоть какого-то просвета. Она могла чуть ли не час изливать ему душу. Если он в ответ пересказывал очередную эпопею с записью хип-хопгруппы, она бросала ему: «Везет тебе!» – «Нет, это тебе везет, – не соглашался Поль. – Я тоже хотел бы видеть, как они растут». В этой игре победителей не бывает.

Ночью Поль спал рядом с ней глубоким сном человека, который весь день пахал и заслужил полноценный отдых. Мириам мучилась бессонницей, во власти злости и запоздалых сожалений. Она думала о том, чего ей стоило закончить учебу, несмотря на нехватку денег и отсутствие родительской помощи, вспоминала, какую радость испытала, когда ее приняли в коллегия адвокатов и она впервые облачилась в адвокатскую мантию – Поль тогда сфотографировал ее перед дверями их дома, гордую, с широкой улыбкой.

Многие месяцы Мириам старательно делала вид, что справляется с ситуацией. Даже Полю она не смела признаться, до чего ей стыдно. Что она обмирает от мысли о том, что ей не о чем говорить с другими людьми, кроме как о детских проделках да нелепых диалогах, подслушанных в супермаркете. Она отклоняла приглашения друзей поужинать в ресторане и даже не подходила к телефону, когда ей звонили. Особенно ее пугали женщины – именно они способны на особую жестокость. Тех из них, кто притворялся, что восхищается ею, а то и завидует ей, она готова была придушить голыми руками. Ее выводило из себя, что они жалуются на работу, из-за которой почти не видят своих детей. Но больше всего она боялась разговоров с незнакомыми: когда на невинный вопрос, кем она работает, она отвечала, что она домохозяйка, человек мгновенно терял к ней всякий интерес.

* * *

Однажды, возвращаясь из «Монопри» на бульваре Сен-Дени, она вдруг заметила, что нечаянно украла детские носочки: бросила их в коляску и забыла оплатить. Она еще не добралась до дома и вполне могла вернуться в магазин, но не сделала этого. Полю она не сказала ни слова. Случай был пустяковый, но он не шел у нее из головы. С тех пор, захаживая в «Монопри», она регулярно прятала в коляске сына то флакон

шампуня, то банку крема, то тюбик губной помады, хотя твердо знала, что никогда не будет ею пользоваться. Она понимала, что, если ее схватят за руку, она изобразит задерганную мамашу и, разумеется, все поверят, что она не нарочно. Эти бессмысленные кражи вводили ее в подобие транса. Выйдя из магазина, она смеялась про себя, словно сумела обхитрить весь мир.

* * *

Случайную встречу с Паскалем она восприняла как знак свыше. Сокурсник с юридического не сразу узнал ее – она была в растянутых штанах, стоптанных сапогах, с пучком на немытой голове. Она стояла возле карусели, с которой не желала слезать Мила, и повторяла: «Всё, последний круг», а дочка, вцепившись в свою лошадку, раз за разом проезжала мимо и махала ей ручкой. Подняв глаза, Мириам увидела Паскаля – он улыбался, широко разведя в стороны руки, мол, какой приятный сюрприз! Она улыбнулась ему в ответ, одновременно возясь с коляской. Паскаль спешил на деловую встречу, но, к счастью, она должна была состояться в двух шагах от дома Мириам.

– Я как раз собиралась домой, – предложила она. – Проводишь нас?

Она подхватила Милу, которая протестующе вопила и вырывалась. Мириам с трудом удавалось сохранять на лице улыбку, делая вид, что все в порядке. Все это время она со стыдом думала о том, что под пальто у нее старый свитер и что Паскаль наверняка обратил внимание на застиранный воротник. Она судорожно провела руками по вискам, как будто это могло спасти ее посеченные, нечесанные волосы. А Паскаль как будто ничего не замечал. Он рассказывал о юридической конторе, которую открыл вместе с еще двумя сокурсниками, о трудностях и первых успехах, наполнявших его неподдельной радостью. Она буквально впитывала его слова. Мила все не унималась, и Мириам отдала бы что угодно, лишь бы дочка уgomонилась. Не сводя с Паскаля глаз, она рылась в карманах и в сумке в поисках пустышки или конфетки, чтобы купить ее молчание.

На детей Паскаль едва взглянул. Он даже не спросил, как их зовут. Даже Адам, спавший в коляске как ангелочек, не вызвал в нем умиления.

– Вот мы и пришли.

Паскаль чмокнул ее в щеку и сказал:

– Я был ужасно рад повидаться!

После чего вошел в здание, захлопнув за собой тяжелую синюю дверь,

которая закрылась с таким шумом, что Мириам аж вздрогнула. Она молча взмолилась. Ее охватило отчаяние: она могла бы усесться прямо на тротуаре и зарыдать. Ей хотелось вцепиться Паскалю в ноги, просить его взять ее с собой, дать ей шанс. Домой она вернулась совершенно разбитой. Долго смотрела на мирно игравшую дочку. Потом искупала Адама, постоянно думая о том, что это счастье, тихое, домашнее, камерное, уже не дает ей утешения. Паскаль без сомнения потешался над ней. Возможно, он даже позвонил их общим приятелям по факультету и рассказал, какое жалкое существование ведет Мириам, что она «похожа на чучело» и «думать забыла о карьере».

Всю ночь она прокручивала в голове воображаемые диалоги. А в понедельник, только вышла из душа, звякнул телефон – пришла эсэмэска: «Не знаю, хочешь ли ты вернуться к работе. Если да, мы могли бы это обсудить». Мириам взвизгнула от радости, обняла Милу и запрыгала по квартире.

– Что случилось, мамочка? – удивилась дочка. – Почему ты смеешься?

Чуть позже, однако, она задумалась: может, дело не в том, что Паскаль догадался о ее настроениях. Может, он попросту счел большой удачей случайную встречу с Мириам Шафра, самой способной студенткой с их курса. Возможно, он решил, что окажется в большом выигрыше, если сумеет вернуть такого специалиста в строй для участия в судебных баталиях.

Мириам рассказала все Полю – и была разочарована его реакцией. «Да я понятия не имел, что ты мечтаешь работать», – пожал он плечами. Неожиданно для себя она вспыхнула, и разговор быстро перерос в ссору. Она обвинила Поля в эгоизме, он сказал, что она сама не знает, чего хочет. «Ну хорошо, пойдешь ты работать, я не против, но как быть с детьми?» И он засмеялся, мгновенно показав ей, что считает ее амбиции нелепыми, что еще больше укрепило ее в убеждении, что она обречена на жизнь в четырех стенах.

Успокоившись, они попытались обсудить имеющиеся возможности. Стоял конец января, а значит, у них не было ни единого шанса устроить детей в ясли или группу неполного дня. Знакомств в мэрии у них тоже не было. Если Мириам выйдет на работу, то у них возникнут проблемы с деньгами: две зарплаты на семью не позволят им претендовать на государственное пособие, а расходы на няню нанесут заметный ущерб семейному бюджету. В конце концов они остановились на решении, которое озвучил Поль: «С учетом переработок ты будешь зарабатывать примерно столько же, сколько мы будем платить няне. Но если ты

считаешь, что тебе это нужно...» Этот разговор оставил у Мириам на душе горький осадок. Она злилась на Поля.

* * *

Она хотела сделать все как положено и первым делом направилась в агентство по найму, недавно открывшееся по соседству. В небольшом помещении со скромным интерьером распоряжались две молодые женщины лет тридцати. Стеклянная витрина при входе была выкрашена в нежно-голубой цвет и украшена звездами и золочеными фигурками верблюдов. Мириам позвонила в дверь. Из-за стекла на нее неприязненно уставилась хозяйка. Лениво поднявшись, она подошла к двери, чуть приоткрыла ее и просунула голову:

– Да?

– Здравствуйте.

– Вы ищете работу? Нам необходим полный пакет документов: ваше резюме и рекомендации от предыдущих работодателей.

– Нет-нет, вы меня не поняли. У меня дети. И я ищу няню.

У женщины мгновенно преобразилось выражение лица. Она была явно рада заполучить клиента и досадовала на свою оплошность. Но могла ли она предположить, что эта изможденная женщина с копной жестких курчавых волос была матерью прелестной девочки, которая хныкала, стоя на тротуаре?

Хозяйка раскрыла огромный каталог, и Мириам над ним склонилась.

– Садитесь, пожалуйста! – предложила женщина.

Перед глазами Мириам мелькали десятки фотографий женщин, в основном африканок и филиппинок. Мила развеселилась. «Мамочка, смотри, какая страшная тетя!» – воскликнула она. Мать шикнула на нее и продолжала листать страницы с размытыми, неудачными снимками, и ни на одном лице не было улыбки.

Хозяйка конторы Мириам не понравилась. Ее ханжество, круглое румяное лицо, дурацкий шарфик вокруг шеи. Да еще и расистка, сразу видно. Ей захотелось немедленно убежать. Мириам попрощалась с ней за руку, сказав, что обсудит все с мужем и придет еще раз, но больше туда не пошла. Дома она написала и собственноручно развесила в ближайших магазинах объявления о поиске няни. По совету подруги такие же разместила в интернете с пометкой СРОЧНО. К концу недели они получили шесть откликов.

Мириам ждала появления няни как манны небесной, хотя мысль о том, что ей придется оставить детей, ее ужасала. Она знала о них все и ни с кем не собиралась делиться своим тайным знанием. Ей были известны все их вкусы и заскоки. Она мгновенно определяла, что тот или другая заболел, а не просто капризничает. Она не спускала с них глаз и была уверена, что никто не сможет защитить их лучше ее.

С момента рождения детей Мириам опасалась буквально всего. Особенно того, что дети могут умереть. Она никогда не говорила об этом ни с подругами, ни с Полем, но не сомневалась, что этот страх знаком всем родителям. Что многие из них, глядя на спящего малыша, ловили себя на мысли: а что, если он уже не дышит, что, если эти глазки закрылись навсегда? Она ничего не могла с собой поделать. Воображение рождало жуткие картины, от которых она пыталась избавиться, трясая головой, бормоча молитвы, стуча по дереву или прикасаясь к «руке Фатимы» – оберегу, унаследованному от матери. Она заклинала судьбу, заговаривала детей от болезней, несчастных случаев и хищного аппетита всяких извращенцев. Иногда ей снилось, что ее дети вдруг исчезли, пропали прямо среди равнодушной толпы. «Где мои дети?!» – кричала она, но все вокруг только смеялись и показывали на нее пальцем: вот ненормальная.

* * *

– Она опаздывает. Хорошенькое начало.

Поль терял терпение. Он подошел к входной двери и посмотрел в глазок. На часах уже 14:15, а первая кандидатка, филиппинка, еще не появилась.

В 14:20 Жижжи робко постучалась в дверь. Ей открыла Мириам. И сразу удивилась, какие у женщины крохотные ножки. Несмотря на холод, на ней были тканевые теннисные туфли и белые носки с оборочками. На вид ей около пятидесяти, а ножки – как у ребенка. Одета довольно элегантно, волосы заплетены в тугую косу, спускающуюся вдоль спины. Поль сухо заметил, что она опоздала. В ответ Жижжи опустила голову и что-то забормотала извиняющимся тоном. По-французски она изъяснялась с большим трудом. Поль без особых надежд перешел на английский. Жижжи рассказала о себе, о том, что на родине у нее остались дети. Младшего сына она не видела уже десять лет. Нет, она им точно не подойдет. Задав для проформы несколько вопросов, ровно в 14:30 Поль проводил женщину к выходу. «Мы вам позвоним. *Thank you*».

После нее явились: Грас, уроженка Кот-д’Ивуара, улыбчивая нелегалка. Каролина, дебелая блондинка с сальными волосами, которая начала с жалоб на боли в спине и проблемы с венами. Малика, пожилая марокканка, уверявшая, что у нее двадцатилетний опыт и что она обожает детей. Мириам была непреклонна. Ни за что на свете она не доверит своих детей магрибинке. «Но это же прекрасно! – уговаривал ее Поль. – Она научит их говорить по-арабски, раз уж ты этого делать не желаешь». Но Мириам отказалась наотрез. Она боялась, что между ней и няней установится невольная фамильярность. Марокканка будет обращаться к ней по-арабски, рассказывать о своей жизни, а потом завалит бесконечными просьбами, упирая на общность языка и религии. Она всегда скептически относилась к тому, что называют «иммигрантской солидарностью».

* * *

А потом пришла Луиза. Вспоминая о той первой встрече, Мириам всегда повторяла: там и думать было нечего. Как любовь с первого взгляда. Особенно она напирала на реакцию Милы. «Это она ее выбрала!» – настаивала Мириам. Мила только что проснулась после дневного сна, разбуженная громким плачем братишки. Поль пошел взять на руки сына, Мила тут же уцепилась за его ногу и больше от него не отходила. При их появлении Луиза поднялась. Мириам описывала эту сцену, восхищаясь самообладанием няни. Та осторожно взяла Адама из рук отца и притворилась, будто не замечает Милу. «А где же наша принцесса? Вроде бы тут была принцесса, но она куда-то подевалась!» Мила рассмеялась от счастья, а Луиза продолжала игру, заглядывая то под стол, то за диван и изображая, что ищет загадочную принцессу-невидимку.

Они задали ей несколько вопросов. Луиза рассказала, что муж у нее умер, что дочь, Стефани, теперь совсем взрослая («ей скоро двадцать, даже не верится!») и что у нее много свободного времени. Она протянула Полю листок со списком имен своих прежних работодателей. Первой значилась фамилия Ровье, и Луиза сказала: «У них я работала довольно долго. Там тоже двое детей. Мальчики». Поль и Мириам были очарованы Луизой, ее правильными чертами, открытой улыбкой, спокойствием. Она казалась невозмутимой. У нее был взгляд человека, который все понимает и способен все простить. Ее лицо напоминало морскую гладь, при взгляде на которую не хочется думать, что за бездны могут таиться в ее глубинах.

Тем же вечером они позвонили по номеру телефона, который оставила им Луиза. Ответила женщина, скорее холодно, но, услышав имя Луизы, тут же сменила тон:

– Луиза? Вам очень повезло, что вы на нее попали! Для моих мальчиков она была как вторая мать. Когда пришлось с ней расстаться, у меня сердце кровью обливалось. Честно говоря, я даже подумывала завести третьего ребенка, лишь бы ее не терять.

* * *

Луиза распахнула ставни. В начале шестого утра еще горели уличные фонари. Внизу, прижимаясь к стенам, чтобы не попасть под струи дождя, шел мужчина. Ливень продолжался всю ночь. В трубах завывал ветер – или это ей снилось? Складывалось впечатление, что дождь идет горизонтально, поливая, как из шланга, фасады и окна домов. Луиза любила смотреть в окно. Вот прямо напротив, зажатый между двумя мрачными зданиями, приютился маленький дом, окруженный запущенным садом. В начале лета там поселилась молодая пара парижан с детьми, которые играли в саду и качались на качелях, а по воскресеньям пололи огородик. Луиза не понимала, что они забыли в этом квартале.

Она поежилась от недосыпа. Поковыряла ногтем уголок окна. Она мыла окна дважды в неделю, но ей все равно казалось, что стекла в разводах – пыли и грязных потеков. Она все сильнее скребла по стеклу, пока не сломался ноготь на указательном пальце. Она поднесла палец ко рту и прикусила его, чтобы остановить кровотечение.

В квартире была всего одна комната, служившая Луизе и спальней и гостиной. Каждое утро она складывала диван-кровать и накрывала его черным чехлом. Ела она за низким столиком, перед включенным телевизором. Возле стены высились все еще не распакованные коробки, хотя кое-что из их содержимого, возможно, оживило бы эту безликую комнату. Справа от дивана висел снимок рыжеволосой девушки-подростка в золоченой рамке.

Она тщательно разложила на диване длинную юбку и блузку. Взяла с пола туфли-балетки, купленные больше десяти лет назад, но благодаря тщательному уходу до сих пор выглядевшие почти как новые. По крайней мере, на ее взгляд. Лакированные, самого простого фасона, на квадратном каблучке, украшенные небольшим бантиком. Она села и принялась полировать туфли ватным диском, окуная его в крем для снятия макияжа.

Она делала это не торопясь, умело и старательно, полностью погруженная в свое дело. Ватный диск постепенно почернел от грязи. Луиза поднесла туфлю к стоящей на ночном столике лампе, убедилась, что лак сияет как надо, поставила туфлю на пол и взяла вторую.

Утро только началось, так что она вполне успевала привести в порядок ногти. Она забинтовала указательный палец, а остальные покрасила скромным розовым лаком. Впервые в жизни она потратилась и выкрасила волосы в парикмахерской. Сейчас она заколола их в высокий пучок. Потом нарисовала голубые тени для век, хотя голубые тени для век ее старили. Зато фигурка у нее такая тонкая и изящная, что издали ей можно дать двадцать лет. На самом деле она больше чем вдвое старше.

* * *

Луиза бесцельно бродила по комнате, которая еще никогда не казалась ей такой маленькой и тесной. Она присела было, но тут же снова поднялась. Она могла бы включить телевизор. Выпить чаю. Почитать старый выпуск женского журнала, который держала у кровати. Но она боялась расслабиться, потерять представление о времени, впасть в ступор. Слишком рано проснувшись, она чувствовала себя слабой, как перед болезнью, и думала, что, стоит ей на минутку закрыть глаза, она заснет и опоздает. А ей в свой первый рабочий день следовало быть бодрой и внимательной.

Она больше не могла томиться дома. Без малого в шесть, понимая, что доберется до места с большим запасом, она вышла из дома и быстро зашагала в сторону метро. Дорога до станции «Сен-Мор-де-Фоссе» заняла больше четверти часа. В вагоне она села напротив старого китайца, который спал, скрючившись и уткнувшись лбом в стекло. Она смотрела на его изможденное лицо. На каждой остановке ей хотелось его разбудить. Она боялась, что он заедет не туда, откроет глаза на конечной, один в опустевшем вагоне, и ему придется ехать назад. Но она сдержалась. С незнакомыми лучше не разговаривать. Однажды в метро на нее набросилась черноволосая девушка, очень красивая. «Чего уставилась? – орала она. – Какого хрена на меня пялишься?!»

На станции «Обер» Луиза вышла на платформу. Народу в метро заметно прибавилось. Какая-то женщина толкнула ее, пока она поднималась по лестнице на пересадку. Вдруг нос и глотку заполнил тошнотворный запах круассанов вперемешку с подгоревшим какао. На

станции «Опера» она пересела на Седьмую линию и вышла из метро на станции «Пуассоньер».

Луиза приехала почти на час раньше, поэтому села за столик на террасе не слишком уютного кафе «Паради», откуда могла наблюдать за подъездом дома. Она вертела в пальцах ложку и с завистью смотрела на мужчину за столиком справа, который курил, то и дело поднося сигарету к своим губам – пухлым губам развратника. Ей захотелось выхватить у него сигарету и сделать долгую, упоительную затяжку. Не в силах больше ждать, она заплатила за кофе и вошла в еще полусонный дом. Через четверть часа она позвонит в дверь, а пока села на ступеньку лестничного пролета. Послышался шум. Она едва успела вскочить, как увидела Поля, который с пыhtением спускался по лестнице. Под мышкой он тащил велосипед, на голове у него красовался розовый шлем.

– Луиза! И давно вы здесь ждете? Почему не зашли?

– Не хотела вас беспокоить.

– Что вы, какое беспокойство, напротив! Вот, держите, это ваши ключи, – сказал он, доставая из кармана связку. – Проходите и будьте как дома!

* * *

«Наша няня – волшебница!» Именно в таких словах Мириам описывала появление в их жизни Луизы. Очевидно, эта женщина и впрямь обладала магической силой, потому что в один миг превратила их тесную, душную квартиру в светлую и просторную. Луиза словно раздвинула стены. Шкафы при ней стали вместительнее, ящики комодов – глубже. Она впустила в дом свет.

В первый день Мириам дала ей некоторые инструкции. Показала, как работает бытовая техника. Демонстрируя очередную шмотку, она повторяла: «Пожалуйста, будьте с ней особенно аккуратны. Я очень ее люблю». Особо упомянула коллекцию пластинок, которую собирал Поль, подчеркнув, что нельзя подпускать к ней детей. Луиза молча и послушно кивала. Она осмотрела каждую комнату с видом генерала перед решающей битвой.

За неделю-другую Луизе удалось превратить их безалаберное жилище в по-настоящему респектабельный дом. Ее старомодный, классический вкус пришелся здесь как нельзя кстати. Мириам и Полю все время хотелось себя ущипнуть. Она пришила пуговицы ко всем рубашкам, которые

месяцами валялись в шкафу, потому что им было некогда искать иголку. Подрубила юбки и брюки. Починила одежды Милы, которые Мириам приготовила было на выброс. Постирала пожелтевшие от пыли и табачного дыма шторы. Она раз в неделю меняла постельное белье. Поль и Мириам нарадоваться не могли. Поль как-то в шутку сказал Луизе, что она вылитая Мэри Поппинс. Но не был уверен, что она оценила комплимент.

Ночью супруги, лежа на свежих простынях, смеялись от радости, не веря, что у них действительно началась счастливая новая жизнь. У них было чувство, что они нашли редкостный алмаз, поймали удачу за хвост. Конечно, зарплата Луизы проделала брешь в семейном бюджете, но Поль и не думал жаловаться. За несколько недель Луиза стала им необходимой.

* * *

Вечером, когда Мириам возвращалась домой, ее ждал готовый ужин и спокойные, аккуратно причесанные дети. Луиза воплощала самые смелые мечты Мириам об идеальной семье, которые та, стыдясь про себя, всегда лелеяла. Луиза приучила Милу убирать свои вещи, и изумленные родители наблюдали, как дочка вешает свое пальто на вешалку.

Бесполезные вещи куда-то испарились. У Луизы почему-то ничего не скапливалось: ни немытая посуда, ни грязная одежда, ни почта, забытая под кипой журналов. Ничего не портилось и не пропадало. Луиза следила за всем. Луиза была скрупулезна. Она все записывала в блокнотик с обложкой в цветочек. В котором часу забрать Милу из детского сада, в какие дни отвести на занятия танцами, когда сходить с детьми к педиатру. Туда же она заносила названия лекарств, которые давала детям, сколько заплатила на прогулке за мороженое, что именно сказала о Миле воспитательница.

Через несколько недель она уже самостоятельно решала, где чему место. Она перетряхнула все шкафы и между вешалками с пальто развесила мешочки лаванды. Она ставила в вазы цветы. Когда Адам спал, а Мила была в саду, Луизу охватывало состояние безмятежного довольства; она садилась и наслаждалась плодами своих усилий. Притихшая квартира, полностью покорившаяся ее власти, казалась ей врагом, смиренно молящим о пощаде.

Но самые чудесные перемены произошли на кухне. Мириам призналась Луизе, что не умеет да и не любит готовить. Теперь няня стряпала им блюда, которые Поль не уставал нахваливать, а дети

проглатывали в один присест и без всяких капризов, хотя никто не заставлял их «доесть все до крошки». Они снова стали приглашать друзей, которые за милую душу уписывали фрикасе из телятины, потофё, рульку с шалфеем и овощи в панировке. Они наперебой поздравляли Мириам и осыпали ее комплиментами, на что она всегда честно отвечала: «Я здесь ни при чем. Это наша няня приготовила».

* * *

Когда Мила была в детском саду, Луиза привязывала к себе Адама широким шарфом. Ей нравилось чувствовать на своем животе пухлую детскую попку, нравилось, как пахнет его слюна, стекавшая вниз по щеке, если он засыпал. Целыми днями она пела песенки этому ангелочку, восторгаясь его ленивой грацией. Она делала ему массаж, и ее распирало от гордости за его перевязочки и круглые розовые щечки. По утрам он встречал ее громким лопотанием и тянул к ней ручонки. Всего через несколько недель после появления в доме Луизы Адам научился ходить. Его стало не узнать: он больше не плакал ночи напролет, а спокойно спал до самого утра.

Мила все еще немного дичилась. Это была тоненькая девочка с осанкой балерины. Луиза делала ей такой тугий пучок, что глаза у девочки казались чуть раскосыми, вытянутыми к вискам. Такой она напоминала персонаж средневекового портрета – высокий лоб, благородный ледяной взор. Мила росла трудным ребенком, способным кого угодно вывести из терпения. Чуть что не по ней, она заливалась плачем. Могла упасть на землю посреди улицы, колотя ногами и руками, так что Луизе приходилось, сгорая от унижения, тащить ее за собой. Если няня присаживалась на корточки, пытаясь о чем-нибудь с ней договориться, Мила демонстративно отворачивалась и принималась вслух считать бабочек на обоях. Рыдая, она не забывала посмотреть на себя в зеркало. Эта девочка была просто околдована собственным отражением. На улице она не сводила глаз с витрин и не один раз врезалась в столб или спотыкалась о выбоины на тротуаре, не в силах оторваться от самосозерцания.

Мила – хитрюга. Она понимала, что на них смотрят прохожие и что Луизе за нее стыдно. В присутствии посторонних няня уступала быстрее. Луиза специально делала крюк, лишь бы не проходить мимо магазина игрушек на проспекте, перед витриной которого Мила каждый раз устраивала истерику. По дороге в детский сад она еле волочила ноги.

Могла стащить ягоду малины с лотка торговца фруктами. Залезала на приступки витрин, пряталась за выступами домов, а то вдруг удирала со всех ног. Луиза бежала за ней, толкая коляску и громко выкрикивая ее имя, пока Мила не останавливалась у самого края тротуара. Иногда девочка раскаивалась. Видя, как Луиза бледнела от страха, Мила и сама пугалась. Становилась кроткой и ласковой, говорила, что больше так не будет, прижималась к ногам няни и с плачем требовала прощения.

Постепенно Луизе удалось приручить дикарку. День за днем она рассказывала ей сказки, в которых действовали одни и те же персонажи. Сиротки, заблудившиеся девочки, томящиеся в темнице принцессы... Она описывала заброшенные замки, в которых поселились ужасные людоеды, диковинных животных, странных птиц с кривыми клювами, однолапых медведей и печальных единорогов. Девочка сидела тихо-тихо, ловила каждое слово и без конца просила рассказать, что было дальше. Откуда у Луизы брались эти истории? Они рождались в ее сознании сами и изливались бурным потоком без малейшего усилия с ее стороны, без напряжения памяти или воображения. Из каких темных озер, затерянных во мраке непроходимых чащоб, черпала она эти жестокие сюжеты, неизменно заканчивавшиеся гибелью героя, перед смертью все-таки успевшего спасти мир?

* * *

Мириам не любила, когда по утрам открывались двери их адвокатской конторы. После 9:30 начинали собираться коллеги: они пили кофе, звонили по телефону, расхаживали туда-сюда. Прощай, покой.

Мириам всегда приходила на работу первой, еще до восьми. Включала маленькую настольную лампу. Перед четким кругом света, в почти кладбищенской тишине к ней возвращалась сосредоточенность, знакомая по годам студенчества. Забыв обо всем, она с наслаждением погружалась в изучение папок с делами. Иногда она прогуливалась по темным коридорам с тем или иным документом в руке и вслух говорила сама с собой. Брала чашку кофе и шла на балкон выкурить сигарету.

Утром своего первого рабочего дня Мириам поднялась чуть свет, преисполненная почти детского энтузиазма. Надела новую юбку и туфли на каблуках, так что Луиза воскликнула: «Какая вы красивая!» На пороге квартиры няня с Адамом на руках подтолкнула хозяйку к выходу. «Ни о чем не волнуйтесь, – повторяла она. – У нас все будет хорошо».

Паскаль встретил Мириам очень радушно. Он отвел ей кабинет, смежный со своим и разделенный дверью, которая почти никогда не закрывалась. Через пару-тройку недель Паскаль поручил ей несколько дел, которые доверил бы не всякому более опытному коллеге. А через несколько месяцев Мириам уже самостоятельно вела дела десятка клиентов. Паскаль говорил, что ей надо набить руку, и тогда она сумеет проявить свою фантастическую работоспособность. Она ни от чего не отказывалась. Не вернула Паскалю ни одного дела. Не жаловалась, что вынуждена задерживаться вечерами. Он часто говорил ей: «Ты просто гений». На протяжении долгих месяцев она не поднимая головы корпела над всякой мелочовкой. Защищала уличных наркодилеров, неплательщиков алиментов, одного эксгибициониста, незадачливых воришек, пьяных водителей. Вела дела недобросовестных должников, мошенников с банковскими картами и присвоением чужой личности.

Паскаль рассчитывал на нее в привлечении новых клиентов и советовал посвятить часть времени изучению судопроизводства. Дважды в месяц она отправлялась в суд коммуны Бобиньи и до девяти вечера сидела в коридоре, глядя на часы, стрелки которых, казалось, прилипли к циферблату. Иногда выдержка ей изменяла, и она грубо отшивала растерянных клиентов. Но она старалась и в конце концов добивалась своего. Паскаль не уставал ей повторять: «Ты должна знать дело назубок!» И она не ленилась. До глубокой ночи читала и перечитывала судебные протоколы. Цеплялась за малейшую неточность, за каждое нарушение процедуры. Она отдавалась каждому делу с маниакальной страстью, что вскоре принесло свои плоды. Бывшие клиенты рекомендовали ее своим друзьям. Ее имя стало популярным среди осужденных. Один парень, которого Мириам спасла от тюремного срока, клялся ей в вечной благодарности. «Ты меня вытащила, – говорил он. – Я этого не забуду».

Однажды ей позвонили посреди ночи с просьбой присутствовать при предварительном аресте. Бывшего клиента задержали по обвинению в нанесении побоев супруге. Он, однако, утверждал, что не способен поднять руку на женщину. Было два часа ночи. Мириам оделась в полной темноте, стараясь не шуметь, только наклонилась поцеловать Поля. Он заворчал и отвернулся.

Муж часто говорил ей, что она совсем заработалась, и это ее злило. Обиженный, он старался проявлять преувеличенную заботу о ней, уверял, что беспокоится о ее здоровье и что Паскаль ее эксплуатирует. Она гнала от себя мысли о детях, связанные с пожирившим ее чувством вины. Порой ей казалось, что все сговорились против нее. Свекровь твердила, что «Мила

часто болеет потому, что чувствует себя брошенной». Коллеги никогда не приглашали ее зайти после работы в бар и изумлялись, что она сидит в конторе допоздна. «У тебя же вроде дети, ты забыла?» А тут еще воспитательница Милы вызвала Мириам для разбора глупой ссоры ее дочери с мальчиком из группы. Мириам принялась извиняться за то, что не ходит на родительские собрания, отправляя вместо себя Луизу, и воспитательница, седовласая дама, широко разведя руки, произнесла: «Если б вы только знали! Это болезнь века. Бедные дети предоставлены самим себе, а у родителей только карьера на уме. Они все время куда-то спешат. Знаете, какое слово они чаще всего говорят детям? «Быстрее!» И разумеется, бесследно это не проходит. Дети заставляют нас платить за свои тревоги и чувство заброшенности».

Мириам ужасно хотелось поставить ее на место, но она почему-то не решилась. Может, из-за того, что сидела на неудобном детском стульчике в комнате, пропахшей акварелью и пластилином? Эта обстановка вкупе с «учительским» тоном собеседницы словно вернула ее в детство, к годам послушания и принуждения. Мириам улыбнулась. Пробормотала, что благодарна за внимание, и пообещала, что Мила исправится. Она сдержалась и не высказала этой старой гарпии, что думает о ней, ее женоненавистничестве и ханжестве. Она слишком боялась, что та выместит свою злобу на ее дочери.

Зато Паскаль, судя по всему, отлично понимал ее азарт, всепоглощающую жажду признания и желание бросить вызов судьбе. Они как будто вели незримый бой, от которого каждый получал острое удовольствие. Он толкал ее вперед, она ни разу не споткнулась. Он испытывал ее на выносливость, она ни разу его не подвела. Однажды он пригласил ее выпить по стаканчику после работы. «Сегодня ровно полгода, как ты к нам пришла. Это стоит отметить!» Они молча шли по улице. Он открыл перед ней дверь быстро, и она ему улыбнулась. Они выбрали столик в глубине зала и сели на мягкий диванчик. Паскаль заказал бутылку белого вина. Они заговорили о последнем деле, но почти сразу переключились на воспоминания о студенческих годах. О грандиозной вечеринке, которую устроила их сокурсница Шарлотта в родительском особняке в восемнадцатом округе Парижа. О том, как тряслась бедняжка Селин в день устного экзамена. Мириам пила быстро и смеялась шуткам Паскаля. Ей совсем не хотелось домой. Не хотелось никого предупреждать. Не хотелось, чтобы ее ждали. Но у нее был Поль. И дети.

Эротические флюиды, легкие, покалывающие, заиграли у нее в горле и в груди. Она провела кончиком языка по губам. Впервые за долгое время

она ощутила простое, здоровое, эгоистическое желание. Желание быть собой. Мириам любила Поля, и тело мужа было для нее связано с множеством воспоминаний. Когда он входил в нее, он входил в ее отягощенную материнством утробу, которая так часто принимала сперму Поля. Благодаря складкам и изгибам этой утробы они создали семью, вместилище безмерных тревог и безмерного счастья. Это Поль массировал ее отекавшие ноги со вздутыми венами. Это он заметил, что простыня вся в крови. Это он держал ее голову, пока ее рвало, жалкую и скрюченную. Он промокал ей лицо во время схваток. Это он достал из нее детей.

* * *

Ей всегда претила мысль о детях как о препятствии к личному успеху, к свободе. Как о якорю, тянущем ко дну, как о камне, привязанном к ногам утопленника. Поначалу осознание этой истины погрузило ее в глубокую печаль. Ей казалось, что это ужасно, до отчаяния несправедливо. Она понимала, что никогда не сможет избавиться от чувства неудовлетворенности, боязни, что она неудачница, что принесла одну часть своей жизни в жертву другой. Она переживала это как настоящую трагедию, не желая отказываться от мечты об идеальной семье. И убедила себя, что все в ее силах, что она может добиться своих целей и при этом не превратиться в стерву или в трудоголика. Она не собиралась играть роль мученицы или мамыши Кураж.

Почти каждый день Мириам получала сообщения от своей подруги Эммы. Та постоянно публиковала в социальной сети обработанные в технике сепии снимки двух своих белокурых детей. Мальши еще играли в песочнице, но прозорливая мать уже записала их в школу, которая, несомненно, поможет расцвести их талантам. Она дала им непроизносимые имена, заимствованные из скандинавской мифологии, и с радостью объясняла их значение новым знакомым. Эмма сама присутствовала на этих снимках, красивая и довольная. В отличие от мужа, обязанность которого сводилась к роли фотографа идеального семейства. Иногда он, правда, предпринимал попытки пролезть в кадр. Он носил бороду и ходил в джемперах из натуральной шерсти, а на работу облачался в неудобные узкие брюки.

Мириам не решалась поделиться с Эммой своими смутными мыслями, не столько жестокими, сколько постыдными, возникавшими у нее при взгляде на Луизу и своих детей. Мы не будем счастливы, думала она, пока

не перестанем нуждаться в ком бы то ни было. Пока не заживем своей собственной жизнью, принадлежащей только нам и никому другому. Пока не станем свободными.

* * *

Мириам посмотрела в дверной глазок. Каждые пять минут она повторяла: «Они опаздывают». Мила нервничала. Она сидела на краешке дивана в кошмарном платье из тафты, с глазами полными слез.

– Думаешь, они не придут?

– Ну конечно придут, – ответила Луиза. – Подождем еще немного.

Подготовка к празднованию дня рождения Милы приобрела прямо-таки вселенский масштаб. Целых две недели Луиза ни о чем другом и думать не могла. Вечером, когда Мириам, валясь с ног от усталости, возвращалась с работы, Луиза показывала ей гирлянды собственного изготовления. С истерическими нотками в голосе она говорила, что нашла в одном магазине чудное платье из тафты, которое, она уверена, страшно понравится Миле. Мириам едва сдерживалась, чтобы ее не оборвать. Ее раздражали эти нелепые хлопоты. Мила совсем еще ребенок! Совершенно незачем морочить ей голову подобными глупостями. Луиза недоверчиво смотрела на нее, вытаращив свои маленькие глазки, а потом призвала в свидетели радостно-возбужденную Милу. Главное – доставить удовольствие принцессе, а значит, день рождения надо превратить в настоящую феерию. Мириам подавила свой сарказм. Она чувствовала себя немного виноватой и в конце концов пообещала, что сделает все от нее зависящее, чтобы быть в этот день дома.

Луиза решила устроить праздник в среду днем, когда все дети в Париже и никто не сможет отказаться от приглашения. Мириам ушла на работу утром, но дала слово, что после обеда вернется.

Открыв дверь, она едва не вскрикнула – квартиру было не узнать. Гостиная совершенно преобразилась: в глазах рябило от блестящих украшений, шариков и бумажных гирлянд. Диван был отодвинут к стене, чтобы освободить место для детских игр. Даже дубовый стол – тяжеленный, который не покидал своего места со дня их вселения в квартиру – и тот перебрался на другой конец комнаты.

– Кто же двигал мебель? Это Поль вам помог?

– Нет, – отвечала Луиза. – Я сама.

Мириам не верила своим глазам. Глядя на миниатюрные, тонкие, как

спички, руки няни, она чуть не фыркнула от смеха. Потом она вспомнила, что и раньше замечала, какой невероятной силой обладает Луиза. Пару раз она с изумлением наблюдала, как Луиза тащит тяжелые громоздкие сумки, одновременно держа на руках Адама. За хрупкой внешностью этой женщины скрывалась колоссальная мощь.

Все утро Луиза надувала шарики, скручивала их в форме разных животных и развешивала повсюду, от прихожей до кухни. Она сама приготовила праздничный торт, гигантскую шарлотку со свежими ягодами, украшенную съедобными фигурками.

Мириам жалела, что зря потратила половину рабочего дня. Как было бы хорошо провести это время в тиши родного кабинета! День рождения дочки выбил ее из колеи. Она боялась оравы непослушных детей, от скуки готовых на что угодно. Она не хотела мирить поссорившихся и утешать плачущих, чьи родители не торопились забирать свои чада. У нее в памяти всплыли отвратительные воспоминания из собственного детства. Она снова как наяву увидела себя сидящей на белом пушистом ковре, отдельно от компании других девочек, занятых игрой в кукольный обед. Она уронила на ковер кусочек шоколада, который тут же растаял, а потом попыталась замаскировать следы «преступления», но сделала только хуже, и мать именинницы строго отчитала ее на глазах у всех.

Мириам ушла к себе в комнату, закрыв за собой дверь, под тем предлогом, что ей надо срочно проверить рабочую почту. Она знала, что сегодня, как всегда, может вполне рассчитывать на Луизу. Дверной звонок застал ее врасплох. Гостиная наполнилась детскими криками. Луиза включила музыку. Мириам на цыпочках вышла из комнаты и стала наблюдать за детьми, сгрудившимися вокруг Луизы. Как замороженные, они ходили за ней по пятам. Она пела им песенки и показывала фокусы. Под их восхищенными взглядами она то и дело меняла облик, и детвора, которую не так легко провести, мгновенно признала в ней свою. Она фонтанировала весельем и энергией, пела, смеялась, мяукала котом и лаяла собакой. В какой-то момент она встала на четвереньки и посадила себе на спину Милу и еще одного мальчика, заставив остальных детей смеяться до слез и упрашивать ее покатать и их.

* * *

Больше всего Мириам восхищала способность Луизы играть самозабвенно, как играют дети, наслаждаясь своим всемогуществом.

Однажды, вернувшись домой, Мириам обнаружила Луизу на полу, с лицом в боевой раскраске: няня разрисовала себе лоб и щеки черными полосами. Ее голову украшал венец из перьев, сделанных из цветной бумаги. Середину гостиной занимал импровизированный вигвам, сооруженный из простыни, швабры и стула. Растерянная Мириам остановилась в дверях. Она глядела на Луизу, которая корчилась и издавала дикие вопли, и чувствовала страшную неловкость. Первым делом она подумала, что няня вдрызг пьяна. Заметив Мириам, Луиза поднялась на ноги и направилась к ней нетвердой походкой, с пылающими щеками. «Простите, у меня ноги затекли», – сказала она. Адам обхватил ее за икру, и она засмеялась смехом, еще принадлежащим тому выдуманному миру, в который увлекла их игра.

Наверное, Луиза и сама большой ребенок, успокаивала себя Мириам. Потому и игры с Милой она воспринимает слишком всерьез. К примеру, они обожали играть в полицейских и воров, и Луиза позволяла запирать себя в воображаемой камере. Иногда она изображала стража порядка и гонялась за Милой, каждый раз строго устанавливая, где что находится, и требуя от девочки соблюдать эту «географию». Она мастерила костюмы и сочиняла сценарий, полный неожиданных поворотов. С предельной тщательностью готовила декорации и реквизит. Порой Мила, устав ждать, умоляла няню: «Ну хватит, давай уже играть!»

Но больше всего Луиза – о чем Мириам и не подозревала – обожала играть в прятки. Только в ее прятках никто не считал «до десяти», и в них вообще отсутствовали правила. Игра всегда начиналась без предупреждения. Просто Луиза вдруг исчезала. Она забивалась в какой-нибудь укромный уголок и ждала, что дети будут ее искать. Чаще всего она выбирала такие места, откуда могла за ними наблюдать. Забиралась под кровать или вставала за дверью и стояла так, замерев и почти не дыша.

Сообразив, что сейчас будет игра, Мила издавала громкий вопль и хлопала в ладоши. Повторяя за ней, то же делал и Адам. От смеха у него подгибались ноги, и он шлепался на попку, поднимался и снова шлепался. Они звали ее, но она не откликалась.

– Луиза-а! Ты где? Луиза, мы идем тебя искать!

Луиза молчала. Она не показывалась, даже когда дети начинали плакать, даже когда их всхлипы переходили в рыдания. Подглядывая из укрытия, она видела, как Адам, захлебываясь слезами, ложился на пол. Он не понимал, что происходит, и звал ее, глотая последний слог: «Лу! Лу-у!» Его личико, перемазанное соплями, краснело от злости. Постепенно и Мила поддавалась страху. Она уже была готова поверить, что Луиза и правда ушла, бросила их одних в квартире, где уже сгущались сумерки, и

больше не вернется. Когда страх становился нестерпимым, Мила умоляла няню: «Луиза, это не смешно! Где ты?!» Она сердилась и топала ногами. Луиза выжидала. Наблюдала за детьми как за конвульсиями только что выловленной рыбы с окровавленными жабрами, которая трепыхается на дне лодки и понапрасну хватает воздух измученным ртом, не понимая, что ей конец.

Через некоторое время Мила научилась находить места, где пряталась няня. Она сообразила, что нужно открывать двери, поднимать шторы, заглядывать под кровати. Но Луизе с ее миниатюрной фигурой ничего не стоило отыскивать все новые – она могла забраться в корзину с грязным бельем, залезть под стол Поля или в шкаф, да еще и набросить на себя одеяло. Как-то раз она спряталась в душевой кабине, а свет в ванной, конечно, не зажгла. Мила искала ее долго, но так и не нашла, и заплакала. Луизу ее рыдания не разжалобили. Детские слезы на нее не действовали.

Но в один прекрасный день Мила не стала плакать. Луиза попала в собственную ловушку. Мила молча бродила вокруг корзины с грязным бельем, где засела Луиза, притворяясь, что ни о чем не догадывается. Потом она села сверху, и Луиза почувствовала, что задыхается.

– Ну что, миримся? – прошептала девочка.

Но Луиза не желала сдаваться. Она сидела тихо, как мышка, упершись коленями в подбородок, и слушала, как маленькие ножки постукивают по стенкам плетеной корзины.

– Луиза, я же знаю, что ты там! – засмеялась Мила.

Вдруг Луиза резко выпрямилась, и Мила свалилась на пол, ударившись головой о кафельную плитку. От неожиданности она заплакала, но при виде торжествующей Луизы, воскресшей из небытия и празднующей победу, перестала реветь и затряслась в истерическом смехе. В ванную вбежал Адам и присоединился к веселью сестры и няни, которые обе хохотали как безумные, едва не давась от смеха.

Стефани

В восемь лет Стефани уже умела менять пеленки и готовить детскую смесь. Уверенно и бесстрашно она подсовывала руку под хрупкую шейку младенца и вынимала его из решетчатой кровати. Она знала, что малыша надо положить на спинку и ни в коем случае не трясти. Она могла его искупать, крепко держа рукой за плечи. У нее не было ни братьев, ни сестер, но ее детские воспоминания были неразрывно связаны с криками, слезами и лепетом новорожденных. Окружающие поражались тому, с какой любовью она заботится об этих крохах, и говорили, что у нее чрезвычайно развито материнское чувство и чувство ответственности, какое не часто встретишь у девочки ее возраста.

Пока Стефани росла, ее мать присматривала за чужими детьми у себя дома. Точнее сказать, дома у Жака, что он всегда с настойчивостью подчеркивал. По утрам матери приносили своих малышей. Она хорошо помнила этих вечно спешащих, печальных женщин. Выйдя из квартиры, они всегда медлили, приложив ухо к двери. Луиза научила дочь узнавать звуки их пугливых шагов по коридору. Некоторые из них возвращались на работу почти сразу после родов, доверяя грудного ребенка заботам Луизы. Они доставали из непрозрачных сумок бутылочки со сцеженным ночью грудным молоком, которые Луиза ставила в холодильник. Стефани не забыла про эти бутылочки, на каждой из которых значилось имя ребенка. Как-то ночью она проснулась, встала, взяла бутылочку краснощекого Жюля, который своими острыми ноготками однажды поцарапал ей щеку, и залпом выпила молоко. Кисловато-сладкий вкус подгнившей дыни еще несколько дней стоял у нее во рту.

В субботу вечером они с матерью иногда ходили сидеть с детьми в чужие квартиры, которые тогда казались ей огромными. Женщины, красивые и величественные, шествовали в переднюю, по пути чмокнув в щечку детей и оставив на ней след помады. Мужчины, ждавшие в гостиной, чувствовали себя в обществе Луизы и Стефани неловко, перетаптывались на месте, глупо улыбались и поторапливали жену, которой наконец помогали накинуть шубу. Уже в дверях мать приседала на корточки, с трудом удерживая равновесие на шпильках, и утирала сыночку слезы: «Не плачь, мое солнышко. Луиза расскажет тебе сказку. Луиза очень добрая. Правда, Луиза?» Луиза кивала. Она прижимала к себе детей, которые вырывались, рыдали и рвались к маме. Порой Стефани их

ненавидела. Она не могла без ужаса смотреть, как они пинали Луизу и вели себя с ней как маленькие капризные тираны.

Пока Луиза укладывала детей спать, Стефани рылась в ящиках комодов и открывала оставленные на трюмо шкатулки. Доставала с нижней полки журнального столика фотоальбомы и рассматривала фотографии. Луиза в это время наводила в квартире чистоту. Мыла посуду, протирала кухонный стол. Аккуратно складывала одежду, которую мадам побросала на кровать, выбирая наряд на вечер. «Ты не обязана мыть им посуду! – убеждала ее Стефани. – Лучше посиди со мной!» Но Луиза обожала заниматься уборкой. Она заранее предвкушала, какие лица будут у вернувшихся родителей, когда до них дойдет, что они получили не только бебиситтера, но и бесплатную уборщицу.

* * *

Супруги Рувье, у которых она проработала несколько лет, брали их с собой в загородный дом. Луиза трудилась, а Стефани вроде бы проводила там каникулы. Но в отличие от хозяйских детей ее привезли не для того, чтобы она загорала на солнышке и объедалась фруктами. Не для того, чтобы она наслаждалась блаженной вольницей, гуляла допоздна и училась кататься на велосипеде. Ее привезли потому, что матери некуда было ее девать. Луиза велела ей никому не лезть на глаза и играть тихо-тихо. Чтобы никто не подумал, что они злоупотребляют хозяйской добротой. «Ну и что, что они сказали, что мы тут тоже как бы в отпуске. Если ты будешь слишком шуметь и смеяться, им это не понравится». За обедом Стефани сидела рядом с матерью, подальше от хозяев и их гостей. Она помнила, что за столом все весело болтали. Только они с матерью сидели опустив глаза и молча поглощали пищу.

Рувье и впрямь болезненно переносили присутствие Стефани. Оно смущало их почти физически. Они испытывали постыдную антипатию к этой темноволосой неуклюжей девочке в застиранном купальнике и с апатичным выражением лица. Когда она приходила в гостиную и садилась рядом с Эктором и Танкредом смотреть телевизор, их родителями почему-то овладевало чувство дискомфорта. Кончалось это тем, что ее просили о какой-нибудь услуге: «Стефани, будь так добра, принеси мои очки, я оставила их в прихожей» – или говорили, что на кухне ее ждет мать. К счастью, Луиза сразу запретила дочери даже приближаться к бассейну, избавив Рувье от необходимости не пускать ее туда.

* * *

Накануне отъезда Эктор и Танкред пригласили соседских детей попрыгать на своем новом батуте. Стефани, которая была не намного старше мальчиков, показала чудеса изобретательности и ловкости. Она выделявала умопомрачительные и рискованные пируэты, вызвав в зрителях восхищенные крики. Но вскоре мадам Рувье попросила ее слезть и дать поиграть маленьким. Потом она подошла к мужу и голосом полным сочувствия сказала: «Может, зря мы ее сюда пригласили. Представляю, как ей тяжело смотреть на все то, чего у нее нет и никогда не будет». Муж ответил ей улыбкой облегчения.

* * *

Мириам ждала этого вечера всю неделю. Она открыла дверь квартиры. Сумка Луизы лежала на кресле в гостиной. Дети пели песенку. Что-то про зеленую мышку и кораблики, кто-то там кружился и куда-то плыл. Мириам на цыпочках подошла поближе. Луиза стояла на коленях, склонившись над ванной. Мила купала свою рыжеволосую куклу, а Адам хлопал в ладоши и подпевал сестре. Луиза осторожно брала хлопья пены и водружала их детям на голову. Они весело хохотали, а няня дула на них, и пенные шапки слетали.

В метро, по дороге домой, Мириам испытывала чуть ли не любовное нетерпение. Она не виделась с детьми на протяжении пяти дней и сегодня поклялась, что проведет с ними целый вечер. Они все втроем заберутся в постель, и она будет их тискать и щекотать, прижимать к себе так крепко, что они начнут вырываться.

Спрятавшись за дверью ванной, она осмотрела детей и няню и глубоко вздохнула. Ее охватило неистовое желание потереться об их кожу, расцеловать маленькие ручки, услышать, как они своими тонкими голосами произносят слово «мама». Она вдруг страшно расчувствовалась. Вот что значит быть матерью. Из-за этого иногда как будто глупеешь. Начинаешь в самых обычных вещах видеть нечто исключительное. Умиляешься каждому пустяку.

Всю неделю она возвращалась с работы очень поздно. Дети уже спали. Проводив Луизу, Мириам ложилась рядом с Милой в ее кроватку и вдыхала восхитительный запах детских волос, отдававший химической эссенцией

клубничных леденцов. Сегодня она разрешит им делать то, что обычно запрещает. Они будут ужинать бутербродами с соленым маслом и шоколадом прямо в постели. Будут смотреть мультики, пока не заснут, приткнувшись друг к другу. Ночью ее будут будить удары пяткой в лицо, и она будет без конца проверять, не свалился ли Адам во сне на пол.

* * *

Дети вылезли из ванны и гольшом бросились в объятья матери. Луиза начала наводить порядок и мыть ванну губкой.

– Луиза, не стоит, – сказала ей Мириам. – Уже поздно. Можете идти домой. У вас наверняка был трудный день!

Луиза, как будто ее не слыша, продолжала до блеска натирать бортики ванны, а потом, согнувшись в три погибели, стала собирать разбросанные детьми игрушки.

Потом она сложила полотенца. Потом выгрузила из стиральной машины белье и постелила детям постели. Потом убрала губку в шкафчик, пошла на кухню, достала и поставила на огонь большую кастрюлю. Мириам растерянно наблюдала за ее хлопотами и пыталась урезонить Луизу:

– Я все сделаю сама, не беспокойтесь!

Она потянулась забрать у Луизы кастрюлю, но та вцепилась в ручку и не желала ее отпускать.

– Отдыхайте, – сказала она. – Вы же устали. Идите к детям, а я приготовлю ужин. Я вам не помешаю.

И это была правда. Чем дольше оставалась с ними Луиза, тем незаметнее и незаменимее она становилась. Мириам больше не звонила ей, чтобы предупредить, что задержится, а Мила перестала спрашивать, когда придет мама. Луиза просто была и держала на своих хрупких плечах все здание их семейной жизни. Мириам молча принимала эту заботу. С каждым днем она поручала Луизе все больше дел, а та в ответ только благодарно улыбалась. Няня походила на одну из одетых в черное фигур, которые в театре расставляют на темной сцене декорации. Уносят диван, одной рукой передвигают колонны и стены из папье-маше. Луиза действовала за кулисами, невидимая и всемогущая. Именно она дергала за прозрачные нити, без которых невозможно никакое волшебство. Она олицетворяла Вишну – щедрое, ревнивое божество-покровителя. Она была волчицей с набухшими сосцами, к которым они припадали, неиссякаемым

источником их семейного счастья.

Они смотрели на нее, но ее не видели. Она присутствовала среди них постоянно, но так и не стала своей. Она приходила все раньше, а уходила все позже. Однажды обнаженная Мириам на пороге ванной чуть не столкнулась с Луизой, но та и бровью не повела. «Ну и что? – успокаивала себя Мириам. – Она не думает, что я должна стыдиться своего тела».

Луиза убеждала супругов проводить вместе больше времени.

– Живите, пока молоды! – как заведенная повторяла она.

Мириам прислушивалась к ее советам. Она считала Луизу мудрой и доброй. Однажды Поль и Мириам пошли на вечеринку к музыканту, с которым Поль недавно познакомился. Дом находился в Шестом округе, а квартира располагалась под самой крышей. В крохотной гостиной под низким потолком яблоку было негде упасть, но атмосфера царила веселая, гости танцевали. Жена музыканта, высокая блондинка с губами, накрашенными помадой цвета фуксии, сворачивала косяки и наливала в ледяные рюмки водку. Мириам болтала с незнакомыми людьми и громко хохотала. Она целый час просидела на кухне, примостившись прямо на столе. В три часа ночи гости стали жаловаться, что умирают с голоду, и прекрасная блондинка приготовила омлет с грибами, который они съели прямо со сковородки, размахивая вилками.

Домой они вернулись около четырех и обнаружили Луизу спящей на диване – она свернулась в клубочек и подтянула колени к подбородку. Поль осторожно накрыл ее одеялом. «Не будем ее будить. Она так сладко спит». С того дня Луиза раз или два в неделю оставалась ночевать у них. Это никогда не обсуждалось вслух и произошло словно бы само собой, но Луиза терпеливо вила себе гнездо посреди их квартиры.

* * *

Время от времени Поль выражал тревогу из-за того, что рабочий день Луизы все удлиняется. «Я не хочу, чтобы она обвинила нас, что мы ее эксплуатируем!» Мириам обещала, что разберется. Она, всегда такая прямолинейная и даже суровая, злилась на себя, что не сделала этого раньше. Ничего, она поговорит с Луизой и прояснит ситуацию. С одной стороны, ей и правда было неловко, но в глубине души она не могла не радоваться, что Луиза взвалила на себя домашние хлопоты и делала даже то, о чем ее никто не просил. Пока что Мириам ограничивалась бесконечными извинениями. Возвращаясь позже обычного, она говорила:

«Простите, что так бессовестно пользуюсь вашей добротой». На что Луиза неизменно отвечала: «Так я для того и прихожу. Не беспокойтесь».

Мириам дарила ей мелкие подарки. То купит в дешевой лавчонке рядом с метро сережки, то принесет апельсиновый кекс – единственная известная ей слабость Луизы. Она отдавала ей свои старые вещи, хотя всегда считала, что в этом есть что-то унижительное. Мириам лезла из кожи вон, лишь бы не обидеть Луизу, не вызвать в ней зависть, не причинить боль. Покупая обновки себе и детям, она прятала их в старую холщовую сумку и доставала только после ухода Луизы. Поль одобрял ее тактичность.

* * *

Постепенно с Луизой познакомились все друзья Поля и Мириам. Одни видели ее на улице или дома, когда приходили в гости. Другие слышали восторженные рассказы о чудо-няне, словно сошедшей со страниц детской книжки.

Вскоре у них завелась традиция собираться у Поля и Мириам на «ужин Луизы». Луиза быстро разобралась, кто что любит. Она знала, что Эмма за умными разговорами о пользе вегетарианства скрывает свою анорексию. Что брат Поля Патрик обожает мясо и грибы. Как правило, ужины устраивались по пятницам. Луиза начинала готовить сразу после обеда, дети играли на кухне. Она наводила порядок в квартире, покупала букет цветов и накрывала красивый стол. Она не поленилась съездить на другой конец Парижа, купила отрез ткани и сшила новую скатерть. Когда все приборы были разложены, соус уварился, а вино «дышало» в графине, она бесшумно покидала квартиру. Бывало, она сталкивалась с гостями в подъезде или у выхода из метро. Она смущенно принимала их комплименты и плотоядные улыбки, с какими они поглаживали живот и облизывались.

Однажды Поль настоял, чтобы она тоже осталась. Это был особенный день. «Нам есть что отпраздновать!» Паскаль поручил Мириам крупное дело, которое она уже практически выиграла благодаря хитроумной наступательной тактике защиты. У Поля тоже хватало поводов для счастья. Неделю назад, когда он работал в студии над недавними записями, к нему заглянул знаменитый певец. Они проговорили несколько часов, обсудили возможности аранжировки и новую технику, дающую сногшибательные результаты, и певец вдруг предложил Полю стать продюсером его нового диска. «Бывают периоды, когда тебе во всем везет! Нельзя упустить

удачу! – решил Поль. Он обнял Луизу за плечи и посмотрел на нее с улыбкой. – Хотите вы или нет, но сегодня вы ужинаете с нами».

Луиза сбежала в детскую и долго сидела там в обнимку с Милой. Гладила ее по головке. В голубоватом свете ночника она вглядывалась в отрешенное личико Адама. Она не смела выйти. Слышала, как распахнулась входная дверь, зазвучал смех гостей в коридоре. Хлопнула пробка от шампанского, скрипнуло отодвигаемое к стене кресло. В ванной Луиза поправила пучок и нанесла на веки лиловые тени. А вот Мириам никогда не красится. Сегодня она надела прямые джинсы и рубашку Поля, закатав рукава.

– Вы еще не знакомы? Паскаль, позволь тебе представить: это наша Луиза. Ты знаешь, как все нам завидуют!

Мириам обняла Луизу за плечи, смутилась от собственной фамильярности и отвернула голову.

– Луиза, знакомьтесь: это Паскаль, мой шеф.

– Какой еще шеф, что ты несешь! Мы вместе работаем. Мы коллеги. – И Паскаль громко рассмеялся, протягивая Луизе руку.

* * *

Луиза сидела на краешке дивана, вцепившись длинными наманикюренными пальцами в бокал шампанского. Она нервничала, как иностранка или беженка, не понимающая языка, на котором говорят окружающие. Обменивалась с гостями, сидевшими по другую сторону низкого столика, смущенными и благожелательными улыбками. Пили за талант Мириам, за певца, о котором рассказал Поль, – кто-то даже напел одну из его мелодий. Говорили о работе, о терроризме, о ценах на недвижимость. Патрик сообщил, что собирается в отпуск на Шри-Ланку.

Эмма сидела рядом с Луизой и рассказывала о своих детях. Разговор на эту тему Луиза вполне могла поддержать, и Эмма охотно делилась с внимательной слушательницей своими тревогами. «Такое у многих бывает, – повторяла няня, – незачем так волноваться». Эмма, от жалоб которой все всегда отмахивались, позавидовала Мириам – та могла во всем положиться на эту няню с непроницаемым, как у сфинкса, лицом. Эмма была милой женщиной, ее портила только привычка сидеть с постоянно сцепленными руками. За ее улыбкой таилась зависть. А за кокетством – целый букет комплексов.

Эмма жила в Восьмом округе, в той части, где бывшие сквоты

превратили в райский уголок. У них был свой небольшой домик, обставленный с таким вкусом, что, попадая в него, посторонний человек чувствовал себя неуютно. Гостиная с обилием безделушек и мягких подушечек не столько располагала к отдыху, сколько требовала от гостя восхищения.

– Районная школа – это просто кошмар. Дети плюются. Идешь мимо и только и слышишь «блин» да «педик». Нет, я не говорю, что в частной школе дети не ругаются. Но они ругаются как-то по-другому, вы согласны? Они хотя бы понимают, при ком можно говорить такие слова, а при ком нельзя. Они понимают, что ругаться нехорошо.

Эмма даже слышала, что некоторые родители привозили детей в эту школу, которая находилась прямо на их улице, на полчаса позже начала занятий, а за рулем сидели в пижаме. А одна мать в хиджабе отказалась пожимать руку директору-мужчине.

– Как это ни печально, но, похоже, мой Один будет единственным белым ребенком в классе. Я знаю, что дезертировать стыдно, но я плохо себе представляю, что стану делать, если в один прекрасный день он придет домой и начнет молиться Аллаху на арабском. – Мириам улыбнулась. – Ты же понимаешь, о чем я?

Все засмеялись и пошли за стол. Поль посадил Эмму рядом с собой. Луиза поспешила на кухню. Ее возвращение с большим блюдом в руках было встречено громкими криками «браво».

– Она покраснела! – воскликнул Поль, пожалуй, слишком громко.

Несколько минут все смотрели только на Луизу.

– Как у нее получается этот соус?.. Добавить имбирь – потрясающая идея!..

Гости нахваливали таланты Луизы, а Поль пустился в рассказ о «нашей няне», говоря о ней в третьем лице, как говорят о детях или глубоких стариках. Он разлил вино, и разговор от предметов приземленных быстро перешел в более высокие сферы. Голоса звучали все громче. Гости тушили окурки прямо в тарелки, в остатки соуса. Никто не заметил, что Луиза удалилась на кухню, где с удвоенным усердием принялась наводить порядок.

Мириам бросала на Поля раздраженные взгляды. Она вроде бы смеялась его шуткам, но на самом деле не выносила, когда муж напивался. Он становился игривым до пошлости и терял чувство реальности. Выпив лишнего, он кого ни попадая зазывал в гости и раздавал обещания, которых не мог сдержать, а то и вовсе откровенно врал. Недовольства жены он не замечал.

– Летом мы возьмем няню с собой в отпуск! Жизнь надо наслаждаться по полной!

Луиза, тащившая на кухню груды тарелок, только улыбнулась.

* * *

На следующее утро Поль проснулся в мятой рубашке, с запекшимися губами. Стоя под душем, он урывками вспоминал вчерашнюю вечеринку. Вспомнил и свое нелепое обещание, и мрачный взгляд жены. Он почувствовал себя идиотом, и у него заранее опустились руки. Он сделал глупость, за которую придется расплачиваться. Или притвориться, что ничего такого не было? Спустить все на тормозах? Он живо представил себе, как над ним будет издеваться Мириам, повторяя его пьяные бредни. Она станет упрекать его за легкомыслие как по отношению к их финансовым ресурсам, так и по отношению к Луизе.

– Она расстроится, но, конечно, ничего не скажет! И все это из-за тебя!

Потом она сунет ему под нос пачку счетов, заставляя вернуться с небес на землю. И заключит:

– Ты всегда такой, когда напьешься.

Но, к его удивлению, Мириам не выглядела сердитой. Лежа на диване в обнимку с Адамом, она улыбнулась Полю с невыразимой нежностью. На ней была слишком большая для нее мужская пижама. Поль присел рядом и, наклонившись, пощекотал ей носом шею. От нее, как всегда, пахло вереском – он обожал этот запах.

– Ты вчера говорил серьезно? Ты правда думаешь, что летом мы можем взять с собой Луизу? – спросила она. – С ума сойти! Впервые в жизни у нас будет настоящий отпуск! Да и Луиза обрадуется: вряд ли у нее на примете есть что-нибудь получше.

* * *

Жара стояла такая, что Луиза оставила окно гостиничного номера открытым. Несмотря на пьяные выкрики и оглушительный скрип тормозов, Адам и Мила крепко спали, сладко посапывая, широко раскинувшись в постели. В Афинах они остановились только на одну ночь, и Луизу ради экономии поместили в один номер с детьми. Вечер они провели весело и спать легли поздно. Адам был просто счастлив, он отплясывал прямо на

мощной афинской улице под одобрителные хлопки местных стариков. Луизе город не понравился; они ходили по нему весь день – под палящим солнцем, не понимая, что дети устали. Она думала о завтрашней поездке на острова и вспоминала рассказанные Мириам детям древние мифы и легенды.

Мириам не умеет рассказывать сказки. У нее противная манера произносить длинные слова по слогам, а в конце каждой фразы спрашивать: «Понятно?» Но Луиза, как усердная школьница, слушала историю Зевса и богини войны Афины. Ей, как и Миле, понравился Эгей, окропивший своей кровью море – то самое Эгейское море, по которому она впервые в жизни поплывет завтра на корабле.

Утром ей пришлось буквально вытаскивать Милу из постели. Луиза одевала ее, а девочка засыпала на ходу. В такси, по дороге в порт Пирей, Луиза вспоминала имена древних богов, но они успели выветриться из ее памяти. Надо было сразу записать их в блокнот с цветочками. Тогда она, оставшись одна, подумала бы о них. У въезда в порт образовалась гигантская пробка, и полицейские пытались регулировать движение. Уже стояла адская жара, и Адам, сидевший у няни на коленях, вспотел. Путь к причалам, откуда корабли отправлялись на острова, указывали огромные светящиеся табло, но Поль не понимал, что на них написано, а потому злился. Водитель развернулся и поехал назад, сокрушенно пожав плечами. По-английски он не понимал. Поль расплатился, они вышли из машины и побежали к своей пристани, волоча чемоданы и толкая коляску с Адамом. Матросы уже поднимали трап, когда увидели на берегу их семейку: взмыленные, растрепанные, они отчаянно махали им руками. Повезло.

Едва они заняли свои места, как дети заснули. Адам сидел на руках у матери, а Мила положила голову Полю на колени. Луизе захотелось посмотреть на море и силуэты островов, и она пошла на палубу. На скамье лежала, вытянувшись на спине, какая-то женщина в раздельном купальнике: узеньких плавках и розовой ленточке, едва прикрывавшей грудь. Луизу удивили не ее светлые, почти белые волосы, сухие, как солома, а ее кожа – с лиловым отливом, вся в бурых пятнах. В некоторых местах – на внутренней стороне бедер, на щеках, под грудью – кожа надулась волдырями, похожими на ожоговые. Женщина лежала неподвижно, как будто с нее заживо содрали кожу, а труп выставили на потеху толпе.

От качки Луизу замутило. Она сделала несколько глубоких вдохов и закрыла глаза, но тут же снова их открыла, не в силах побороть головокружение. Она села на скамью спиной к палубе, подальше от борта.

Ей хотелось смотреть и смотреть на море, запоминая линии островов с ослепительно-белыми берегами, в которые тыкали пальцами туристы. Хотелось запомнить силуэты парусников, стоящих на якоре и изящно скользящих по морской глади. Ей очень хотелось, но желудок восстал против нее.

Солнце палило все беспощадней, и зевак, глазеющих на распростертую на скамье женщину прибавилось. Та опустила на глаза маску для сна и, судя по всему, из-за ветра не слышала ни сдавленных смешков, ни перешептываний, ни оскорбительных комментариев. Луиза глаз не могла оторвать от этого тощего тела, по которому струился пот. Женщина жарилась на солнце, как брошенный на угли кусок мяса.

* * *

Поль снял две комнаты в очаровательном семейном пансионе, расположенном в высокой части острова, прямо над пляжем, постоянно заполненным детьми. На закате бухту окутывал дивный розовый свет. Они ходили в Аполлонию, столицу острова. Бродили по улицам, окаймленным кактусами и смоковницами. На одной из круч приютился монастырь – туристы осматривали его прямо в купальниках. Луиза всем своим существом упивалась красотой этих мест, покоем узких улочек, закутками, в которых дремали кошки. Она садилась на низенькую ограду, свесив ноги, и наблюдала, как в доме напротив старуха метет двор.

Солнце уже опустилось в море, но еще не стемнело. Свет только-только начал обретать пастельные тона, и еще оставались видны детали пейзажа. Абрис колокола на церковной колокольне. Орлиный профиль каменного бюста. Море и поросший кустарником берег словно сбросили дневное напряжение и погрузились в сладостную негу, с наслаждением отдаваясь ночи.

Луиза уложила детей, но ей не спалось. Она вышла на балкон своей комнаты, откуда открывался вид на округлую бухту внизу. К вечеру задул ветер с моря, и в его дуновении ей чудился вкус соли и несбывшихся надежд. Она так и заснула там, в пластмассовом шезлонге, вместо одеяла накрывшись тонкой шалью. Ее разбудила утренняя свежесть, и она едва сдержала восторженный крик перед красотой наступающего дня. Чистой, простой и неотразимой красотой. Красотой, доступной каждому.

Дети проснулись в прекрасном настроении и сразу наперебой стали проситься на море. Адаму не терпелось вывалиться в песке. Миле –

увидеть рыб. Наскоро проглотив завтрак, они поспешили на пляж. Луиза надела просторное оранжевое платье, напоминающее арабскую джеллабу, заставив Мириам улыбнуться. Несколько лет назад его подарила Луизе мадам Рувье, заметив при этом, что «очень его любила».

Луиза намазала детей защитным кремом, и они наперегонки побежали штурмовать песок. Луиза села в тени сосны, прислонившись к невысокой каменной стене и подтянув колени к груди, и уставилась на искрящееся под лучами солнца море. Она в жизни не видела ничего прекраснее.

Мириам улеглась на живот и читала роман. Поль, пробежавший перед завтраком семь километров, дремал. Луиза принялась лепить из песка огромную черепаху, которую Адам рушил, а она терпеливо восстанавливала. Мила, измученная жарой, потянула ее за руку: «Луиза, пошли купаться!» Но няня не согласилась и велела девочке подождать. Еще немного посидеть. «Лучше помоги мне доделать черепаху». Она показала Миле собранные ракушки, которые аккуратно укладывала поверх своей скульптуры, формируя панцирь.

Сосна уже почти не давала тени, и зной становился нестерпимым. Луиза, и сама истекавшая потом, больше не знала, что отвечать Миле, настойчиво тянувшей ее к воде. Девочка схватила няню за руку, но Луиза осталась сидеть. Взяв Милу за запястье, она оттолкнула ее, и та шлепнулась на песок.

– Я же сказала, отстань от меня! – крикнула Луиза. Поль открыл глаза. Мириам бросилась утешать заплакавшую Милу. Родители бросали на няню сердитые непонимающие взгляды, под которыми она стыдливо потупилась. Прежде чем они потребовали у нее объяснений, она еле слышно прошептала: «Я вам не говорила, но я не умею плавать».

Поль и Мириам от удивления онемели. Мила захихикала, и они замахали на нее, чтобы замолчала. Но Мила не унималась: «Луиза – малявка. Даже плавать не умеет!» Поль смутился и в то же время разозлился. Он злился на Луизу за ее никчемность. За то, что теперь будет ходить с видом мученицы и отравит им весь день. Он повел детей купаться, а Мириам снова уткнулась в книгу.

Утро было испорчено, и обед на террасе небольшой таверны проходил в угрюмом молчании. Они еще не покончили с едой, когда Поль вдруг вышел из-за стола, взял на руки Адама и решительно направился к пляжному магазинчику. Он вернулся вприпрыжку – раскаленный песок жег ему голые ступни – и с пакетом в руке. Он помахал пакетом перед Луизой и Мириам:

– Вот!

Женщины ничего не ответили, но Луиза послушно вытянула руки, и Поль нацепил ей чуть выше локтей надувные нарукавники.

– Вы такая тоненькая, что вам детские нарукавники впору!

* * *

Целую неделю Поль учил Луизу плавать. Они вставали пораньше и, оставив Мириам с детьми плескаться в маленьком бассейне при отеле, отправлялись на пустынный в этот час пляж. Ступив на полосу влажного прибрежного песка, они брались за руки, входили в воду и долго шли вперед, глядя на горизонт. Они шли, пока пальцы ног не отрывались от дна и тело не всплывало. В этот миг Луизу неизбежно охватывала паника, которую она была не в силах скрыть. Она вскрикивала, и Поль понимал, что надо сжать ее руку еще крепче.

Вначале он стеснялся прикасаться к Луизе. Когда он учил ее лежать на спине, одной рукой поддерживал за шею, а другой – за ягодицы. Тогда у него в голове мелькнула идиотская мысль, едва не заставившая его расхохотаться: «У Луизы есть задница!» Луиза, лежа у него на руках, дрожала всем телом. Раньше он не обращал внимания на ее тело, причисляя Луизу к категории детей или обслуживающего персонала. Если он и смотрел на нее, то никогда ее не видел. А ведь она далеко не уродина. Полю казалось, что он удерживает ладонями куколку. Из-под купальной шапочки, которую купила ей Мириам, выбились пряди светлых волос. От загара на щеках и на носу проступили крошечные веснушки. Поль впервые заметил, что ее лицо покрыто тонким светлым пушком, как у только что вылупившегося цыпленка. Но в то же время в ней было что-то по-детски невинное, что не позволяло почувствовать к ней явное влечение.

Луиза смотрела на пальцы своих ног – как они ступали по песку, как их начинала лизать морская вода. Пока они плыли на корабле, Мириам рассказала, что в давние времена остров Сифнос был обязан своим процветанием подземным залежам золота и серебра. Луиза решила, что искорки, вспыхивающие на камнях, которые просвечивали с морского дна, и есть крупницы драгоценных металлов. Прохладная вода дошла ей до бедер. Поднялась до лобка. Море было спокойным и прозрачным. По водной глади не пробежала даже слабая рябь, чтобы ткнуться Луизе в грудь и напугать ее. На берегу, у самой кромки прибоя, возились под неусыпным родительским взором малыши. Вода дошла Луизе до талии, и у нее перехватило дух. Она подняла голову к неправдоподобно сияющим

небесам. Коснулась тонкими руками своих желто-синих нарукавников с изображением лангуста и тритона и бросила на Поля умоляющий взгляд.

– Не бойтесь! – уверил ее тот. – Здесь ведь неглубоко. Вы стоите на дне.

Но Луиза словно окаменела. Ей показалось, что сейчас она потеряет равновесие и ее засосет в глубину, она с головой уйдет вод воду и будет понапрасну колотить ногами, пока ее не покинут силы.

Она вспомнила, как в детстве один мальчик из их класса упал в пруд, что находился на краю деревни. Прудик был совсем маленький, заросший тиной, и летом от него отвратительно воняло. Дети бегали туда играть, несмотря на запрет родителей и обилие комаров. Луиза стояла, омываемая голубизной Эгейского моря, и думала о черной зловонной жиже и мальчике, которого нашли лежащим, уткнувшись в нее лицом. Впереди замелькали ножки Милы. Она плыла.

* * *

Они изрядно набрались и с трудом взбирались по каменной лестнице, ведущей к балкону детской комнаты. Они все время хохотали, и Луиза то и дело цеплялась за Поля, чтобы преодолеть особенно высокую ступеньку. Она уселась перевести дух под ярко-алой бугенвиллеей и стала смотреть вниз, на пляж, где танцевали и пили коктейли юные парочки. Бар организовал пляжную вечеринку. «*Full moon party*». Как перевел ей Поль с английского, это означало «праздник полнолуния». Луна и впрямь была полная и рыжая, и они весь вечер восхищались ее красотой. Луиза никогда не видела такой луны, прекрасной до того, что так и хотелось подпрыгнуть и сорвать ее с неба. Не то что серые, холодные луны ее детства.

С террасы ресторана, расположенного на горе, они любовались заливом Сифноса и закатом цвета лавы. Поль показал им на небо, полуприкрытое кружевными облаками. Туристы фотографировали пейзаж, и Луиза тоже встала с мобильником в руках, но Поль деликатно потянул ее за локоток назад.

– Не стоит. Лучше постарайтесь просто запомнить этот вид.

Они впервые ужинали втроем. Детей оставили на попечении хозяйки пансиона, которая сама вызвалась за ними присмотреть. У нее были дети того же возраста, что Мила и Адам, и все четверо с первого же дня стали неразлучны. Мириам и Поль от неожиданности немного растерялись. Луиза, разумеется, ни за что не соглашалась идти с ними, настаивая на том,

что должна уложить детей спать, ведь это ее работа. «Они сегодня так наплавались, что заснут в одну секунду», – на ломаном французском уверила их хозяйка.

Они шли к ресторану молча, немного смущенные. За ужином все трое выпили больше обычного. Мириам и Поль немного побаивались этого ужина. О чем они станут разговаривать? Что расскажут друг другу? Но они убедили себя, что поступают правильно и что Луиза обрадуется. «Пусть она почувствует, что мы ее ценим, понимаешь?» Они поболтали о детях, об окружающих красотах, о завтрашнем купанье, о том, как быстро Мила учится плавать. Говорили Мириам и Поль. Луизе тоже хотелось что-нибудь рассказать, все равно что, какую-нибудь историю из своей жизни, но она так и не осмелилась. Она делала глубокий вдох и подавалась вперед, готовая заговорить, но так и не решилась раскрыть рот. Они выпили еще, и повисшее за столом молчание перестало их тяготить, сделавшись покойным и безмятежным.

Поль сидел рядом с ней и в какой-то момент положил руку ей на плечи. Узо привело его в приподнятое настроение. Он крепко сжал ей плечо, улыбаясь по-свойски, как старинной приятельнице. Она зачарованно глядела в лицо этого мужчины. Загорелая кожа, крупные белые зубы, волосы, побелевшие от солнца и морской соли. Он слегка потормошил ее, как тормошат слишком застенчивого или грустившего друга, пытаясь его развеселить и отвлечь от неприятных мыслей. Будь Луиза чуть смелее, она накрыла бы руку Поля своей ладонью и сжала ее своими тонкими пальцами. Но она не осмелилась.

Непринужденность Поля ее очаровала. Он шутил с официантом, который принес им джестив. За пару-тройку дней он выучил достаточно греческих слов, чтобы смешить торговцев, выбивая себе скидку. Его многие узнавали. Чужие дети на пляже хотели играть только с ним, и он, хохоча, соглашался. Сажал их себе на плечи и бежал к морю, чтобы плюхнуться в воду. Он ел с чудовищным аппетитом. Мириам морщилась, но Луизе его обжорство казалось неотразимым – он готов был заказать чуть ли не все меню: «Это тоже тащите! Надо же попробовать, правда?» Он мог прямо пальцами подхватить перчик, кусок мяса или сыра и с истинно детским удовольствием проглотить.

Добравшись до балкона отеля, все трое давились от смеха и зажимали себе рот. Луиза приложила палец к губам. Детей разбудите! Этот внезапный приступ сознательности развеселил их еще больше. Они дурачились, напрочь забыв о том, что они взрослые люди, дни напролет несущие ответственность за детей. Ими овладело безудержное озорство. Под

действием алкоголя они скинули с себя груз тревог и бесконечное напряжение, неизбежно возникающее из-за детей между мужем и женой, между матерью и няней.

Луиза знала, что долго это не продлится. Она видела, каким жадным взглядом Поль смотрел на голое плечо жены. Светло-голубое платье делало кожу Мириам золотистой. Они закружились в танце, медленно переступая с ноги на ногу. Они двигались неуклюже, почти смущенно, и Мириам хихикала, как будто ее давным-давно никто не обнимал за талию. Как будто она стеснялась того, что внушает мужу такое желание. Мириам легла щекой на плечо Поля. Луиза поняла, что сейчас они остановятся, пожелают ей спокойной ночи и сделают вид, что засыпают на ходу. Ей захотелось их удержать, вцепиться в них и не отпускать. Вот бы поместить их под стеклянный колпак, чтобы навек замерли с улыбкой на устах, как две фигурки на крышке музыкальной шкатулки. Она подумала, что могла бы глядеть на них часами, и это никогда ей не наскучило бы. Пусть только позволят смотреть на них со стороны, из тени, и тогда все будет хорошо и в отлаженный механизм их жизни не попадет ни одна песчинка. В тот миг Луизу пронзила обжигающе ясная и мучительная мысль, что ее счастье целиком зависит от них. Что она принадлежит им, а они – ей.

Поль рассмеялся. Он что-то прошептал жене в затылок. Что именно, Луиза не расслышала. Он крепко взял Мириам за руку, и они хором, как хорошо воспитанные дети, пожелали Луизе спокойной ночи. Она смотрела, как они поднимаются по каменной лестнице в свою комнату. Голубоватые силуэты их тел расплылись и растаяли в темноте. Хлопнула дверь. Они задернули шторы. Перед мысленным взором Луизы возникли непристойные картины. Сама того не желая и проклиная себя, она чутко ловила доносившиеся из комнаты звуки, слышала тоненькие, похожие на кошачье мяуканье, стоны Мириам. Слышала, как спинка кровати ударяется о стену.

Луиза открыла глаза. Адам заплакал.

Роза Гринберг

Мадам Гринберг уже раз сто рассказывала о странном происшествии в лифте. Короткое ожидание внизу и путь в пять этажей. Путь, продолжавшийся меньше двух минут и ставший самым значимым событием в ее жизни. Можно сказать, судьбоносным. Она могла, могла, непрестанно корила она себя, изменить ход вещей. Если бы она обратила внимание на то, как тяжело дышала Луиза. Если бы не прилегла днем и не закрыла окна и ставни. Говоря об этом с дочерьми по телефону, она зарыдает и будет безутешна. В конце концов полицейским надоест выслушивать ее стенания, и ей холодно заметят: «В любом случае вы ничего не могли изменить». Она расскажет об этом журналистам, освещающим процесс, и адвокату обвиняемой, которая покажется ей высокомерной и небрежной, и повторит свои показания в суде, куда ее вызовут свидетелем.

* * *

Луиза, скажет она, была на себя не похожа. Обычно такая улыбчивая и приветливая, она неподвижно стояла перед стеклянной дверью. Адам сидел на ступеньке лестницы и громко плакал, а Мила прыгала вокруг брата и толкала его. Луиза не реагировала. Она молчала, только нижняя губа у нее слегка подрагивала, и смотрела себе под ноги. Казалось, ее вообще не волнует, чем заняты дети. Всегда следившая, чтобы они производили хорошее впечатление на соседей, она не сделала им ни одного замечания. Складывалось впечатление, что она их не слышит.

Мадам Гринберг очень уважала Луизу. Более того, она восхищалась этой элегантной женщиной, которая так ревностно заботилась о детях. Мила, старшая девочка, всегда выходила аккуратно причесанная, с туго заплетенными косичками или с пучком на затылке, украшенным бантом. Адам просто обожал свою няню. «После того, что она натворила, мне, наверное, не стоит этого говорить. Но когда я видела их вместе, я думала: как же повезло этим деткам».

Наконец подошел лифт, и Луиза, схватив Адама за воротник, затащила его внутрь. Мила вошла следом, что-то напевая себе под нос. Мадам Гринберг секунду поколебалась, зайти ли с ними или сделать вид, что ей

срочно нужно проверить почтовый ящик. Ей было неприятно смотреть на бледное лицо Луизы. Все-таки ехать вместе целых пять этажей. Но Луиза придержала соседке двери лифта, и та протиснулась в кабину, поставив на пол сумку с покупками.

* * *

– Может быть, она была пьяна?

Мадам Гринберг решительно замотала головой. Нет, Луиза выглядела нормально. Да разве она оставила бы ее одну с детьми, заподозри она хоть на миг... Адвокат – тетка с сальными волосами – подняла ее на смех.

Напомнила суду, что Роза страдает головокружениями и у нее проблемы со зрением. Бывшей учительнице музыки шел шестьдесят пятый год, и она в самом деле видела не очень хорошо. Подобно кроту, она неплохо ориентировалась в темноте, но от яркого света на нее накатывала жуткая мигрень. Вот почему Роза закрыла ставни. Вот почему ничего не слышала.

Она чуть не сорвалась и не наорала на адвокатшу прямо в присутствии судьи. Как же ей хотелось заставить ту заткнуться! У нее прямо руки чесались от желания вклеить ей оплеуху. Неужели ей не стыдно? Неужели она не понимает, что ведет себя попросту неприлично? С первых дней процесса адвокат постоянно говорила, что Мириам «бросила своих детей» и «нещадно эксплуатировала безропотную няню». Она называла ее «эгоисткой, ослепленной честолюбием», своим равнодушием вынудившую бедную Луизу пуститься на крайнюю меру. Журналист, сидевший рядом с мадам Гринберг, объяснил ей, что она не должна возмущаться, потому что это всего-навсего «тактика защиты». Но Роза все равно находила подобную тактику возмутительной. Возмутительной, и точка.

В доме никто не обсуждал случившееся, но Роза знала, что все только об этом и думают. Что по ночам на всех этажах люди лежат без сна, таращась в темноту. Что у них щемит сердце, а на глаза наворачиваются слезы. Что они вертятся с боку на бок не в силах уснуть. Супружеская пара с третьего этажа съехала. Разумеется, сами Массе в квартиру не вернулись. А Роза осталась – несмотря на память о криках, которые до сих пор стояли у нее в ушах.

* * *

Поднявшись после дневного сна, она распахнула ставни. И вот тогда услышала. Мало кому доводится хоть раз в жизни услышать подобные вопли. Так кричат на войне, в окопах, в другом мире, на других континентах. У них здесь так не кричат. Вопль продолжался не меньше десяти минут, почти без перерыва, непрекращающийся бессловесный вопль. Постепенно он перешел в хрип, словно захлебывался кровью, слизью и яростью. «Врача!» – вот все, что она сумела произнести. Она не звала на помощь, не кричала: «Спасите!» В те редкие промежутки, когда к ней ненадолго возвращалось сознание, она лишь повторяла: «Врача!»

За месяц до трагедии мадам Гринберг столкнулась с Луизой на улице. У няни был озабоченный вид, и она призналась, что у нее проблемы с деньгами: владелец квартиры не дает отсрочки, у нее накопились другие долги, а на банковском счете пусто. Она говорила все быстрее и быстрее – так из воздушного шара выходит воздух.

Мадам Гринберг сделала вид, что ничего не поняла. Она скорбно опустила голову и изрекла: «Сейчас у всех трудные времена». Но Луиза схватила ее за рукав: «Нет, я не прошу милостыни! Я могла бы у вас работать, вечером или по утрам. Или когда дети спят. Я могу убирать, гладить белье, все, что захотите». И не вцепись Луиза в нее так крепко, не заглядывая своими черными глазами ей в лицо с такой пугающей, почти оскорбительной настойчивостью, как знать, возможно, Роза Гринберг и воспользовалась бы ее предложением. И тогда, что бы там ни говорили полицейские, она бы все изменила.

* * *

Вылет сильно задержали, и они прилетели в Париж ближе к вечеру. Луиза торжественно попрощалась с детьми. Она долго целовала и обнимала их. «До понедельника, да, до понедельника! Если что-то понадобится, позвоните», – сказала она Мириам и Полю, прощаясь с ними возле лифта для спуска на подземную парковку.

Луиза побрела к метро. В вагоне было пусто. Она села у окна, проклиная эти пейзажи, эти платформы, заполненные толпами крикливых подростков, эти обшарпанные дома, балконы, враждебные лица охранников. Она закрыла глаза и стала вспоминать греческие пляжи, сказочные закаты, ужины в ресторане с видом на море. Она вызывала в памяти эти воспоминания в мистической надежде на чудо. Когда она вошла к себе в квартиру, у нее задрожали руки. Ей захотелось разодрать

покрывало на диване, разбить кулаком окно. Внутри ее клокотала лава, прожигая болью внутренности, и она едва сдержалась, чтобы не завывать.

В субботу она проспала до десяти. Она лежала на диване, сложив руки на груди, и смотрела на пыльную зеленую люстру. Она никогда не купила бы такое уродство. Но она сняла эту студию вместе с мебелью и ничего не меняла в обстановке. После смерти ее мужа Жака с прежней квартиры ее прогнали, и пришлось искать другое жилье. Промаявшись несколько недель по случайным углам, она поняла, что ей необходимо свое гнездо. Эту крохотную однушку в районе Кретей она нашла через медсестру больницы Анри-Мондор, которая прониклась к ней симпатией. Та заверила ее, что владелец не требует особых гарантий и принимает оплату наличными.

Луиза встала. Поставила под люстру стул и взяла тряпку. Она терла ее так яростно, что чуть не сорвала с потолка. Приподнявшись на цыпочки, она смахивала пыль, которая огромными серыми хлопьями летела ей на голову. К 11 утра она закончила с люстрой. Вымыла окна, изнутри и снаружи, даже прошлась мыльной губкой по ставням. Вся ее обувь выстроилась в ряд вдоль стены. Начищенная и жалкая.

Может, они ей все же позвонят. Она знала, что по субботам они иногда ходят обедать в ресторан. Это ей Мила рассказала. Обычно они отправляются в ближайший брассери, позволяя Миле выбирать блюдо себе по вкусу и давая Адаму лизнуть – под умиленным родительским взглядом – горчицы или лимона. Луизе там понравилось бы. В переполненном ресторане, под стук тарелок и крики официантов, ей не грозила бы пытка тишиной. Она села бы между Милой и ее братом и положила девочке на колени большую белую салфетку. Терпеливо кормила бы Адама с ложечки. Слушала бы болтовню Поля и Мириам, время бежало бы быстро, и ей было бы так хорошо.

Она надела синее платье, длинное, почти по щиколотку, которое впереди застегивалось на длинный ряд синих бусинок. Она хотела подготовиться на случай, если ее позовут. Если ей вдруг придется мчаться к ним как можно быстрее – они, конечно, не помнят, как далеко она живет и сколько времени тратит каждый день на дорогу. Она села за кухонный стол и забарабанила пальцами по пластиковой поверхности.

Миновало обеденное время. За идеально вымытыми окнами сгустились облака, небо нахмурилось. Ветер безжалостно трепал кроны платанов, заморосил дождь. Луиза нервничала. Они не позвонили.

Идти куда-нибудь самой уже поздно. Можно было бы сходить за хлебом, а заодно подышать свежим воздухом. Просто прогуляться. Но что

ей делать на этих безлюдных улицах? В единственном местном кафе собирались одни пьянчуги, и уже с трех часов дня можно было видеть, как налакавшиеся мужики колотятся в запертую решетку пустынного сквера. Надо было сообразить раньше, сесть на метро, поехать в центр, потолкаться среди людей, осаждающих магазины накануне начала нового учебного года. Она затерялась бы в толпе, незаметно следуя за красивыми женщинами, спешащими к тому или иному универмагу. Прошла бы перед церковью Марии Магдалины, мимо столиков, за которыми люди пьют кофе. Ее толкали бы, а она говорила бы: «Простите!»

Париж представлялся Луизе гигантской витриной. Больше всего она любила бродить в районе Опера, откуда сворачивала на рю Руайаль, а затем на Сент-Оноре. Она шла медленно, разглядывая прохожих и витрины.

Она купила бы все: и замшевые сапоги, и кожаную куртку, и сумку из питона, и платье с запахом, и кружевную комбинацию. Ей хотелось, чтобы у нее были шелковые блузки, розовый кашемировый кардиган, мешок колготок, деловые пиджаки. Она воображала себе другую жизнь, в которой у нее было бы столько денег, что она могла купить это все. Она просто показывала бы пальцем лстивой продавщице на приглянувшуюся вещь.

Настало воскресенье, такое же унылое и тревожное, как суббота. Мрачное, неповоротливое воскресенье, которое она провела, валяясь на складном диване. Она заснула прямо в синем платье и проснулась вся в поту, помятая – синтетика есть синтетика. Ночью она без конца открывала глаза, не в силах сообразить, сколько времени прошло – то ли час, то ли месяц. Если бы она ночевала у Мириам и Поля или лежала под боком у Жака в их доме в Бобиньи... Она закрывала глаза и снова погружалась в беспокойный, сводящий с ума сон.

Луиза всегда ненавидела выходные. Когда они еще жили вместе с дочерью, Стефани постоянно жаловалась, что в воскресенье ей нечем заняться, потому что мать развлекала чужих детей. При первой возможности дочь сбегала из дома. По пятницам она всю ночь где-то шлялась с приятелями-подростками. Возвращалась под утро, бледная, с красными припухшими глазами. Голодная как волк. Она не поднимая головы шла через их маленькую гостиную, направляясь напрямиком к холодильнику. И ела, прислонившись к дверце холодильника, даже не сев за стол и запуская пальцы в контейнеры, которые Луиза готовила Жаку на обед. Однажды она покрасила волосы в красный цвет. Потом проколола нос. Потом стала исчезать на все выходные. А в один прекрасный день просто не вернулась. Больше ничто не удерживало ее в доме в Бобиньи. Как и в лицее, который, как оказалось, она давно бросила.

Разумеется, Луиза заявила о ее исчезновении. «В этом возрасте побег из дома – дело обычное. Подождите немного, она вернется». Вот и все, что ей сказали. Она не искала дочь. Позже она узнала от соседей, что Стефани где-то на юге Франции, с любовником. Что она все время переезжает с места на место. Соседей изумляло, что Луиза не пытается выведать подробности, не задает никаких вопросов, не просит их по сто раз повторять те крохи сведений, которыми они располагали.

Стефани исчезла окончательно. Всю жизнь она ощущала себя лишней. Она дико раздражала отца, ее звонкий смех будил малышей, за которыми смотрела мать. Она привыкла вжиматься своей большой задницей в стену узенького коридора и отворачивать лицо с тяжелыми чертами, пропуская идущих навстречу. Она всегда боялась кому-то помешать и получить тычок в спину, боялась сесть на чужое место. Она не умела складно говорить. Когда она смеялась, окружающие косились на нее, воспринимая ее смех, даже самый невинный, как оскорбление. Мало-помалу она овладела искусством оставаться невидимкой, и неудивительно, что однажды она без всякого скандала, без предупреждения, словно исполняя предначертанное судьбой, взяла и исчезла.

В понедельник утром Луиза поднялась задолго до рассвета. Она направилась к подземке, сделала пересадку на станции «Обер», подождала поезда, вышла на рю Лафайет и свернула на рю Отвиль. Как настоящий солдат, Луиза шагала вперед, не думая об усталости. Или как животное. Как собака, которой злые дети перебили лапы.

* * *

Сентябрь выдался теплый и ясный. В среду, забрав Милу из сада, Луиза повела детей в парк, полюбоваться аквариумными рыбками, хотя они просились домой. В Булонском лесу они взяли напрокат лодку, и Луиза объяснила Миле, что плавающие на поверхности озера водоросли – на самом деле волосы злой колдуньи, которую утопили и которая мечтает отомстить обидчикам. Даже в конце месяца по-прежнему стояла такая теплынь, что Луиза решила свозить детей в парк аттракционов.

У входа в метро пожилой магрибинец предложил ей помочь спуститься по ступенькам. Она поблагодарила, но отказалась, и покрепче ухватилась за ручки коляски, в которой сидел Адам. Старик не отставал. Он спросил, сколько детям лет. Она хотела сказать, что это не ее дети, но он уже наклонился к ним: «Какие хорошенькие!»

Дети обожали ездить в метро. Стоило Луизе чуть отвернуться, они пускались бегом по платформе, влетали, путаясь в ногах выходящих пассажиров, в вагон, чтобы успеть занять места у окна, и сидели высунув язык и тараща глаза. Отдышавшись, они вскакивали на ноги; Мила хваталась за поручень и изображала, что она машинист и ведет поезд; Адам за ней повторял.

В парке Луиза носилась вместе с детьми. Они хохотали; она баловала их, покупая мороженое и воздушные шарик. Они валялись на ковре из опавших листьев, ярко-желтых и багряных, и она их фотографировала. Мила интересовалась, почему на одних деревьях листва желтеет и золотится, а на других – с виду таких же, растущих рядом или через тропинку, – как будто гниет и из зеленой сразу становится грязно-бурой. Луиза не знала, что ей ответить. «Спросим у мамы, ладно?» – предложила она.

На аттракционах они визжали от страха и восторга. У Луизы кружилась голова; Адам сидел у нее на коленях, и она крепко прижимала его к себе, когда поезд на полной скорости въезжал в туннель или спускался с горки. Один шарик вырвался у них из рук и улетел в небо. «Смотрите, смотрите! Микки превратился в ракету!»

* * *

Они уселись на травку перекусить. Мила смеялась над Луизой, которая боялась разгуливающих в паре метров от них павлинов. Луиза взяла с собой старое шерстяное одеяло. Мириам свернула его и засунула под кровать, а няня нашла и выстирала. Там же, на травке, они и заснули, все трое. Когда Луиза проснулась, Адам спал у нее под боком. Она озябла – дети во сне стянули с нее одеяло. Она огляделась, но Милы не увидела. Луиза позвала ее, потом еще раз, погромче. Она уже не кричала, а вопила. На нее начали оборачиваться. «Что случилось, мадам? Вам нужна помощь?» Она не отвечала и только кричала: «Мила! Мила!» Взяв Адама на руки, она побежала вперед. Обежала все аттракционы, заглянула в тир. Слезы застили ей глаза, она неслась не разбирая дороги, одержимая желанием растолкать в стороны посетителей парка, которые вышагивали, крепко держа за руку своих детей. Они вернулись к игрушечной ферме. У Луизы так тряслись губы, что она больше не могла звать Милу. Голова раскалывалась от боли, колени подгибались. Она поняла, что сейчас просто рухнет на землю, не в состоянии пошевелить ни рукой ни ногой, онемев от

ужаса.

И тут она заметила девочку в дальнем конце аллеи. Мила сидела на скамейке и уплетала мороженое. Над ней наклонилась какая-то женщина. Луиза бросилась к ребенку. «Мила! Ты что, с ума сошла? Почему ты ушла?» Женщина – на вид ей было лет шестьдесят – приобняла девочку. «Это просто возмутительно! О чем вы только думали? Почему оставили ребенка без присмотра? Я ведь могу спросить у девочки номер телефона ее родителей. Вряд ли они скажут вам спасибо!»

Вдруг Мила вырвалась из рук незнакомки, оттолкнула ее, смерила сердитым взглядом и бросилась в объятия Луизы, которая тут же взяла ее на руки. Она целовала девочку в замерзшую шейку и гладила по головке. Присмотревшись к ее побледневшему личику, Луиза принялась путано просить прощения: «Моя маленькая, мой ангелочек, моя куколка!» Она прижимала ее к груди и не переставая шептала ей ласковые слова.

Старуха, увидев, с каким блаженством ребенок прильнул к груди хрупкой светловолосой женщины, успокоилась. Она уже не знала, что сказать, и просто смотрела на них, с укором покачивая головой. Наверняка она надеялась раздуть эту историю и тем самым развлечься. Если бы няня расшумелась, если бы она набросилась на ребенка с руганью, а то и с кулаками, если бы пришлось звонить родителям ребенка... Тогда ей было бы о чем с ними поговорить! В конце концов незнакомка встала со скамьи и удалилась, бросив на прощание: «Что ж, в следующий раз будьте внимательнее».

Луиза проводила незнакомку взглядом. Та еще пару раз обернулась, и Луиза послала ей вдогонку благодарную улыбку. Когда сутулая фигура скрылась вдали, Луиза еще крепче обняла Милу. Она стиснула ее с такой силой, что та умоляюще пискнула: «Хватит, Луиза, ты меня задушишь!» Девочка попыталась освободиться, забилась в руках няни и начала колотить по ней ногами, но Луиза не ослабила хватку. Приложив губы к самому уху девочки, она спокойным, без тени эмоций голосом прошептала: «Больше никогда от меня не отходи, поняла? Ты ведь не хочешь, чтобы тебя украли? Не хочешь, чтобы тебя забрал злой дядя? В следующий раз он обязательно тебя заберет. Ты будешь плакать и кричать, но никто тебя не услышит. А ты знаешь, что он с тобой сделает? Нет? Так я тебе скажу: он тебя заберет, запрет и оставит у себя, и ты больше никогда не увидишь маму и папу». Луиза хотела опустить девочку на землю, когда ее плечо вдруг пронзила резкая боль. Она вскрикнула и стала отрывать от себя Милу, которая вонзилась в нее зубами и прокусила ей плечо до крови. Детские зубы все глубже впивались в ее плоть, а девочка так и продолжала

сидеть у нее на руках, похожая на взбесившегося зверька.

Вечером Луиза ни словом не обмолвилась Мириам ни о побеге Милы, ни о том, что девочка ее укусила. Мила тоже помалкивала, хотя няня ее об этом и не просила. Обе дулись друг на друга. Но общий секрет связал их между собой крепко, как никогда прежде.

Жак

Жак обожал затыкать ей рот. Он не выносил ее голоса – он действовал ему на нервы. «Заткнись уже, а?» Но сидеть молча в машине она не могла. Она боялась дороги, а болтовня ее успокаивала. Она произносила бессмысленные монологи, едва успевая набрать воздуху между двумя фразами, трещала без умолку, перечисляла названия улиц и вспоминала связанные с ними истории.

Конечно, она чувствовала, что муж на грани взрыва. Понимала, почему он включает радио на полную громкость. Она знала, что он нарочно, чтобы унижить ее, опускает стекло, закуривает и начинает фальшиво напевать. Гнев мужа вызывал в ней страх, но – она могла себе в этом признаться – порой и возбуждал. Она буквально наслаждалась, когда ей удавалось привести его в такую ярость, что он сворачивал на обочину, хватал ее за горло и тихо говорил, что скоро заткнет ей пасть навсегда.

Жак всегда был тугодумом и горлопаном. С возрастом он стал раздражительным и хвастливым. Вечером, возвращаясь с работы, он мог битый час жаловаться то на того, то на другого. Послушать его, так все вокруг только и думали, как бы его обобрать, обмануть, использовать в своих целях. Когда его уволили в первый раз, он подал иск против бывшего работодателя в конфликтно-трудовую комиссию. Он убил на этот процесс кучу времени и денег, но в конце концов выиграл дело и был настолько упоен ощущением победы, что с тех пор пристрастился к тяжбам и сутяжничеству. Вскоре он решил разбогатеть, подав после небольшой аварии в суд на страховую компанию. Потом стал судиться с соседями снизу, с мэрией, с домоуправлением. Целыми днями он сидел и строчил полуграмотные письма с угрозами. Обшаривал интернет, особенно сайты юридической помощи, в поисках какой-нибудь статьи закона, которую мог бы обернуть к своей выгоде. Холерик от природы, он не верил никому, завидовал чужим успехам и не признавал чужих заслуг. Он мог полдня проторчать в торговом суде, упиваясь отчаянием проигравших и получая истинное удовольствие от созерцания чужого краха.

«Я не то, что ты, – напыщенно говорил он Луизе. – Я не безвольная тряпка, которая только и способна, что подтирать дерьмо за всякими сопляками. Только негритоски соглашаются на такую работу». Он считал жену воплощением покорности. Но если ночью, в супружеской постели, это его возбуждало, то в остальное время суток приводило в негодование.

Он давал ей бесчисленные советы, и Луиза делала вид, что прислушивается к ним. «Скажи им, пусть платят сверхурочные, и нечего тут». «Чтоб больше ни минуты переработки задаром». «А ты пригрози, что возьмешь больничный, и куда они денутся?»

Жак был слишком занят, чтобы искать работу. Все его время поглощали судебные дразги. Он редко выходил из дому и сидел за заваленным папками столиком в гостиной, перед включенным телевизором. Присутствие детей выводило его из себя, и он приказал Луизе сообщить клиентам, что отныне она приглядывает за малышами только в родительской квартире. Его раздражало все: детский кашель, хныканье, даже смех. Но самое большое отвращение вызывала в нем Луиза. Ее бессмысленные хлопоты и возня с малышкой ввергали его в подлинную ярость. «Ты и твои бабские дела!» – твердил он. Он считал эту тему позорной, почти запретной. О младенцах и стариках нельзя никому рассказывать, людям знать про них неинтересно. Это отвратительный возраст, возраст беспомощности и бессмысленного повторения одних и тех же действий. Возраст телесного уродства, возраст бесстыдства и бесчувственности. Старики и младенцы только и умеют, что вонять, а ты за ними ухаживай. Пои их и корми! «Нормальному мужчине и смотреть на такое противно!»

Тогда же Жак купил в кредит компьютер, новый телевизор и массажное кресло, которое заодно служило и кроватью, когда он опускал спинку, чтобы подремать. Он часами просиживал перед голубоватым экраном компьютера, наполнявшего гостиную астматическим сипом. Или, устроившись в новеньком кресле перед новехоньким телевизором, лихорадочно нажимал кнопки пульта, похожий на избалованного мальчишку, свихнувшегося от обилия игрушек.

Кажется, это случилось в субботу, потому что они вместе обедали. Как обычно, Жак брюзжал, но чуть более вяло, чем обычно. Под столом стоял принесенный Луизой таз с ледяной водой, куда Жак ставил ноги. Луизе до сих пор снятся в страшных снах эти лиловые ноги с опухшими лодыжками диабетика, которые она по его требованию без конца массировала. В последние несколько дней она заметила, что его лицо приобрело восковую бледность, а взгляд совсем потух. Одышка не давала ему договорить до конца ни одну фразу. Сегодня она приготовила оссобуку. После третьего куска Жака, собиравшегося отпустить очередную реплику, вырвало прямо в тарелку. Фонтаном, как новорожденного. Луиза сразу поняла, что здесь дело серьезное. Что «само» ничего не пройдет. Она поднялась и, глядя в растерянное лицо мужа, сказала: «Ничего страшного. Это пустяки». И

затараторила, мол, это я виновата, наверное, добавила в соус слишком много вина, вот он и получился слишком кислым, и принялась излагать всякие глупости по поводу изжоги. Она трещала без умолку, давала советы, укоряла себя и просила у мужа прощения. От ее бессвязного словоизвержения страх, охвативший Жака, только усилился; ему представилось, что он карабкается на высокую лестницу, но вдруг оступается; он почти явственно ощутил пустоту под ногами и увидел, словно со стороны, как его тело падает вниз, головой вперед, и он остается лежать с переломанным позвоночником, весь в крови. Замолчи она хоть на миг, он, возможно, заплакал бы, попросил помочь, а то и пожалеть его. Но Луиза, убирая тарелку, меняя скатерть, вытирая пол, все говорила и говорила.

Жак умер через три месяца. Он страшно усох – словно фрукт, позабытый на солнце. В день похорон шел снег и воздух казался синеватым. Луиза осталась одна.

В кабинете у нотариуса, который сообщил, что Жак оставил ей только долги, она только покорно кивала. В глаза нотариусу она не смотрела, уставившись на его кадык, и делала вид, что со всем согласна. Все наследство Жака составили проигранные судебные процессы, открытые иски и неоплаченные счета. Банк дал ей месяц, чтобы освободить дом в Бобиньи, который отбирали за долги. Луиза начала собирать вещи. Она бережно упаковала то немного, что оставила Стефани. Что делать с ворохом документов, старательно собранных мужем, она не имела понятия. Подумывала было развести в садике костер, но испугалась, что огонь перекинется на дом, потом охватит улицу, а то и весь квартал. Тогда целая эпоха ее жизни исчезнет в клубах дыма, против чего она, впрочем, нисколько не возражала бы. Встала бы в сторонке и молча глядела, как пламя пожирает ее воспоминания, бесконечную ходьбу по плохо освещенным безлюдным улицам и тоскливые выходные в обществе Жака и Стефани.

Луиза взяла свой чемодан, закрыла дверь на два оборота и ушла, бросив в прихожей маленького дома коробки с безделушками, одеждой дочери и бумагами мужа.

Ночь она провела в отеле, за номер в котором заплатила за неделю вперед. Она делала себе бутерброды и ела их, сидя перед телевизором. Она грызла печенье с инжиром, держа его на языке, пока не размякнет.

Одиночество разрасталось, превращаясь в огромную брешь, в которую, чувствовала Луиза, ее неотвратно затягивает. Одиночество проникало в плоть, под одежду, меняя ее черты и внушая ей старушечью

повадку. Одиночество набрасывалось на нее в сумерках, на пороге ночи, когда особенно слышен шум из квартир, в которых люди живут вместе с другими людьми. Чем темнее на улице, тем слышнее звуки – и смех, и жаркое дыхание, и даже вздохи разочарования.

В этой комнатке в недрах китайского квартала Луиза потеряла ощущение времени. Она не понимала, что с ней происходит. Мир о ней забыл. Она целыми днями спала, просыпаясь с опухшими глазами и тяжелой головой, хотя в комнате стоял зверский холод. Наружу она выбиралась только по крайней необходимости, когда больше не было сил терпеть голод. Она шла по улице, и ей казалось, что вокруг снимают какое-то кино, в котором для нее нет роли. Рядом с ней кипела жизнь, но она оставалась ее безучастной зрительницей. В отличие от других людей ей некуда и незачем было идти.

* * *

Одиночество действовало на нее как наркотик, и она уже сомневалась, что захочет от него освободиться. Как в тумане Луиза бродила по улицам, глядя на мир широко, до боли, распахнутыми глазами. Одиночество заставило ее впервые увидеть других людей. По-настоящему увидеть. Их существование стало осязаемым, пульсирующим, реальным как никогда. Она смотрела на парочки на террасах кафе и подмечала каждый их жест. Ловила косые взгляды печальных стариков. Слушала, как хихикают девчонки-студентки, с ногами забравшись на скамейку и притворяясь, что листают конспекты. На площадях или у входа в метро она наблюдала, как до странности одинаково ведут себя те, кто кого-то ждет, и останавливалась, чтобы подождать вместе с ними. Каждый день ей встречались ее друзья по безумию – те, что шли, разговаривая сами с собой, психи, нищие.

Город в то время кишмя кишел сумасшедшими.

* * *

Пришла зима, и потянулись дни, неотличимые один от другого. Ноябрь выдался холодным и дождливым. Из-за гололеда стало невозможно гулять. Луиза старалась развлечь детей. Придумывала новые игры, пела им песенки. Они построили дом из картона. Но время как будто остановилось.

Адам заболел, у него поднялась температура, и он постоянно хныкал. Луиза брала его на руки и баюкала не меньше часа, пока он не засыпал. Мила бродила по гостиной кругами и капризничала.

– Пойди-ка сюда, – сказала ей Луиза. Мила приблизилась, и няня достала из сумки белую косметичку, предмет вожделения девочки, считавшей Луизу самой красивой женщиной на свете. Она напоминала ей стюардессу – ухоженную блондинку, угощавшую ее конфетами, когда они летели в Ниццу. Луиза крутилась целый день, мыла посуду, носилась между домом и детским садом, но все равно выглядела безупречно. Всегда аккуратно причесанная. С ресницами, накрашенными в три, как минимум, слоя черной туши, она была похожа на удивленную куклу. И потом, у нее были такие мягкие руки, от которых пахло цветами. А с ногтей никогда не облезал лак.

Иногда Луиза делала себе маникюр при Миле, и девочка, закрыв глаза, вдыхала запах растворителя и дешевого лака, который няня наносила на ногти уверенными движениями, ни разу не промахнувшись. Мила замороженно глядела, как она машет кистями рук и дует на пальцы.

Мила терпела поцелуи Луизы потому, что ей нравилось, как пахнет ее пудра. Кроме того, ей хотелось внимательнее рассмотреть блески у нее на веках. Еще она любила смотреть, как няня красит губы. Луиза брала в руку зеркальце, всегда сверкающее чистотой, и смешно растягивала губы. Позже, в ванной, Мила гримасничала перед зеркалом, копируя няню.

Луиза покопалась в косметичке, достала маленькую баночку и намазала руки девочки кремом с ароматом розы. «Приятный запах, правда?» Потом она покрасила изумленной Миле ногти вульгарным ярко-розовым лаком, сильно отдающим ацетоном. Для Милы этот запах был воплощением истинной женственности.

«А теперь сними носочки, хорошо?» И Луиза накрашила лаком ногти ее еще по-детски пухленьких ножек. Потом она высыпала на стол содержимое косметички. В воздух поднялось оранжевое облачко пудры и аромат талька. Мила залилась счастливым смехом. Луиза накрашила Миле губки, нанесла ей на веки голубые тени, а на скулы – яркие румяна. Она велела девочке наклонить голову и взбила ей суховатые и тонкие волосы в пышный начес.

Обе так хохотали, что не услышали, как в гостиную вошел Поль. Мила улыбнулась отцу и, раскинув руки, сказала:

– Папочка! Смотри, что мне сделала Луиза!

Поль уставился на дочку. Он так радовался, что в кои-то веки придет домой пораньше и побудет с детьми – и тут такое. У него было ощущение,

что он случайно подсмотрел какую-то непристойную, чуть ли не развратную сцену. Его дочка, его любимая кроха, была похожа на молодящуюся старуху-певичку из дешевого кабаре. Он глазам своим не верил. Его охватила ярость. В тот миг он возненавидел Луизу, устроившую подобную мерзость. Его Мила, его ангелочек, его синекрылая стрекозка, превратилась в ярмарочное пугало, нелепая, как пуделек, которого придурочная хозяйка вырядила на прогулку.

– Это что еще такое? Кто вам разрешил?! – закричал Поль.

Схватив Милу за руку, он поволок ее в ванную, поставил на табуретку и принялся смывать с ее лица макияж. «Папа, мне больно!» – завизжала она и разрыдалась. Помада никак не желала смываться, липкая и клейкая, она только размазалась по детской фарфоровой коже. Чем старательнее отец тер лицо дочери, тем ужаснее оно выглядело; Полю казалось, что он еще больше пачкает Милу, и от этого его гнев только усилился.

– Луиза! Предупреждаю вас: чтобы я больше такого не видел. Ведь это ужас какой-то! Я не позволю вам учить мою дочь подобным гадостям. Она слишком мала, чтобы краситься как последняя... Надеюсь, я ясно выразился?

Луиза стояла на пороге ванной комнаты, держа на руках Адама. Несмотря на крики отца и общую суматоху, малыш не расплакался. Он лишь бросил на Поля суровый осуждающий взгляд, словно давая ему понять, что он выбрал, на чьей он стороне. На стороне Луизы. Няня слушала Поля молча. Не опуская глаз и не извиняясь.

* * *

Может быть, Стефани уже нет в живых. Луиза часто об этом думала. А ведь она могла и не давать ей жизнь. Убила бы ее в зародыше. Никто и не заметил бы ее отсутствия. Никто не упрекнул бы Луизу. Напротив, мир, возможно, был бы ей благодарен. А она повела бы себя как ответственная личность, сознающая свой гражданский долг.

Тогда Луизе было двадцать пять. Однажды утром она поднялась с ощущением тяжести и боли в груди. Между нею и миром вдруг выросла стена неведомой прежде печали. Она сразу почувствовала, что с ней что-то не так. Она работала у месье Франка, художника. Она жил вместе с матерью, в особняке, расположенном в Четырнадцатом округе. В живописи месье Франка Луиза ничего не понимала. В гостиной, в коридорах и в спальнях на стенах висели огромные женские портреты – с искаженными

чертами, скорченными в муке или замершими в экстазе телами, – которым месье Франк был обязан своей известностью. Луиза вряд ли назвала бы их красивыми, но они ей нравились.

У Женевьевы, матери месье Франка, была сломана шейка бедра – она упала, спускаясь с поезда. Ходить она больше не могла и мало-помалу лишилась рассудка. Она целыми днями не вставала с постели и лежала, почти всегда голая, в светлой комнате на первом этаже. Заставить ее одеться было невозможно – она так отчаянно брыкалась, что приходилось оставлять ее как есть, подстелив вниз пеленку. Так она и валялась, выставив напоказ грудь и все прочее. Воистину отвратительное зрелище.

Поначалу месье Франк нанимал высокооплачиваемых профессиональных сиделок. Но они без конца жаловались на старухины капризы и пичкали ее снотворными. Сын находил их грубыми и бессердечными. Он мечтал найти для матери подругу, кормилицу, участливую женщину, которая смиренно выслушивала бы ее бред и не закатывала глаза с тяжелым вздохом. Конечно, Луиза была слишком молода, но месье Франка поразила ее физическая сила. В первый же день, войдя в комнату больной, она одна, без посторонней помощи сумела поднять тяжелое, словно колода, тело старухи. Она вымыла ее, что-то приговаривая, и Женевьева, вот чудеса, ни разу не крикнула.

Луиза спала в одной комнате со старухой. Мыла ее. Слушала по ночам ее бессвязное бормотанье. Женевьева боялась сумерек, как маленькая девочка. Как только начинало темнеть и в тишине удлинялись тени, ее охватывал животный ужас. Она звала на помощь мать, умершую сорок лет назад. Луиза, которая спала рядом с медицинской кроватью своей подопечной, старалась ее успокоить. Старуха в ответ осыпала ее ругательствами и обзывала шлюхой, сукой, подзаборной тварью, а иногда пыталась даже ударить.

Но некоторое время спустя Луиза перестала просыпаться от криков Женевьевы – она спала как убитая. А вскоре поняла, что больше не может переворачивать старуху или усаживать ее в кресло-каталку. Руки у нее стали словно ватные, и постоянно ныла спина. Однажды вечером, когда уже стемнело и Женевьева начала свои безумные причитания, Луиза поднялась в мастерскую месье Франка и объяснила, что ситуация изменилась. Художник впал в ярость, чего она никак не ожидала. Он резко захлопнул дверь и пошел на нее, сверля ее взглядом своих серых глаз. На миг ей почудилось, что сейчас он ее побьет. Но он только засмеялся.

– Луиза, девушке в вашем положении, незамужней, со скромным заработком, негоже заводить детей. Если хотите знать, что я об этом думаю,

то вот: это с вашей стороны безответственно. Вы заявляетесь сюда, хлопая глазками и глупо улыбаясь, и сообщаете мне свою новость. Интересно, чего вы ждете? Что я открою шампанское?! – Он принялся, скрестив руки за спиной, расхаживать по просторной комнате, посреди незаконченных картин. – Вы что же, думали меня обрадовать? – продолжал он. – У вас, я смотрю, нет ни капли соображения. Послушайте! Вам крупно повезло с работодателем. Я помогу вам выпутаться из... создавшегося положения. Другой на моем месте просто выставил бы вас вон, и немедленно. Я доверил вам свою мать, это самое дорогое для меня существо, и что же я вижу? Вы ведете себя как взбалмошная девчонка, лишенная всякого здравомыслия. Меня не интересует, где вы проводите свободное время. Ваши низкие моральные качества меня не волнуют. Но, милая моя, жизнь – не вечный праздник. Что, скажите на милость, вы будете делать с ребенком?

На самом деле месье Франка очень даже интересовало, где Луиза проводила субботние вечера. Он буквально засыпал ее вопросами, с трудом сдерживаясь, чтобы не дать ей взбучку и заставить во всем сознаться. Он требовал, чтобы она подробно рассказала ему, чем занимается, когда не сидит возле Женевьевы. Он желал знать, в чьих объятиях был зачат этот ребенок, в чьей постели Луиза предавалась развратному удовольствию и с кем вместе смеялась. Он настойчиво выпытывал у нее, кто отец ребенка, как он выглядит, где они познакомились и что он теперь думает делать. Но Луиза на все его вопросы неизменно отвечала: «Никто, никак, нигде».

Месье Франк взял дело в свои руки. Он обещал, что сам отвезет ее к доктору и подождет, пока будет длиться операция. Более того, когда все будет позади, он заключит с ней официальный договор, платить ей будет, перечисляя деньги на ее банковский счет, и даже будет предоставлять ей оплачиваемый отпуск.

В назначенный день Луиза проспала. Стефани уже угнездилась в ней, отвоевывая себе все больше пространства, выжимая из нее соки и высасывая молодость. Она росла словно гриб после дождя. Луиза больше не вернулась к месье Франку. И больше никогда не видела старуху.

* * *

Сидя взаперти в квартире супругов Массе, Луиза иногда думала, что сходит с ума. В последние несколько дней у нее на щеках и запястьях появились красные пятна. Чтобы унять зуд, ей приходилось опускать лицо

и руки в ледяную воду. В эти долгие зимние дни ее охватывало невыносимое чувство одиночества. Поддаваясь панике, она быстро собиралась, хлопала дверью и, несмотря на холод, вела детей гулять в сквер.

* * *

О, эти скверы зимней порой! Сыплет мелкий дождь, ветер гонит палую листву. К коленкам малышей пристаёт мерзлый гравий. На скамейках в дальних аллеях сидят те, от кого отвернулся мир, те, кто сбежал из тесноты квартир, от тоски гостиных, от кресел, продавленных праздностью и скукой. Они предпочитают стучать зубами от холода на свежем воздухе и сидят нахохлившись и сунув руки под мышки. К четырём часам пополудни кажется, что тоскливый день не закончится никогда. Ближе к вечеру начинаешь понимать, что время ушло в никуда, а уже темнеет. И тебя охватывает стыд от собственной никчемности.

Зимним днем в скверах собираются бродяги, бомжи, безработные и старики, всякие психи, бездельники и прочая неадекватная публика. Те, кто не работает и ничего не производит. Те, кто не зарабатывает денег. Конечно, весной в сквере снова появятся влюбленные, в том числе бездомные парочки, которым негде встречаться кроме как здесь, под липами, среди цветочных клумб и туристов, спешащих сфотографировать очередную статую. Зимой совсем другое дело.

Вокруг ледяной горки столпились няньки и целый выводок малышей, в своих пуховых комбинезонах похожих на пузатые японские куклы – с сопливыми носами и посиневшими пальчиками. Из рта у них вырывались белые облачка пара, и это приводило их в восторг. Дети помладше, сидевшие в прогулочных колясках, не сводили глаз со старших – кто с завистью, кто с нетерпением. Наверняка им тоже хотелось согреться, карабкаясь по деревянным ступенькам наверх горки, а главное – вырваться из-под опеки теток, хватающих их за руку, – надежно или грубо, ласково или больно. Теток, зимним парижским днем разгуливающих в африканских бубу.

Там были и мамы, глядевшие особенным, отсутствующим взглядом. Недавние роды словно отбросили их на обочину мира, и, сидя на скамейке, они по-прежнему ощущали тяжесть своего дряблого живота. Тело оставалось для них источником боли и выделений, оно пахло кислым молоком и кровью. Неразрывно связанные с собственной плотью, они не

могли дать ей ни минуты передышки. Гораздо реже попадались веселые и счастливые мамы, на которых глазели все дети. Утром им не пришлось прощаться с ребенком, препоручая его чужой тете. Они пользовались неожиданно выпавшим выходным днем, чтобы провести его здесь, и со странным воодушевлением радовались обычной прогулке по парку.

Мужчины здесь тоже попадались. Но они старались держаться поближе к скамейкам и к песочнице, не пытаясь пробиться к детворе, окруженной плотной, непробиваемой стеной из женщин. На мужчин, желающих затесаться в этот бабий мир, они косились с подозрением, а тех, кто осмеливался улыбаться малышам, умиляясь их пухлым щечкам и маленьким ножкам, безжалостно изгоняли. Бабушки горестно вздыхали: «На каждом шагу эти педофилы! В наше время такого не было».

* * *

Луиза ни на миг не отводила глаз от Милы, которая сновала между горкой и качелями. Она не ходила, а бегала – чтобы не замерзнуть. Варежки у нее промокли, и она без конца вытирала их о свое розовое пальто. Адам спал в коляске. Луиза завернула его в одеяло, нежно погладив по шейке, по полоске кожи между свитером и шерстяной шапочкой. Морозное солнце сияло металлическим блеском, заставляя щуриться.

– Хочешь?

Рядом с Луизой, растопырив ноги, плюхнулась молодая женщина. Она протянула ей коробочку со слипшимися пирожными на меду. Луиза посмотрела на соседку. Лет двадцати пяти, с широкой, немного нахальной улыбкой, с длинными черными волосами, которые не мешало бы вымыть и причесать. Тогда, пожалуй, она была бы симпатичной. Во всяком случае, более привлекательной. Полненькая, вся из округлостей, с небольшим животиком и пышным задом. Она жевала пирожное с открытым ртом и шумно облизывала испачканные медом пальцы.

– Спасибо. – Луиза помахала ладонью, отказываясь от предложения.

– У нас принято угощать всех, даже незнакомых. Только тут все едят и ни с кем не делятся.

К девушке подбежал мальчик лет четырех, и она сунула ему в рот пирожное. Он засмеялся.

– Кушай, тебе полезно, – сказала она. – Только, чур, маме не говорить. Это наш секрет.

Мальчика звали Альфонс, Мила любила с ним играть. Луиза

приходила сюда каждый день и каждый день отказывалась от жирных сладостей, которые приносила Вафа. Она и Миле запрещала их пробовать, но Вафа не обижалась. Болтушка от природы, она садилась на скамейку, тесно притиснувшись к Луизе, и рассказывала ей историю своей жизни. Говорила она в основном о мужчинах.

Вафа напоминала большую кошку – не слишком умную, зато предприимчивую. Документов у нее пока не было, но ее это, судя по всему, не очень волновало. Она попала во Францию благодаря одному старичку, которому делала массаж в каком-то сомнительном отеле в Касабланке. Старик привык к ее нежным рукам, потом к ее губам и заднице, наконец, ко всему ее телу, которое она отдала ему, следуя инстинкту и советам своей матери. Он увез ее в Париж, в свою убогую квартирку, где жил на небольшую пенсию.

– Только он испугался, что я забеременею, и дети заставили его меня прогнать. Но сам старичок хотел, чтобы я осталась.

Луиза слушала ее молча, и Вафа откровенничала, как на исповеди или на допросе в полиции. Она рассказывала ей такие подробности из своей жизни, о каких не прочтешь ни в одной книжке. После расставания со стариком ее приютила подруга; она же зарегистрировала ее на сайтах знакомств для девушек-мусульманок без документов. Однажды вечером она отправилась на свидание в «Макдоналдс» на окраине. Мужчине она понравилась. Он наговорил ей комплиментов и попытался ее изнасиловать, но ей удалось усмирить. Они заговорили о деньгах. Юсеф согласился жениться на ней за двадцать тысяч евро.

– За французский паспорт это недорого, – объяснила Вафа.

Ей повезло – она нашла работу у франко-американской пары. Относились они к ней хорошо, но были ужасно требовательные. Они сняли ей комнату в доме в ста метрах от своего дома.

– Они платят за мое жилье, но взамен я не имею права отказываться ни от какой работы... Обожаю этого парнишку! – воскликнула она, пожирая взглядом Альфонса.

Женщины посидели молча. Поднялся сильный ветер, и сквер почти опустел.

– Бедняга, ты только на него посмотри. Я его так закутала, что он еле ноги переставляет! Если он простудится, его мать меня убьет.

Вафа призналась, что иногда боится так и состариться в этом парке, на этих старых холодных скамейках. У нее заболят колени и не хватит сил даже поднять ребенка. Альфонс вырастет и больше не будет ходить в сквер зимним днем. На каникулы он будет ездить в жаркие страны. Возможно,

однажды снимет номер в «Гранд-отеле», где она делала мужчинам массаж. На террасе, выложенной желто-синей плиткой, воспитанного ею мальчика будет обслуживать одна из ее сестер или кузин.

– Видишь, как все меняется местами? Его детство, моя старость. Моя молодость и его мужская жизнь. Судьба коварна, словно змея, она всегда ухитряется спихнуть нас не на ту сторону.

Пошел дождь. Они засобирались домой.

* * *

Для Поля и Мириам время той зимой летело с головокружительной быстротой. В последние несколько недель они практически не виделись, соединяясь только поздно вечером, в постели. Опоздавший юркал под одеяло, чмокал спящего в шею и фыркал, слыша звуки, похожие на ворчание потревоженной во сне собаки. Днем они звонили друг другу и обменивались эсэмэсками. Мириам писала любовные записки, которые клеила на зеркало в ванной. Поль среди ночи отправлял ей видео с репетиций.

Их существование превратилось в бесконечную цепь срочных дел, обещаний, которые нельзя не сдержать, и неотложных встреч. Оба любили повторять, что по уши завалены работой, словно в самой своей сверхзагруженности угадывали признак будущих успехов. До предела заполненная жизнь не позволяла даже толком выспаться, не говоря уже о том, чтобы сесть и спокойно о чем-нибудь подумать. Они носились по городу, переобувались в такси, сидели в кафе с людьми, полезными для карьеры. Они как будто владели на паях процветающим бизнесом, четко сознавая, какую цель преследуют, какие затраты должны нести и на какую прибыль могут рассчитывать.

По всему дому валялись накорябанные Мириам списки – она писала их на салфетках, на стикерах, на последних страницах книг. Она вечно их искала и никогда не выбрасывала, словно боялась, что без этих напоминок упустит из виду что-то важное. Перечитывая самые старые записки, она испытывала щемящее чувство сродни ностальгии, особенно сильное потому, что часто уже не помнила, что имела в виду, составляя очередную «шифровку».

– *Аптека*

– *Рассказать Миле сказку про Нильса*

- Заказать отель в Греции
- Позвонить М.
- Перечитать старые записки
- Сходить в тот магазин. Купить платье?
- Перечитать Мопассана
- Сделать ему сюрприз?

* * *

Поль был счастлив. В кои-то веки ему казалось, что его образ жизни соответствует его амбициям, его неумной энергии и азарту. Он рос как сорная трава, но наконец получил возможность показать, на что он способен. Всего за несколько месяцев его карьера сделала крутой вираж, и он впервые в жизни мог заниматься именно тем, что ему нравилось. Он больше не выполнял чужие поручения. Прошли те времена, когда он с молчаливой покорностью сносил выходки самодура-продюсера и капризных звезд. Когда ждал музыкантов, которые не считали нужным предупредить, что опоздают часов на шесть. Когда записывал вынырнувших из небытия постаревших эстрадных звезд или певцов, которые без пары литров алкоголя и десятка дорожек кока не в состоянии взять ни одной ноты. Поль, изголодавшийся по музыке, новым идеям, радости творчества, дневал и ночевал в студии звукозаписи. Он ничего не оставлял на волю случая и часами корпел над улучшением звучания малого барабана или аранжировкой для ударных. «Но они же с Луизой!» – отвечал он Мириам, если она проявляла беспокойство, что их вечно нет дома.

Когда Мириам забеременела, он сиял от счастья, хотя уверял друзей, что не собирается резко менять свою жизнь. Мириам считала, что он прав, и смотрела на мужа, такого спортивного, красивого, такого независимого, с еще большим восхищением. Он пообещал ей, что они будут счастливы. Что их ждет еще много приятных сюрпризов. «Будем путешествовать с ребенком под мышкой! Ты станешь знаменитым адвокатом, я буду продюсировать великие группы, и все у нас будет прекрасно». Они долго делали вид, что так оно и есть. Они боролись.

В первые месяцы после рождения Милы их жизнь стала напоминать трагикомедию. Мириам замазывала круги под глазами и прятала нарастающую тоску. Она боялась признаться, что постоянно хочет спать. У Поля тогда появилась привычка без конца допытывать ее вопросом: «О чем ты думаешь?» Вместо ответа ей хотелось развеяться. Они приглашали к

себе друзей, и Мириам стоило немалого труда сдержаться, чтобы не выгнать их вон, не перевернуть стол и не запереться в спальне на ключ. Друзья смеялись, поднимали бокалы, Поль их снова наполнял. Они громко спорили, а Мириам боялась, что они разбудят малышку. От усталости она выть была готова.

С рождением Адама все стало еще хуже. Ночью того дня, когда они вернулись из роддома, Мириам крепко уснула, поставив рядом колыбель с младенцем. Полю не спалось. Ему казалось, что в квартире чем-то воняет. Так же, как в магазинах для животных на набережной, где они с Милой иногда гуляли по выходным. Это был запах выделений и затхлости, запах впитавшейся в подстилки мочи. Его мутило от этой вони. Он встал, вынес мусор. Открыл окна. Наконец он нашел источник смрада. Оказалось, что Мила покидала в унитаз все, до чего смогла дотянуться в туалете. Образовался засор, наполнивший квартиру запахом тухлятины.

* * *

В то время Поль, придавленный обязанностями, чувствовал себя в западне. Всегда восхищавший окружающих легким характером, заразительным смехом, верой в будущее, он словно угас. Высокий, белокурый – на улице на него оборачивались все девушки, а он этого даже не замечал. И тут вдруг у него иссякли все безумные идеи – махнуть на выходные в горы или к морю, чтобы поесть свежих устриц. Теперь энтузиазма в нем сильно поубавилось. Вскоре после рождения Адама он начал все позже возвращаться домой. Придумывал несуществующие встречи, а сам пил в одиночестве пиво в каком-нибудь баре подальше от своего района. Многие из его друзей тоже успели обзавестись детьми и переехали из Парижа в пригород, а то и вовсе перебрались в провинцию или в европейскую страну потеплее. За каких-нибудь несколько месяцев Поль превратился в безответственного глупого мальчишку. У него появились секреты от жены. Он мечтал о свободе. Впрочем, он себя не оправдывал, понимая, насколько его поведение банально. Он просто хотел не тащиться вечером домой, а наслаждаться жизнью. Он слишком поздно сообразил, что еще и не жил по-настоящему. Роль отца представлялась ему и слишком трудной, и слишком тоскливой.

Но что сделано, то сделано, и он уже не мог сказать: все, хватит, больше не хочу. Дети – вот они, любимые, обожаемые, на их счет никаких сожалений, однако в его душе поселилось сомнение. Дети, их запах, их

проделки, их тяга к нему – все это трогало его до такой степени, что невозможно описать. Порой он ловил себя на желании снова вернуться в детство, стать таким же маленьким, как они. Что-то ушло из жизни, и не просто юность и беззаботность. Он осознал, что больше не может оставаться бесполезным. Они нуждались в нем, с этим приходилось считаться. Вместе с отцовством у Поля появились принципы и убеждения, в презрении к которым он когда-то клялся. Он уже не так щедро сорил деньгами. Его увлечения поостыли. Его вселенная сузилась.

* * *

Теперь, когда с ними была Луиза, Поль снова начал назначать жене свидания. Как-то днем он отправил ей сообщение: «Площадь Пти-Пер». Она не ответила. Его это восхитило. Она соблюдала тонкие правила любовной игры. Он приехал к месту встречи заранее, с колотящимся от волнения сердцем. «Она придет, конечно, она придет». Она пришла, и они отправились гулять по набережным, как гуляли когда-то.

Поль понимал, как необходима им Луиза, но он ее не выносил. Эта кукольная фигура, эта противная физиономия... Она его раздражала, чтобы не сказать бесила. «Она до того безупречна и тактична, что меня от нее тошнит», – однажды признался он Мириам. Его с души воротило от ее девчоночьей повадки, от ее манеры подробно разбирать каждый детский поступок. Он презирал ее путаные педагогические теории и бабкины методы воспитания. Он откровенно издевался над фотографиями, которые она по десять раз на дню посылала им на мобильники: дети гордо демонстрируют пустые тарелки, а под снимком красуется подпись: «Я все съел».

После инцидента с макияжем Поль старался разговаривать с ней как можно меньше. В тот вечер он вбил себе в голову, что Луизу надо рассчитать. Он позвонил Мириам и рассказал ей о том, что произошло. Она была на работе и не могла с ним говорить. Поль дождался ее возвращения. Жена пришла около 11 вечера. Он еще раз пересказал ей случившееся, особенно отметив, каким взглядом смотрела на него Луиза. Он не забыл ни ее ледяного молчания, ни ее надменного вида.

Мириам попыталась его урезонить. Ей эта история не показалась такой уж страшной. Она упрекнула его в излишней суровости, в том, что он зря обидел Луизу. Он давно заметил, что они всегда объединялись против него, словно две медведицы. Во всем, что касалось детей, они смотрели на

него сверху вниз, что его возмущало. Проявляли материнскую солидарность. Выставляли его мальчишкой.

Сильви, мать Поля, подняла их на смех. «Вы слишком важничаете со своей няней. Вам не кажется, что вы перегибаете палку?» Поль оскорбился. Родители воспитывали в нем презрение к деньгам и власти и подчеркнутое уважение к тем, кто на социальной лестнице стоит ниже тебя. Он всегда работал в атмосфере непринужденности, среди людей, с которыми чувствовал себя на равных. С шефом он был на «ты», никогда никому не отдавал приказов. Но Луизе удалось сделать из него «хозяина». Заставить его давать жене дурацкие советы. «Не больно-то ей уступай, не то она нам на голову сядет», – говорил он, поглаживая руку Мириам от запястья до плеча.

* * *

Мириам сидела в ванне и играла с сыном. Она умостила его у себя между бедер, прижала к себе и тискала до тех пор, пока Адам не начал вырываться и не заплакал. Но она не могла остановиться и продолжала покрывать поцелуями пухленькое, в перевязочках, тело своего ангелочка. Она смотрела на него и упивалась сладостным чувством материнской любви. Скоро, думала она, ей будет неловко голышом сидеть с ним в обнимку. Скоро все это закончится. А потом она – гораздо быстрее, чем ей сейчас кажется, – состарится, а ее веселый славный мальчик превратится во взрослого мужчину.

Раздевая сына, Мириам заметила у него на руке и на спине два странных пятнышка. Два маленьких, еле видимых красноватых шрамика, в которых, однако, угадывались следы зубов. Она нежно поцеловала оба. Прижала к себе сына и запоздало попросила прощения за то, что ее не было рядом, когда с ним случилась эта неприятность.

В понедельник утром Мириам поговорила об этом с Луизой. Няня едва вошла в квартиру, даже не успела снять пальто, когда Мириам сунула ей под нос голую руку Адама. Луиза почти не удивилась. Она лишь подняла брови, повесила пальто и спросила:

- А что, Милу в садик отвел Поль?
- Да, они только что ушли. Луиза, взгляните. По-моему, это след укуса.
- Да, точно. Я смазала ранку кремом. Это Мила его укусила.
- Вы уверены? Это было при вас? Вы это видели?
- Конечно, видела. Они вдвоем играли в гостиной, я готовила обед.

Вдруг я услышала, что Адам заплакал. Он прямо закатывался, бедняжка, я сначала даже не поняла, в чем дело. Мила укусила его сквозь одежду, поэтому я не сразу разобралась.

– И все же я не понимаю, – стояла на своем Мириам, целуя безволосую макушку Адама. – Я несколько раз спрашивала ее. Даже пообещала, что не стану ее наказывать. Но она клянется, что понятия не имеет, откуда взялись эти укусы.

Луиза вздохнула. Опустила голову. Задумалась.

– Я пообещала ей, что ничего не скажу. И мне очень стыдно, что приходится нарушить обещание, данное ребенку.

Она сняла свой черный кардиган, расстегнула пуговицы на блузке и обнажила плечо. Мириам наклонилась и не смогла удержаться от удивленного и одновременно испуганного вскрика. На плече Луизы ясно виднелась коричневатая полоска. Шрам был старый, но никаких сомнений у нее не возникло: след оставили маленькие зубы, глубоко прокусившие плоть.

– Это что, тоже Мила?

– Послушайте, я обещала Миле, что никому ничего не скажу. Прошу вас, не надо ничего ей говорить. Если она перестанет мне доверять, ей ведь лучше не станет, правда?

– Да?

– Она немного ревнует к брату, но это совершенно нормально. Позвольте мне самой с этим разобраться. Вот увидите, все будет хорошо.

– Ну ладно. Возможно. Но я все-таки не понимаю...

– Да что тут понимать? Дети, они такие же, как взрослые. Разве их поймешь?

* * *

Когда Мириам объявила Луизе, что они с детьми отправляются на неделю в горы, к родителям Поля, та помрачнела. При одном воспоминании об этом у Мириам бежали по спине мурашки. В темных глазах Луизы словно сверкнули молнии. В тот вечер няня ушла, даже не попрощавшись с детьми. Бесшумно, как призрак, она скользнула к дверям, сердито захлопнув их за собой. Мила с Адамом сказали хором: «Мамочка! Луиза пропала!»

Несколько дней спустя забирать детей приехала Сильви. К этому сюрпризу Луиза не была готова. Бабушка неожиданно влетела в квартиру –

веселая, громогласная. Она швырнула на пол сумку и завалилась с внуками на кровать, обещая им целую неделю развлечений, игр и всякой вкуснятины. Мириам хохотала, наблюдая за дурачествами свекрови, но в какой-то момент повернула голову и наткнулась на взгляд Луизы. Та смотрела на них из кухни. На бледном, как у покойницы, лице зияли черные провалы глаз. Она что-то бормотала себе под нос. Мириам шагнула было к ней, но няня уже присела на корточки и застегивала чемодан. Позже Мириам убедила себя, что ошиблась.

Она пыталась сама себя уговаривать. В чем, собственно, она виновата? Она ничего не должна няне. Но, хоть к тому не было никаких оснований, она чувствовала, что отобрала у Луизы детей, лишив ее чего-то важного. Словно наказала ее.

Возможно, Луизе не понравилось, что ей сообщили новость слишком поздно, и она не успела придумать, что делать во время внезапного отпуска. Или просто разозлилась, что дети будут под присмотром Сильви, к которой она испытывала стойкую антипатию. Когда Мириам жаловалась на свекровь, Луиза выходила из себя. Она принимала сторону Мириам с необъяснимой горячностью, называла Сильви ненормальной и истеричкой и утверждала, что та оказывает на детей дурное влияние. Она умоляла хозяйку поменьше слушать Сильви, мало того, вообще не давать детям видеться с бабушкой. В такие минуты, несмотря на поддержку Луизы, Мириам становилось не по себе.

* * *

В машине Поль, перед тем как тронуться с места, снял часы, которые носил на левой руке.

– Ты не могла бы положить их в свою сумочку? – попросил он Мириам.

Он купил эти часы два месяца назад, когда подписал контракт с одним знаменитым исполнителем. Настоящие *Rolex*, правда не новые – приятель достал их ему по вполне разумной цене. Поль долго колебался, прежде чем решился на покупку. Часы ему ужасно нравились, не часы, а мечта, но он немного стыдился того, что потакает своему глупому капризу. Когда он надел их в первый раз, они показались ему великолепными и огромными. Слишком тяжелыми и кричащими. В первые дни он без конца натягивал на запястье рукав пиджака, чтобы спрятать обновку. Но очень скоро тяжесть на левой руке стала привычной, и он перестал ее замечать. В сущности, эта

дорогая вещица – единственная, какую он позволил себе занять, – выглядела достаточно скромно. И потом, почему он не мог доставить себе удовольствие? Он же ее не украл!

– Почему ты снял часы? – спросила Мириам, которая знала, как он ими дорожит. – Неужели барахлят?

– Нет, с ними все в порядке. Но ты же знаешь мою мать. Она этого не поймет. А я не хочу весь вечер слушать ее брюзжание.

* * *

Ранним вечером они приехали в промерзший дом. В половине комнат еще не закончился ремонт. Потолок на кухне, казалось, вот-вот обрушится; из стен ванной торчала проводка. Мириам ненавидела этот дом. Она боялась за детей. Ходила за ними по пятам, испуганно тараща глазами, готовая подхватить их на руки, едва они споткнутся. Она бродила по всему дому, вмешивалась в детские игры: «Мила, детка, надень-ка еще один свитер... Адам как будто тяжело дышит, слышите?..»

Утром Мириам проснулась от холода. Она подула Адаму на озябшие пальчики, нашла Милу болезненно бледной и велела ей не снимать в доме шапку. Сильви промолчала. Она-то хотела показать детям, что такое жизнь на воле, без запретов, о которой они не имели понятия. Сильви презирала правила. Она не заваливала внуков бессмысленными подарками, как делали родители в попытке компенсировать свое вечное отсутствие. Она не следила за языком, навлекая на себя упреки Поля и Мириам.

Чтобы позлить невестку, Сильви постоянно называла детей «бедными брошенными птенчиками». Она жалела их, вынужденных жить в городе, где люди грубы, а экологическая обстановка ужасна. Ей хотелось открыть перед ними новые горизонты, не дать им превратиться в добропорядочных обывателей, рабски покорных и одновременно нетерпимых. Одним словом, в трусов.

Она старалась сдерживаться. Сколько могла, обходила молчанием деликатную тему воспитания детей. Несколько месяцев назад между Сильви и Мириам разгорелся по этому поводу яростный спор – один из тех споров, которые не сразу забываются, в которых спорщики обмениваются такими выражениями, что еще долго слышат их отзвук. Они тогда выпили, пожалуй, больше, чем следовало. Мириам, впав в сентиментальное настроение, решила обратиться к Сильви за сочувствием. Пожаловалась, что почти не видит детей, что жизнь несется в сумасшедшем ритме и ни от

кого не дождешься помощи. Но Сильви и не думала ее утешать. Не стала участливо трепать ее по плечу. Напротив – тут же бросилась в атаку. Ее оружие было заточено и находилось в полной боевой готовности, чтобы выхватить при первом же удобном случае. Сильви упрекала Мириам в том, что она слишком много времени посвящает работе, хотя сама, пока Поль рос, работала и вообще всегда настаивала на своей независимости. Она назвала ее безответственной эгоисткой. Загибая пальцы, перечислила, сколько раз Мириам уезжала в командировки, даже когда Адам болел, а Поль заканчивал записывать альбом. Это твоя вина, говорила она, что дети не умеют себя вести, капризничают и без конца требуют то одного, то другого. Твоя и Луизы, этой никудышной няньки, этой эрзац-мамаши, на которую ты из трусости переложила все заботы о детях. Мириам разрыдалась. Поль потрясенно молчал, а Сильви, всплеснув руками, продолжала:

– И она еще плачет, вы только посмотрите! Она плачет, а мы должны ее пожалеть, потому что ей неприятно слушать правду.

Каждый раз, когда Мириам виделась с Сильви, она вспоминала тот вечер. У нее тогда было ощущение, что ее нокаутировали, швырнули на землю и пырнули кинжалом. Мириам лежала с вывороченными кишками перед своим мужем. У нее не было сил защититься от обвинений, которые, она знала, были отчасти справедливы. Так уж сложилась ее жизнь, как у многих других женщин. Ни намека на сострадание, ни одного ласкового слова. Ни одного совета: от матери – другой матери, от женщины – женщине.

* * *

За завтраком Мириам уткнулась в мобильник. Она безуспешно пыталась проверить почту, но сеть ловилась плохо, и это так ее разозлило, что она чуть не запустила телефоном в стену и раздраженно крикнула Полю, что возвращается в Париж. Сильви приподняла брови, явно шокированная. Она мечтала, что у ее сына будет другая жена – более мягкая, более спортивная, не такая приземленная. Девушка, которая любила бы природу, прогулки в горах и не жаловалась бы на отсутствие комфорта в этом очаровательном домике.

Сильви уже давно заговаривалась, повторяя одни и те же истории про свою молодость, прошлые увлечения и друзей-революционеров. С возрастом она попритихла. До нее наконец дошло, что людям плевать на ее

завиральные теории о сущности этого продажного мира, населенного идиотами, которые привыкли питаться телевизионной жвачкой и мясом убитых животных. Она в их возрасте мечтала только о революции. «Пожалуй, мы были немного наивны», – подал голос Доминик, ее муж, который всегда огорчался плохому настроению жены. «Может, мы были наивны, – ответила она, – но мы не были такими говнюками». Она отлично знала, что муж ничего не смыслит в тех идеалах, в которые, несмотря на всеобщие насмешки, верила она. Он добродушно выслушивал ее стенания об обманутых надеждах, о точивших ее тревогах. Она с горечью наблюдала, во что превратился их сын. «Он рос таким свободным, ты ведь помнишь?» И кто он теперь? Подкаблучник, раб своей жены, ее тщеславия и ее страсти к деньгам. Сильви много лет верила, что мужчины и женщины, объединившись, совершат революцию и дадут рождение новому миру, в корне отличному от того, в котором вынуждены расти ее внуки. В этом мире у людей появится время просто жить. «Дорогая, ты слишком наивна, – отвечал ей Доминик. – Среди капиталистов женщин не меньше, чем мужчин».

Мириам расхаживала по кухне, не отрывая уха от телефона. Чтобы разрядить обстановку, Доминик предложил всем прогуляться. Мириам, тронутая его вниманием, собрала детей, напялив на них по три свитера, шарфы и варежки. На улице Мила и Адам, сделав по снегу пару шагов, с радостными криками побежали вперед. Сильви вынесла двое санок, когда-то принадлежавших Полю и его брату Патрику. Мириам приказала себе не психовать, хотя при виде детей, несущихся вниз по склону, у нее перехватило дух.

«Они себе шею сломают! – думала она, не в силах сдержать слезы. – Луиза меня поняла бы», – снова и снова твердила себе она.

Поль весело подбадривал Милу, а та махала ему руками: «Смотри, папочка! Я уже научилась на санках!»

Они пообедали в чудесном ресторанчике с камином, в котором трещали дрова. Уселись за стол возле окна, и солнце сквозь стекло лизало своими жаркими лучами разрумянившиеся детские лица. Мила болтала без умолку, и взрослые, слушая ее потешные рассуждения, смеялись. Адам, вопреки обыкновению, ел с большим аппетитом.

Вечером Мириам и Поль вместе уложили уставших детей спать. Мила и Адам вели себя спокойно. Оба еле стояли на ногах, но были воодушевлены и переполнены радостными впечатлениями дня. Родители задержались в детской. Поль сел на пол, Мириам примостилась на краешке дочкиной кровати. Она заботливо подоткнула ей и Адаму одеяло, погладила

их по голове. Впервые за многие месяцы папа и мама запели колыбельную, слова которой выучили наизусть, когда родилась Мила, и часто пели ей, маленькой, дуэтом. Дети уже закрыли глазки, но они продолжали петь, чтобы мелодия проникла в детские сны. Чтобы они оставались вместе.

* * *

Поль боялся признаться жене, но той ночью он почувствовал облегчение. С тех пор как они сюда приехали, у него как будто гора с плеч свалилась. Уже засыпая в холодной постели, он подумал о возвращении в Париж. Их квартира представилась ему аквариумом, заполненным гниющими водорослями, глубокой затхлой ямой, вокруг которой с воем бродят шелудивые звери.

Но когда они вернулись, эти мрачные образы забылись. В гостиной Луиза поставила букет георгинов. Она приготовила ужин. Застелила постели чистым бельем. После недели в промозгом доме, с беспорядочными перекусами за кухонным столом, они с наслаждением вспоминали привычный уют. Нет, думал каждый, нам без нее никуда. Точно то же сказали бы избалованные дети. Или домашние кошки.

* * *

Через несколько часов после отъезда хозяев Луиза вернулась назад, на улицу Отвиль. Войдя в квартиру Массе, она первым делом распахнула ставни, которые закрыла Мириам. Она сменила постельное белье, вынула из шкафов вещи и протерла полки. Потом вытащила старый берберский ковер, который Мириам отказывалась выбросить, прошла по нему пылесосом.

Покончив с делами, она села на диван и задремала. Она провела здесь всю неделю и дни напролет смотрела в гостиной телевизор. В кровати Поля и Мириам Луиза не спала ни разу. Так и жила на диване. Чтобы не тратить денег, питалась тем, что нашла в холодильнике, плюс воспользовалась хранившимися в кладовке запасами, о которых Мириам, скорее всего, и не подозревала. Передачи сменяли друг друга: кулинария, информационный выпуск, телеигры, реалити-шоу, развеселившее ее ток-шоу. Засыпала она под «Криминальные новости». Один вечер она потратила на историю о человеке, найденном мертвым в собственном доме, на окраине небольшого

городка в горах. Ставни в доме не отворялись месяцами, почтовый ящик был переполнен, однако никто не поинтересовался, что случилось с владельцем дома. И только когда по соседству вспыхнул пожар и всех жителей квартала эвакуировали, двери взломали и обнаружили труп. Из-за холода в нетопленном доме он почти мумифицировался. Голос за кадром несколько раз повторил, что даже дату смерти удалось установить лишь по маркировке на хранившихся в холодильнике йогуртах, срок годности которых истек несколько месяцев назад.

* * *

Ближе к вечеру Луиза внезапно проснулась. Она спала тяжелым сном, после которого обычно просыпаешься разбитым, с печалью на сердце и глазами полными слез. Она провалилась в сон как в бездонную черную яму, словно умерла, и пробудилась вся в холодном поту, не отдохнувшая, а, наоборот, вымотавшаяся до предела. Луиза встряхнулась, вскочила, хлопнула себя по щекам. Голова болела так, что было трудно разлепить веки. Сердце колотилось – будь кто-нибудь в комнате, наверняка услышал бы его бешеный стук. Она нащупала туфли и, плача от бессильной досады, скользнула по паркету. Опоздала! Дети будут ее ждать, из детского сада позвонят Мириам и скажут, что няня за ними не пришла. Как она могла заснуть? Как могла позволить себе такую глупость? Надо идти, нет, бежать! Куда она задевала ключи от квартиры? Она обыскала весь дом и наконец нашла – ключи лежали на каминной полке. Она слетела вниз по лестнице, услышала, как сзади хлопнула дверь подъезда. На улице ей казалось, что все только на нее и смотрят – и правда, она неслась вперед как ненормальная, задыхаясь на бегу. У нее закололо в боку, она прижала руку к животу, но не сбавила темпа.

Возле перехода через дорогу было пусто. Обычно там обязательно кто-то стоял, в жилете со светоотражателем и с табличкой в руке. То беззубый парень, который, как она подозревала, недавно освободился из заключения, то толстая негритянка, знавшая всех детей по именам. Перед детским садом тоже ни души. Только Луиза, одна, как идиотка. Ее рот наполнился горько-кислой слюной, предвестницей рвоты. Детей нет. Она пошла назад, низко опустив голову, роняя слезы. Они же на каникулах. Она просто забыла. Она хлопнула себя по лбу. Ей стало страшно.

Вафа звонила ей несколько раз в день, «просто так, поболтать». Как-то вечером она предложила: хочешь, я к тебе зайду? Ее хозяйка тоже укатили на каникулы, и она в кои-то веки могла делать что душе угодно. Луиза не понимала, что такого нашла в ней Вафа. Ей не верилось, чтобы кто-то с такой настойчивостью искал ее компании. Но впечатление от вчерашнего кошмара еще не вполне рассеялось, и она согласилась.

Они договорились встретиться возле дома, где жили Массе. В подъезде Вафа громко объявила, что у нее для Луизы сюрприз, и потрясла большим потертым пластиковым пакетом. Та замахала на нее руками. Она боялась, что их услышат. Молча и торжественно она шествовала по этажам, пока не добралась до дверей квартиры. Гостиная вдруг показалась ей до того унылой, что она прикрыла глаза ладонями. Ей захотелось отменить приглашение, вытолкать Вафу вон, вернуться к телевизору и получить свою дозу успокоительных картинок. Но Вафа уже плюхнула свой пакет на кухонный стол и теперь извлекала из него пакетики специй, курицу и стеклянный контейнер, в котором обычно держала свои пирожные на меду. «Хочешь, я сама все приготовлю?»

Впервые в жизни Луиза сидела на диване и просто смотрела, как кто-то готовит ей еду. Она не помнила, чтобы даже в детстве кто-нибудь готовил именно для нее, чтобы доставить ей удовольствие. Ребенком она доедала за другими. На завтрак ей давали суп, который каждый день подогревали, требуя, чтобы она очистила тарелку до блеска. Ей приходилось съесть все до капли, несмотря на застывший жир, кислый томатный привкус и плавающие в жиже обглоданные кости.

Вафа налила им водки с ледяным яблочным соком. «Если уж пить, так сладенькое», – сказала она, чокаясь с Луизой. Вафа так и не села. Она вертела в руках безделушки, разглядывала ряды книжных полок. Ее внимание привлекла одна фотография.

«Это ты, да? Прямо красавица! Тебе идет оранжевое!» На снимке Луиза – с распущенными волосами, с широкой улыбкой. Сидит на низенькой каменной оgrade, обнимая одной рукой Милу, другой Адама. Мириам настояла на том, чтобы фотография стояла на полке шкафа в гостиной. «Вы член нашей семьи», – сказала она няне.

Луиза отлично помнила, когда Поль сделал это фото. Мириам зашла в посудную лавку и долго не выходила, выбирая, что купить. Луиза с детьми ждали ее на узкой торговой улочке. Мила забралась на каменную ограду,

надеясь погладить серую кошку. И тут Поль сказал: «Луиза, дети, а ну посмотрите на меня! Какое прекрасное освещение». Мила села рядом с Луизой, и Поль крикнул: «Улыбка!»

* * *

– В этом году, – сказала Луиза, – мы опять поедem в Грецию. Туда же, на Сифнос. – Она показала наманикюренным пальцем на снимок.

Этот вопрос пока не обсуждался, но Луиза не сомневалась, что они снова отправятся на свой остров, будут плавать в прозрачной воде и ужинать при свечах на террасе ресторана. Мириам всегда пишет списки, объясняла она подруге, которая сидела на полу, примостившись у ее ног. Листочки с ее записями валялись во всей гостиной; Луиза находила их даже в супружеской постели и, читая их, убедилась, что скоро они и правда уедут. Будут бродить по бухточкам, ловить крабов, морских ежей и морских огурцов, и Луиза будет смотреть, как они съезживаются на дне ведра. Она будет заплывать все дальше и дальше, и в этом году к ней присоединится Адам.

Но вот отпуск приблизится к концу. Накануне отъезда они, конечно, пойдут в полюбившийся Мириам ресторанчик, хозяйка которого разрешала детям самим выбирать себе рыбу, еще живую, прямо на кухне. Они немного выпьют, и тут Луиза объявит, что решила не возвращаться обратно. «Я завтра с вами не полечу. Я остаюсь жить здесь». Разумеется, они страшно удивятся. Подумают, что она шутит. Засмеются – под влиянием выпитого, но и от смущения. Потом, поняв, что няня настроена серьезно, они забеспокоятся и начнут ее отговаривать. «Но, Луиза, это же полное безумие. Вы не можете здесь остаться. На что вы собираетесь жить?» И тут засмеется уже Луиза.

«Конечно, я думала о зиме». Остров, несомненно, будет выглядеть по-другому. Эти голые скалы, сухие заросли орегано и чертополоха, должно быть, не так приветливо выглядят под тусклым ноябрьским солнцем. Когда зарядят дожди, в горах, наверное, станет совсем сумрачно. Но это ее не пугает, и никто не заставит ее покинуть остров. Возможно, она выберет другой, но назад не вернется.

– А может, я вообще ничего не скажу. Просто возьму и исчезну. – И она прицелкнула пальцами.

Вафа внимательно слушала рассуждения Луизы об этих грандиозных планах. Она без труда представила себе синие небеса, мощные улочки,

утренние купания в море, и ее охватила глубокая тоска. Рассказ Луизы пробудил в ней воспоминания о ветреных вечерах на скалистом побережье Атлантики, куда в Рамадан вся семья отправлялась встречать восход солнца. Но тут вдруг Луиза рассмеялась, вырвав Вафу из мечтательных мыслей. Смеялась она, как застенчивая девочка, прикрывая рот ладошкой; взяв за руку подругу, она усадила ее рядом с собой на диван. Они подняли бокалы и чокнулись, похожие на двух школьниц, задумавших одну проказу, в которую никого не собирались посвящать. На двух девчонок, удачно прикидывающихся взрослыми.

У Вафы был сильно развит материнский, или сестринский, инстинкт. Она все порывалась принести Луизе стакан воды, сварить ей кофе, заставить поесть. Луиза вытянула ноги и положила их на журнальный столик. Вафа покосилась на ее немытые ступни, едва не касающиеся ее бокала, и решила, что подруга, наверное, совсем опьянела, раз позволяет себе такое. Она всегда восхищалась манерами Луизы, ее сдержанностью и воспитанностью – ни дать ни взять настоящая дама. Вафа тоже плюхнула голые ступни на столик и игриво спросила:

– Может, с кем-нибудь познакомишься на своем острове? Вдруг в тебя влюбится какой-нибудь красавец-грек?

– Ну уж нет, – ответила Луиза. – Если я там останусь, то не затем, чтобы опять кому-то прислуживать. Буду спать, сколько хочу, и есть, что люблю.

* * *

Поначалу Вафа не собиралась праздновать свадьбу. Они договорились с Юсефом, что зарегистрируются в мэрии, и Вафа будет каждый месяц выплачивать ему часть долга за французские документы. Но позже будущий муж передумал. Он убедил свою мать, которая только того и желала, что все же надо пригласить нескольких друзей. «В конце концов, это моя свадьба. И потом, как знать, это может произвести хорошее впечатление на иммиграционную службу».

В среду утром она встретились перед зданием мэрии коммуны Нуазиле-Сек. Луиза, которая впервые в жизни была свидетельницей, надела голубое платье с круглым воротничком и вдела в уши сережки. Она расписалась внизу листа, протянутого мэром, и подумала, что теперь бракосочетание выглядит почти всамделишным. Крики «Ура!», пожелания счастья новобрачным и аплодисменты звучали вполне искренне.

Небольшая компания двинулась к ресторану «Газель Агадира», которым владел приятель Вафы – когда-то она работала здесь официанткой. Луиза смотрела на стоящих вокруг людей: они размахивали руками, смеялись и хлопали друг друга по плечам. Перед рестораном братья Юсефа припарковали черный седан, украшенный золотистыми синтетическими лентами.

Хозяин ресторана включил музыку. Недовольства соседей он не боялся, зато надеялся привлечь внимание прохожих к своему заведению: пусть заглядывают в окна, видят накрытые столы и завидуют чужому веселью. Луиза разглядывала женщин – широколицых, с полными руками и пышными бедрами, которые казались еще пышнее из-за туго перетянутой поясом талии. Они громко говорили, смеялись и окликали друг друга через весь зал. Они сгрудились вокруг Вафы, сидевшей за главным столом и, как догадалась Луиза, не имевшей права подниматься с места.

Луизу усадили в глубине зала, подальше от окон, за одним столом с мужчиной – Вафа познакомила их еще утром. «Это Эрве. Помнишь, я тебе про него рассказывала. Он делал у меня в комнате ремонт. Он любит работать рядом с домом». Вафа специально посадила их вместе. Никого лучше Луиза не заслуживала. Никому он не нужен, а Луизе сгодится: она привыкла донашивать чужую одежду, читать брошенные кем-то журналы с вырванными страницами и доедать надкушенные детьми вафли.

Эрве ей не понравился. Ее смущали красноречивые взгляды Вафы. Она терпеть не могла, когда на нее пялились, и ощущала себя в ловушке. Но главное, мужчина оказался до того невзрачным! Разве такой может понравиться? Во-первых, маленький, ростом чуть выше Луизы, с сильными короткими ногами и тощим задом. Практически без шеи. При разговоре он время от времени склонял голову к плечу, точно пугливая черепаха. Луиза не сводила глаз с его лежащих на столе рук – рук рабочего, бедняка, курильщика. Она заметила, что у него не хватает зубов. И вообще выглядел он простовато. От него пахло свежими огурцами и вином. Первым ей пришло в голову, что она постесняется познакомить его с Мириам и Полем. Они будут разочарованы. И решат, что Луизе этот мужчина не подходит.

Эрве, напротив, пожирал Луизу взглядом, словно старик юную девушку, которая обратила на него внимание. Она показалась ему такой элегантной, такой утонченной. Его восхитил ее изящный воротничок, ее скромные сережки. Он смотрел, как она крепко сжимает на коленях руки – белые ручки с розовыми ноготками, на вид никогда не ведавшие ни нужды, ни тяжелой работы. Луиза напоминала ему фарфоровую куклу, какие встречались ему в квартирах старух, которым он что-нибудь чинил или

делал ремонт. У нее были почти застывшие черты лица и такие же кукольные, пленившие его манеры. Она, например, могла подолгу смотреть в пустоту, вселяя в Эрве желание вернуть ее на землю.

Он рассказал ей, чем занимается. Он работал шофером в доставке, неполный день. Еще подрабатывал, кое-что чинил, помогал грузить вещи тем, кто переезжал с квартиры на квартиру. Три дня в неделю дежурил охранником на автостоянке банка на бульваре Осман. «Зато у меня остается время читать. В основном детективы, но не только». Она не знала, что ответить, когда он спросил, что любит читать она.

– Хорошо, а музыка? Ты любишь музыку?

Сам он был помешан на музыке и даже изобразил своими синеватыми пальцами, как трогает струны гитары. Заговорил о прошлом, когда ходил с друзьями на концерты своих кумиров. Тогда он носил длинные волосы и боготворил Джимми Хендрикса. «Я покажу тебе фото!» – пообещал он. Луиза вдруг сообразила, что никогда не слушала музыку. Не испытывала такой потребности. Она знала лишь считалочки и примитивные детские песенки, которые передаются от матери к дочери. Однажды вечером Мириам услышала, как она пела с детьми, и сказала, что у Луизы очень красивый голос. «Надо же, да вы могли бы стать певицей!»

Луиза не обратила внимания на то, что большинство гостей не притронулись к алкоголю. На каждом столе стояло по бутылке с газировкой и по графину с простой водой. Эрве поставил бутылку вина на пол и подливал Луизе, как только у нее пустел бокал. Луиза пила медленно. Постепенно она перестала замечать оглушительную музыку, вопли гостей и невнятный речитатив, который наговаривали молодые парни, приклеившись ртом к микрофону. Она смотрела на Вафу и улыбалась, совсем забыв, что все происходящее – не более чем маскарад, ширма для простофиль, спектакль.

Она продолжала пить, и в бокале, из которого она не спеша потягивала вино, тонули и растворялись ее жизненные неурядицы, ее болезненная застенчивость, все ее горести. Убожество ресторана и ничтожество Эрве вдруг приобрело какие-то новые краски. Эрве говорил тихим голосом и умел молчать. Он смотрел на нее и с улыбкой опускал глаза. Если ему нечего было сказать, он ничего и не говорил. Луиза поняла, что ей вовсе не противны ни его маленькие глазки почти без ресниц, ни его жидкие волосы, ни его лицо в пурпурных пятнах, ни его манеры.

Она согласилась, чтобы Эрве ее проводил, и они вместе дошли до метро. Она простилась с ним и, не оборачиваясь, спустилась по лестнице. Эрве по дороге домой думал о ней. Ее образ преследовал его, как песня на

английском, из которой он не понимал ни слова, но мелодия которой продолжала звучать у него в голове даже спустя годы.

* * *

Как каждое утро, ровно в 7:30 Луиза открыла дверь квартиры. Поль и Мириам стояли в гостиной и явно ее ждали. У Мириам было лицо голодного зверя, который всю ночь метался по клетке. Поль включил телевизор и в виде исключения разрешил детям посмотреть утром мультики.

– Сидите здесь и не убегайте, – сказал он сыну и дочери. Те, разинув рты, мгновенно уставились в экран, по которому скакали развеселые кролики.

Взрослые закрылись на кухне. Поль предложил Луизе сеть.

– Может, сварить кофе? – предложила няня.

– Нет, спасибо, – сухо отказался он.

Мириам стояла у него за спиной, опустив глаза. Она поднесла руку к губам.

– Луиза, мы получили письмо, содержание которого привело нас в полное недоумение. Должен сказать, что мы крайне расстроены тем, что узнали. Есть вещи, которые мы считаем недопустимыми.

Он говорил без остановки, сверля взглядом конверт, который держал в руке.

У Луизы перехватило дыхание. Язык у нее одеревенел, и, чтобы не расплакаться, она прикусила губу. Как маленькой, ей захотелось заткнуть уши, закричать, упасть на пол – сделать что угодно, лишь бы прекратить этот разговор. Она попыталась рассмотреть, что за конверт держит Поль, но не смогла разобрать ни адреса, ни имени отправителя.

Она вдруг решила, что письмо написала мадам Гринберг. Наверняка старая ведьма шпионила за ней в отсутствие Поля и Мириам и прислала им анонимку. Мается от скуки, вот и придумала себе развлечение – возвести на нее напраслину. Скорее всего, доносит, что все каникулы Луиза провела здесь. Что приводила в гости Вафу. И письмо, как пить дать, не подписала – чтоб напустить побольше туману. Небось, насочиняла с три короба – поди догадайся, какие непристойности бродят в старухиной башке, не давая ей покоя. Луиза этого не переживет. Не переживет взгляда Мириам, презрительного взгляда своей хозяйки, которая поверит, что она спала в их постели и насмеялась над ними.

Луиза словно окаменела. Пальцы свело от ненависти, и она спрятала руки под колени, чтобы не было видно, как они трясутся. Лицо у нее побелело. В порыве ярости она запустила пальцы в волосы. Поль, так и не дождавшись от нее ни слова, продолжил:

– Это письмо из казначейства, Луиза. Они требуют, чтобы мы удержали из вашей зарплаты сумму вашего долга, очевидно копившегося много месяцев. Вы ни разу не ответили на их уведомления!

Поль мог поклясться, что в глазах няни мелькнуло облегчение.

– Я прекрасно понимаю, что это крайне унижительная для вас процедура, но, поверьте, она и нам не доставляет никакого удовольствия. – Поль протянул ей письмо. – Посмотрите.

Луиза схватила конверт и вспотевшими, трясущимися пальцами достала из него листок. В глазах у нее все плыло. Она притворилась, что читает, хотя на самом деле не понимала ни слова.

– Если они пишут нам, значит, испробовали все другие пути. Нельзя же быть такой безответственной, – объяснила Мириам.

– Простите меня, – ответила Луиза. – Мне очень жаль. Я все улажу, даю вам слово.

– Если надо, я могу вам помочь. Принесите мне все документы, и мы поищем выход.

Луиза растерянно скребла ладонью щеку. Она догадывалась, что должна что-то сказать. Ей хотелось броситься к Мириам, обнять ее и молить о помощи. Признаться, что она одна, совсем одна, что с ней случилось столько всего, что никому не расскажешь, разве что ей, Мириам. Ее била дрожь. Она не знала, как себя вести.

Луиза сделала вид, что ничего страшного не произошло. Что все это – не больше чем недоразумение. Видимо, связанное с тем, что она недавно сменила адрес. Во всем виноват ее муж Жак, который все запутал и ни о чем ей не рассказал. Вопреки очевидности, вопреки доказательствам она все отрицала. Выражалась она так туманно и с таким жаром, что Поль воздел глаза к небесам.

– Ладно, ладно. Это ваши дела, так что, пожалуйста, разберитесь с ними. Но я больше не хочу получать подобных писем.

Письма преследовали ее от дома Жака до ее квартирki и в конце концов добрались сюда, до этого дома, который держался на плаву только благодаря ей. Ей слали счета за лечение Жака, квитанции на уплату жилищного налога, уведомления о задержке выплат по кредитам, о которых Луиза не имела никакого понятия. Она наивно думала, что, не дождавшись ответа, все эти люди рано или поздно перестанут бомбардировать ее

письмами. Ей просто надо притвориться мертвой, все равно у нее ничего нет. Что они могут ей сделать? Какой им смысл за ней гоняться?

* * *

Конечно, она прекрасно помнила, где эти письма. Груда писем, которые она не выбрасывала, а засовывала за электросчетчик. Лучше бы она их сожгла. Она не понимала смысла этих длинных предложений, этих таблиц, занимавших целые страницы, и столбцов цифр, сумма которых все время росла. То же самое было, когда она помогала Стефани с уроками. Они писали диктанты. Она решала с ней задачки. Дочь над ней смеялась: «Да что ты в этом понимаешь? Ты полный ноль!»

* * *

В тот вечер, переодев детей в пижамки, Луиза задержалась в их комнате. Мириам ждала ее у входной двери.

– Вы можете идти. До завтра.

Луизе так хотелось остаться. Она спала бы на полу, возле кровати Милы. Она не шумела бы и никого не побеспокоила бы. Она не хотела идти домой. С каждым днем она возвращалась все позже. Бродила по улицам, натянув шарф до подбородка и глядя под ноги. Она боялась столкнуться с владельцем квартиры – стариком с рыжими волосами и налитыми кровью глазами. Скряга! Он и поверил ей только потому, что «сроду не надеялся сдать жилье в этом квартале белой». Наверное, теперь он об этом жалеет.

Сидя в метро, она сжимала зубы, чтобы не расплакаться. На улице шел мерзкий холодный дождь, намочивший ей пальто и волосы. Тяжелые капли, срываясь с крыш, падали ей за воротник, и она вздрагивала. Дойдя до угла улицы, вроде бы безлюдной, она почувствовала, что за ней наблюдают. Она обернулась – никого. Вдруг в полутьме она заметила примостившегося между двух машин мужчину. Он сидел на корточках, с голой задницей, опустив на колени огромные ручки. В одной руке он держал газету. На Луизу он смотрел без тени смущения или враждебности. Она отступила. К горлу подкатила тошнота. Ей хотелось закричать, призвать кого-то в свидетели. Мужчина испражнялся прямо на улице, у нее под носом. Очевидно, привык справлять нужду прилюдно. Ни стыда ни совести.

Луиза бегом бросилась к своему подъезду. Пока она поднималась по

лестнице, ее колотило. Дома она принялась наводить порядок. Сменила постельное белье. Ей хотелось вымыться, встать и долго-долго стоять под струей горячей воды, чтобы согреться, но душ сломался еще несколько дней назад. Деревянный пол под поддоном душевой кабины прогнил и почти провалился. С тех пор она мылась в раковине, обтираясь рукавичкой. Три дня назад она вымыла голову, сидя на пластиковой табуретке.

Она легла в постель, но сон к ней не шел. Перед глазами стоял виденный только что мужчина. Как ни гнала она от себя ужасные мысли, но не могла запретить себе думать, что вскоре на его месте окажется она. Ее выгонят на улицу. Она лишится даже этой убогой квартирki и тоже будет испражняться на улице, как животное.

* * *

На следующее утро Луиза не смогла встать с постели. Ночью у нее поднялась температура; ее знобило так, что зубы стучали. Горло опухло и болело. Она не могла даже сглотнуть слюну. Вскоре после половины восьмого утра зазвонил телефон. Луиза не сняла трубку. На экране высветился номер Мириам. Луиза открыла глаза, протянула руку и нажала отбой. И упала лицом в подушку.

Телефон зазвонил снова.

На этот раз Мириам оставила голосовое сообщение: «Луиза, добрый день. Надеюсь, у вас все в порядке. Уже почти восемь. Мила вчера вечером заболела, у нее температура. У меня сегодня важное дело, я вам говорила, что я выступаю в суде. Надеюсь, что у вас все хорошо и ничего не случилось. Перезвоните мне, как только получите сообщение. Мы вас ждем». Луиза уронила телефон на пол и плотнее завернулась в одеяло. Она старалась не думать о том, что ей хочется пить и срочно надо в туалет. У нее не было сил даже шевельнуться.

Кровать она придвинула к стене, поближе к чуть теплой батарее. Головой при этом она едва не упиралась в окно. Она смотрела на голые деревья на улице и не понимала, как жить дальше. В ней поселилась странная уверенность, что бороться бесполезно. Что ей остается лишь отдаться течению событий, плыть по воле волн, полностью покориться обстоятельствам. Вчера она достала эти письма. Вскрыла конверты и порвала письма в мелкие клочки, которые бросила в кухонную раковину. Ппустила воду. Раз-мякнув, клочки бумаги склеились в бесформенный ком. Она смотрела, как он постепенно тает под струей кипятка. Опять зазвонил

телефон. Луиза сунула его под подушку, но настырный трезвон мешал ей забыться сном.

* * *

Мириам металась по квартире. На полосатом кресле была разложена ее адвокатская мантия.

– Она не вернется! – сказала она Полю. – Это не первый случай, когда в один прекрасный день няня просто исчезает. Я слышала десятки таких историй.

Она снова и снова набирала номер Луизы, но та не отвечала. Мириам, чувствуя свою беспомощность, набросилась на Поля. Он был слишком суров с Луизой и разговаривал с ней как с простой домработницей.

– Мы ее обидели! – заключила она.

Поль успокаивал жену. Наверное, у Луизы проблемы, у нее что-то случилось. Она не посмела бы вот так взять и бросить их, без всяких объяснений. Она так привязана к детям! Как она могла уйти не попрощавшись?

– Чем строить предположения, поищи лучше ее адрес. Посмотри в контракте. Если через час она не ответит, я сам к ней поеду.

Мириам, сидя на корточках, рылась в ящиках комода, когда наконец зазвонил телефон. Еле слышным голосом Луиза просила ее извинить. Она заболела и не встает с постели. Звонков она не слышала – проспала все утро. Она раз десять повторила: «Мне так неудобно...» Мириам оторопела: такое простое объяснение даже не пришло ей в голову. Ей стало совестно. Почему она не подумала, что Луиза может заболеть? Как будто та была неуязвимой, а ее тело – не ведающим усталости и недомоганий.

– Понимаю, – сказала она. – Конечно, отдохайте, мы как-нибудь выкрутимся.

Они с Полем обзвонили друзей, коллег и родственников. Кто-то дал им телефон одной студентки – «может, она вас выручит?» – и, к счастью, та согласилась приехать прямо сейчас. Симпатичная блондинка лет двадцати не вызвала у Мириам доверия. Войдя в квартиру, она неторопливо сняла свои ботильоны на шпильке. Мириам заметила у нее на шее татуировку – на ее взгляд, ужасную. На все разъяснения Мириам она лишь кивала: «Ага», хотя было ясно, что она ничего не запоминает и мечтает об одном – поскорее выпроводить настырную мамашу. Она попыталась подлизаться к Миле, дремавшей на диване, изобразив материнскую заботу – девчонка,

сама еще не расставшаяся с детством.

Но только вечером, вернувшись с работы, Мириам осознала весь ужас ситуации. В квартире царил настоящий разгром. Игрушки были разбросаны по всей гостиной. В раковине громоздилась грязная посуда. На журнальном столике засохли ошметки морковного пюре. Девушка вскочила с резвостью заключенного, наконец выпущенного из тюремной камеры. Сунула в карман деньги и с мобильником в руке помчалась к двери. Позже Мириам обнаружила на балконе с десяток окурков самокруток, а на голубом комодe в детской – липкую лужицу растаявшего шоколадного мороженого.

* * *

Три дня Луизу мучили кошмары. Она не спала, но впадала в мучительное, сродни летаргии, состояние: мысли у нее путались, она чувствовала дурноту. Всю ночь она слышала какой-то внутренний вопль, насквозь прожигавший кишки. Она ворочалась на своем диване в сбившейся комом рубашке и бессильно скрипела зубами. Ей казалось, что кто-то наступил ей на лицо тяжелым башмаком, что ее рот набит землей. Ноги сотрясала мелкая дрожь, вызывая в памяти хвост головастика. Ей было совсем плохо. Она вставала попить, сходить в туалет и снова валилась на диван.

Она выныривала из сна, как из морской бездны, и, как обессиленный пловец, задыхаясь от нехватки кислорода, барахтаясь в воде, превратившейся в плотную черную магму, молилась о глотке воздуха и собирала последние силы, чтобы всплыть на поверхность и сделать судорожный вдох.

В свой блокнот с обложкой в цветочек она записала подслушанный у врача больницы Анри-Мондор термин: депрессия с признаками делирия. Луизе показалось, что это звучит очень красиво и придает ее тоске оттенок нездешней поэтичности. Она записала эти слова своим странным почерком – старательно перекрученными заглавными буквами. Все записи в ее блокноте напоминали те шаткие строения из деревянных кубиков, которые Адам возводил только ради удовольствия их разрушить.

Впервые в жизни она задумалась о старости. О том времени, когда тело начнет ее подводить, когда малейшее движение будет причинять ей нестерпимую боль. О том, сколько денег придется тратить на лекарства. Она с ужасом представляла себе, как лежит больная и беспомощная в комнате с немытыми окнами. Эта мысль преследовала ее как наваждение.

Она ненавидела свою квартиру. Ее сводил с ума затхлый запах из душевой кабины, проникавший ей в самое нутро. Все зазоры и щели в квартире были покрыты налетом зеленоватой плесени, и, как она ее ни отскребала, наутро корка появлялась снова, еще более плотная, чем раньше.

В ней закипала ненависть. Чувство, несовместимое с ее вечной покорностью и детским оптимизмом. Ненависть туманила ей взор. Луиза проваливалась в печальные, сумбурные сны. Ее преследовало ощущение, что она видела и слышала слишком много о чужой жизни, о чужой близости, в праве на которую ей было отказано. У нее даже своей комнаты никогда не было.

* * *

После двух безумных ночей она наконец почувствовала, что готова вернуться к работе. Она осунулась, и ее девичье личико, бледное и худое, как будто еще вытянулось, словно по нему били молотом. Она причесалась и нарисовалась. Накладывая на веки свои лиловые тени, она совсем успокоилась.

В половине восьмого утра она открыла дверь квартиры на улице Отвиль. Мила в своей голубой пижамке бросилась навстречу няне, обняла ее и воскликнула:

– Луиза, ты пришла! Наконец-то ты вернулась!

Адам, сидевший у матери на руках, услышал голос Луизы, узнал запах ее пудры и деликатный звук ее шагов. Он заколотил кулачками в грудь Мириам, которая с улыбкой передала его на попечение Луизы.

* * *

В холодильнике у Мириам громоздились пищевые контейнеры. Они стояли один на другом, рядом с мисочками, накрытыми фольгой. На полках лежали крохотные ломтики лимона, увядшие огуречные попки, четвертушка луковицы, запах которой заполнял всю кухню, стоило открыть дверцу холодильника. Кусочек сыра, от которого осталась одна корка. На дне очередной коробочки Мириам находила засохшие пожелтевшие горошины. Три макаронины. Ложку каши. Кусочек жареной индейки, которого не хватило бы на обед и воробью, но который Луиза не решалась выбросить.

Мириам и Поль подшучивали над ней. Поначалу бзик Луизы, хранившей все объедки, вызывал у них только смех. Няня дочиста выскребала консервные банки и заставляла детей вылизывать стаканчики из-под йогурта. Родителям это казалось нелепым, но трогательным.

Поль подсмеивался над Мириам, которая среди ночи выносила на помойку пакеты с остатками еды или сломанной и не поддающейся починке игрушкой Милы.

– Боишься, что Луиза отругает, признайся! – кричал он ей в спину с лестничной клетки.

Они веселились, наблюдая, с каким вниманием Луиза изучает рекламные проспекты, опущенные в почтовый ящик, – они давно привыкли выбрасывать их не глядя. Няня аккуратно собирала купоны на скидки и гордо предъявляла их Мириам, которая не смела сказать ей, что считает это идиотизмом. Напротив, она приводила Луизу в пример, говоря мужу и детям:

– Луиза права! Расточительство – это большой грех. В мире до сих пор есть дети, которые недоедают!

Но по прошествии нескольких месяцев эта мания начала их раздражать. Мириам упрекала Луизу в упрямстве и даже называла ее пристрастие паранойей.

– Если ей нравится рыться в мусоре, это ее дело, – говорила она Полю, убежденному, что няня забрала себе слишком много власти. – Я перед ней отчитываться не собираюсь.

Единственное, что она сделала, – запретила Луизе давать детям просроченные продукты.

– Да, даже всего на сутки. Это не обсуждается.

* * *

Однажды вечером – это было вскоре после болезни Луизы – Мириам вернулась домой очень поздно. Свет в квартире был погашен, а Луиза ждала ее прямо у дверей, в накинутом на плечи пальто и с сумкой в руках. Она небрежно попрощалась и поспешила к лифту. Мириам слишком устала, чтобы размышлять или тем более волноваться по этому поводу. «Ну, Луиза обиделась. И что дальше?»

Ей бы плюхнуться на диван и, не раздеваясь и даже не скинув туфли, уснуть, но она пошла на кухню налить себе бокал вина. Вдруг захотелось сесть в гостиной, выпить ледяного белого вина и выкурить сигарету. Если

бы она не боялась разбудить детей, она бы и ванну приняла.

Она зажгла на кухне свет. Здесь было еще чище, чем обычно, и отчетливо пахло моющим средством. Дверца холодильника сияла. На кухонном столе – ни одной забытой чашки. На вытяжке над плитой – ни намека на жир, ручки шкафов протерты до блеска. Как и оконное стекло.

Мириам собиралась открыть холодильник, когда увидела его. Посередине столика, за которым ели дети и няня. На тарелке красовался куриный остов. Голый скелет, без малейших признаков мяса. Как будто его обглодали стервятники или стая прожорливых насекомых. В любом случае кто-то хищный.

Она смотрела на коричневый скелет: закругленный хребет, острые кости, гладкий, точно отполированный позвоночник. Ноги были оторваны, но надломленные крылья висели на своих местах. Суставы вывернуты, вот-вот хрустнут. Желтоватые хрящи напоминали засохший гной. Сквозь зияющие в переплетении тонких косточек дыры Мириам видела пустую, черную, обескровленную грудную клетку. На остове не осталось ни плоти, ни внутренних органов, ничего подверженного разложению, но Мириам казалось, что она смотрит на падаль, на протухший труп, невесть как попавший к ней на кухню.

Она точно помнила, что сегодня утром выбросила эту курицу. Мясо уже не годилось в пищу, и она боялась, как бы дети не отравились. Она наклонила тарелку с курицей над мусорным ведром, и тушка соскользнула вниз, вся в застывшем жире. Она упала на дно ведра с глухим стуком, и Мириам сказала: «Бр-р». От мерзкого запаха ее замутило.

Мириам приблизилась к скелету, не решаясь до него дотронуться. Он не мог появиться здесь случайно, из-за невнимательности Луизы. На шутку это тоже не походило. От остова пахло средством для мытья посуды с миндальной отдушкой. Луиза отмыла его дочиста и водрузила на стол как зловещий тотем. Она им мстила.

* * *

Потом Мила все рассказала матери. Она смеялась и прыгала, объясняя, как Луиза учила их есть пальцами. Забравшись на стулья с ногами, они с Адамом обдирали с костей мясо. Он уже засохло, и, чтобы они не подавились, Луиза велела им запивать еду фантой из больших стаканов. Она строго следила за тем, чтобы они не сломали куриный скелет. Она сказала детям, что это такая игра и что они получают кое-что вкусное, если

будут слушаться и соблюдать правила. И в самом деле – она дала им по леденцу.

Эктор Рувье

Прошло десять лет, но Эктор Рувье отлично помнил руки Луизы. Чаще всего он трогал именно ее руки. Они пахли цветочными лепестками, а ногти у нее всегда были покрыты лаком. Эктор хватал их, прижимал к себе, чувствовал, как они гладят его по голове, пока он смотрел телевизор. Руки Луизы погружались в теплую воду и терли худенькое тело мальчика. Они взбивали в пену шампунь у него в волосах, ныряли ему под мышки, мыли ему краник, живот, попу.

Уже в кровати, лежа лицом в подушку, он задирали пижамную куртку, показывая Луизе, что ждет, когда она его погладит. Она проводила по его спине кончиками ногтей, отчего кожа у него словно оживала, по телу пробегала дрожь, и он засыпал умиротворенный, но с легким чувством стыда, смутно догадываясь о природе возбуждения, вызванного прикосновением пальцев няни.

По дороге в детский сад Эктор крепко-крепко держал няню за руку. Чем старше он становился, чем крупнее становилась его ладонь, тем больше он боялся ненароком сломать ее хрупкую, как фарфор, кисть. Пальчики няни хрустели в руке Эктора, и порой мальчику казалось, что это он переводит Луизу через улицу.

Луиза никогда не была с ним строга, о нет. Он не помнил, чтобы она когда-нибудь сердилась. И никогда не поднимала на него руку – в этом он был абсолютно уверен. Но вообще, несмотря на то, что они провели рядом много лет, у него сохранились весьма расплывчатые воспоминания о Луизе. Ее черты представлялись ему в какой-то дымке, и он сомневался, что узнает ее, столкнись они случайно на улице. Зато он не забыл ее мягкую и нежную щеку; аромат ее пудры, которую она наносила утром и вечером; тонкий нейлон колготок, к которым он прижимался лицом; ее странная манера целовать его, иногда прикусывая, чтобы подчеркнуть внезапность приступа своей любви и желание завладеть им целиком и полностью. Эти вещи он помнил хорошо.

Кроме того, он не забыл ее восхитительную выпечку. Забирая его из детского сада, она приносила ему пирожные и искренне радовалась, видя, как он на них набрасывается. Вкус ее томатного соуса, ее перченые стейки с кровью, ее грибной суп-пюре – вот что по-прежнему всплывало у него в памяти. Мифы, связанные с детством, с теми временами, когда он еще не знал, что такое разогретые в микроволновке полуфабрикаты, проглоченные

перед экраном компьютера.

Еще он помнил – или думал, что помнит, – что она была с ним бесконечно терпелива. Родителям редко удавалось уложить его спать без скандала. У его матери, Анны Рувье, руки опускались: Эктор плакал, умолял оставить открытой дверь, требовал рассказать ему еще одну сказку, просил попить, уверял, что только что видел монстра, настаивал, что хочет есть.

«Я тоже боюсь засыпать», – призналась ему Луиза. Она не смеялась над его страхами и могла часами поглаживать ему своими длинными пальцами, от которых пахло розами, виски, пока он не погрузился в сон. Она уговорила его мать оставлять в детской комнате зажженную лампу. «Зачем пугать его понапрасну?»

Да, ее уход стал для него ударом. Он скучал по ней и люто возненавидел сменившую ее девушку-студентку, которая забирала его из школы, говорила с ним по-английски и, как выражалась его мать, «способствовала его интеллектуальному развитию». Он злился на Луизу за то, что она его бросила, что не сдержала данных ему пламенных обещаний, хотя клялась, что всегда будет его любить, что он – единственный на свете и у нее никогда не будет другого. А потом настал день, когда она просто исчезла, и Эктор не посмел даже спросить, куда она подевалась. Он не сумел оплакать эту покинувшую его женщину, потому что в свои восемь лет интуитивно чувствовал, что его любовь к ней нелепа, что над ним будут потешаться, что даже те, кто его пожалеет, скорее всего, ничего не поймут.

* * *

Эктор опустил голову и замолчал. Мать, сидевшая рядом с ним на стуле, положила руку ему на плечо. «Все хорошо, мой милый», – сказала она. Но Анна не могла преодолеть нервозность. Под взглядами беседовавших с ней полицейских она испытала приступ вины. Ее так и подмывало признаться хоть в чем-нибудь; она не сомневалась, что совершила что-то нехорошее и сейчас ее за это накажут. Она всю жизнь чувствовала себя без вины виноватой. Ни разу не прошла таможеню, не взмокнув от страха. Однажды ей предложили сдать алкотест: она была беременная и абсолютно трезвая, но внутренне приготовилась к тому, что ее арестуют.

Капитан полиции – красивая женщина с густыми темными волосами, забранными в хвост, – сидела за столом напротив них. Она спросила у

Анны, как она познакомилась с Луизой и почему решила пригласить ее няней к своим детям. Анна отвечала спокойно. Она искренне хотела удовлетворить интерес полицейских, направить их по верному пути, но главное – узнать, в чем же обвиняют Луизу.

Луизу порекомендовала ей подруга. Дала ей превосходную характеристику. Впрочем, и сама Анна была очень довольна няней.

– Вы уже могли убедиться, что Эктор был очень к ней привязан.

Женщина-капитан улыбнулась парнишке. Потом взяла со стола папку, открыла ее и спросила:

– Вы помните звонок мадам Массе? Это было чуть больше года назад, в январе.

– Мадам Массе?

– Да, попытайтесь припомнить. Луиза назвала вас в качестве рекомендателя, и Мириам Массе хотела узнать, что вы о ней думаете.

– Да, конечно, помню. Я сказала, что Луиза – исключительно хорошая няня.

* * *

Они уже два часа сидели в этой холодной комнате, где глазу было не за что зацепиться. Ни одной лишней вещи на столе, ни одной посторонней фотографии. Голые стены – ни плакатов, ни объявлений «Разыскивается...». Несколько раз женщина-капитан останавливалась посередине фразы и, извинившись, выходила из кабинета. Анна с сыном видели через стекло в стене, что она звонит по мобильному, шепчет что-то на ухо коллеге, пьет кофе. Им не хотелось разговаривать друг с другом, даже чтобы отвлечься. Они сидели рядом, но не смотрели друг на друга, словно забыли, что они здесь вместе. Время от времени тот или другая выпускали тяжкий вздох или вставали, чтобы обойти вокруг стула. Эктор уставился в телефон. Анна мяла в руках черную кожаную сумку. Обоим изрядно надоело торчать здесь, но воспитание и страх не позволяли им обнаружить перед полицейскими малейший признак недовольства. Уставшие и покорные, они терпеливо ждали, когда их, наконец, отпустят.

Женщина-капитан протянула им только что распечатанные на принтере бумаги.

– Подпишите здесь и здесь, пожалуйста.

Анна склонилась над листком и, не поднимая глаз, бесцветным голосом спросила:

– А что натворила Луиза? Что вообще произошло?

– Она обвиняется в убийстве двух детей.

У капитана полиции под глазами синели круги. Припухшие мешки утяжеляли ее взгляд и, как ни странно, добавляли ей привлекательности.

* * *

Эктор вышел на улицу, на июньскую жару. Мимо шли красивые девушки, и ему захотелось поскорее вырасти, стать взрослым и свободным. Стать мужчиной. Свои восемнадцать лет он ощущал как тяжкий груз, от которого ему не терпелось избавиться, оставить его позади, как он оставил у дверей комиссариата свою оцепеневшую, растерянную мать. Он сознавал, что чувство, которое он испытал только что, после слов капитана полиции, не было ни удивлением, ни изумлением. Вернее всего было бы назвать это чувство болезненным облегчением. Чуть ли не ликованием. Как будто он всегда знал, что над ним нависала опасность – смутная, необъяснимая, но оттого не менее страшная. Только он своим детским взглядом и своим детским сердцем был способен уловить эту опасность. Но судьба распорядилась так, что удар настиг кого-то другого.

Женщина-капитан тоже все поняла. Она долго смотрела в его лишенное выражения лицо и вдруг улыбнулась ему. Так улыбаются уцелевшим в катастрофе.

* * *

Мириам всю ночь думала о курином скелете, оставленном на кухонном столе. Стоило на миг закрыть глаза, и ей мерещилось, что остов мертвого животного здесь, рядом с ней, в ее постели.

Вино она выпила залпом, опираясь рукой на детский столик и косясь на скелет. Ей было противно дотрагиваться до него. Ее не покидало странное ощущение, что, коснись она его, случится что-то ужасное: курица оживет, прыгнет ей в лицо, вцепится в волосы, отшвырнет к стене. Мириам выкурила сигарету у окна в гостиной и вернулась на кухню. Надела резиновые перчатки и выбросила скелет в ведро. Туда же отправилась и тарелка, и лежавшая рядом тряпка. Мириам подхватила черные мусорные мешки и быстро отнесла на помойку. На обратном пути она с силой захлопнула за собой дверь подъезда.

* * *

Она легла в постель. Сердце колотилось так, что ей было трудно дышать. Она пыталась заснуть, но сон к ней не шел, и тогда она позвонила Полю и, рыдая, рассказала ему историю с курицей. Он решил, что она сгущает краски. Эта пародия на ужастик его развеселила. «Слушай, ну не стоит впадать в истерику из-за такой ерунды». Он старался ее рассмешить и убеждал, что она преувеличивает значение этого случая. Мириам бросила трубку. Он ей перезвонил, но она ему не ответила.

* * *

Она ворочалась без сна, одолеваемая злостью и чувством вины. Сначала она обрушила свой гнев на Луизу, про себя называя ее психопаткой. Возможно, опасной психопаткой. Которая в глубине души ненавидит своих хозяев и мечтает им отомстить. Мириам осыпала себя упреками за то, что не оценила, до какой степени жестокости способна дойти Луиза. Она и раньше замечала, что самые пустяковые происшествия приводят няню в ярость. Однажды Мила потеряла в садике жилетку, и Луиза раздула из этого целую историю. Она каждый день напоминала Мириам про эту синюю жилетку и клялась, что найдет ее; она измучила вопросами воспитательницу, гардеробщицу и буфетчицу. В понедельник утром она застала Мириам и Милу за одеванием. На девочке была синяя жилетка.

– Вы ее нашли?! – восторженно воскликнула няня.
– Нет, купила такую же. Луиза рассвирепела:
– Значит, никого не волнует, что я изо всех сил ее ищу? Да что же это такое? Пусть у нас воруют вещи, пусть дети их разбрасывают, это ничего, мама пойдет и купит Миле новую жилетку?

* * *

Потом Мириам принялась корить себя. «Это я виновата, – думала она, – я слишком далеко зашла. Луиза по-своему дает мне понять, что я слишком расточительна, легкомысленна и бестактна. Наверное, она оскорбилась, что я выбросила курицу – у нее ведь явные проблемы с

деньгами. А я вместо того, чтобы помочь, ее унизила».

Она проснулась на рассвете с ощущением, что почти не спала. Встав с постели, она обнаружила, что на кухне горит свет. Луиза сидела возле выходящего во двор окна с чашкой чая в руках – той самой чашкой, которую Мириам подарила ей на день рождения. Над чашкой поднималась струйка пара. Луиза вдруг показалась Мириам старушонкой, призрачное лицо которой расплывалось в белесом утреннем свете. Волосы, кожа были как будто обесцвечены. Мириам подумалось, что в последнее время Луиза всегда одета одинаково, и ее синяя блузка с круглым отложным воротничком вдруг вызвала у нее омерзение. Ей не хотелось с ней даже заговаривать. Ее охватило горячее желание, чтобы Луиза сию же минуту исчезла из ее жизни, просто испарилась. Но она была здесь, и она ей улыбалась.

– Сварить вам кофе? – своим тонким голосом спросила она. – У вас усталый вид.

Мириам протянула руку и взяла дымящуюся чашку.

Она вспомнила, что сегодня ее ждет трудный день. Ей предстояло защищать клиента перед судом присяжных. Сидя у себя на кухне напротив Луизы, Мириам не могла не задуматься о нелепости ситуации. Ее напористость восхищает коллег, ее смелость в схватках с противником ставит в пример остальным Паскаль, но она бессильна перед этой хрупкой светловолосой женщиной.

* * *

Одни подростки мечтают о карьере в кино, другие – в футболе или в шоу-бизнесе. Мириам всегда мечтала о карьере юриста. Еще студенткой она старалась как можно чаще присутствовать на судебных заседаниях. Ее мать не понимала, как можно до такой степени увлечься этими грязными историями об изнасилованиях, как можно с беспристрастным видом излагать отвратительные подробности инцестов и убийств. Мириам уже готовилась в адвокаты, когда начался процесс серийного убийцы Мишеля Фурнире, за которым она внимательно следила. Она сняла комнату в центре Шарлевиль-Мезьера и каждый день в толпе домохозяек ходила к Дворцу правосудия своими глазами посмотреть на этого монстра. Во дворе раскинули огромный шатер, чтобы публика – чрезвычайно многочисленная – могла следить за ходом заседания на гигантских экранах. Мириам держалась немного в стороне и ни с кем не разговаривала. Ей делалось не

по себе, когда тетки с красными лицами, мальчиковыми прическами и коротко стриженными ногтями встречали автозак оскорбительными криками и плевали ему вслед. Принципиальная до жесткости, она была заморожена столь откровенной демонстрацией ненависти и призывами к мщению.

До Дворца правосудия Мириам добралась на метро, и приехала заранее. Она выкурила сигарету, придерживая кончиками пальцев красную тесемку, которой была перевязана пухлая папка с делом. Она уже больше месяца помогала Паскалю готовиться к этому процессу. Подсудимый, молодой парень двадцати четырех лет, обвинялся в том, что, горя жаждой мести, вместе с еще тремя сообщниками напал на двух шриланкийцев. Находясь под воздействием алкоголя и кокаина, они избили двух мужчин, не имевших документов и нелегально работавших поварами. Они били их, пока один из потерпевших не скончался на месте; только тогда до них вдруг дошло, что они ошиблись, приняв одного «черного» за другого. Почему так произошло, они объяснить не могли. Отрицать свое участие в драке они тоже не могли – запись с видеокамеры выдавала их с головой.

Во время первой встречи с адвокатами парень рассказал им историю своей жизни, щедро сдобренную враньем и очевидными преувеличениями. Ему грозило пожизненное, а он еще пытался заигрывать с Мириам. Она, со своей стороны, старалась «держаться дистанцию». Это было любимое выражение Паскаля, считавшего, что от этого умения зависит успех дела. Она методично, с опорой на доказательства, отделяла правду от вранья. Учительским голосом, подбирая простые и точные слова, она объясняла ему, что ложь – это плохая тактика защиты, а поскольку терять ему нечего, лучше говорить все как есть.

Для суда она купила парню новую рубашку и посоветовала ему оставить свои сальные шуточки и кривую ухмылку, которая придавала ему вид фанфарона. «Мы должны доказать, что вы тоже являетесь жертвой».

Мириам удалось сосредоточиться на работе, и это помогло ей забыть про кошмарную ночь. Она вызвала двух экспертов и теперь задавала им вопросы, касающиеся психологического портрета ее клиента. Затем выступил второй потерпевший – он давал показания через переводчика. Это был вымученный рассказ, но атмосфера в зале ощутимо наэлектризовалась. Обвиняемый сидел опустив глаза, с бесстрастным лицом.

Пока присяжные совещались, Паскаль говорил по телефону, Мириам сидела в коридоре и смотрела перед собой пустым взглядом. Ее охватила паника. Она слишком высокомерно восприняла историю с долгами. Из деликатности или по небрежности, но она не обратила должного внимания на письмо из казначейства. Надо было забрать у Луизы документы. Она десятки раз просила Луизу их принести, но та неизменно отвечала, что забыла их дома, но завтра обязательно принесет, честное слово. Мириам попыталась разузнать подробности этого дела. Она расспрашивала ее о Жаке, о долгах, которые, очевидно, копились годами. Интересовалась, знала ли Стефани о ее затруднениях. Но на все вопросы, которые она задавала проникновенным и мягким голосом, Луиза отвечала гробовым молчанием. Она стесняется, решила Мириам. По-своему проводит границу между разделяющими их мирами. В конце концов Мириам отказалась от идеи помочь Луизе. У нее возникло ужасное ощущение, что своим любопытством она наносит удар за ударом по хрупкому телу Луизы, которое в последние дни, казалось, еще больше скукожилось, истончилось, усохло. В полумраке коридора, посреди гула чужих разговоров, Мириам почувствовала себя без сил; на нее вдруг навалилась невыносимая усталость.

Утром Поль ей перезвонил. Он был ласков и говорил примирительным тоном. Извинялся, что так глупо повел себя накануне и не воспринял ее рассказ серьезно. «Мы все сделаем так, как ты хочешь, – повторял он. – Разумеется, после подобной выходки мы не можем ее оставить. – Чуть подумав, он добавил: – Давай подождем до лета. Съездим в отпуск, а по возвращении скажем, что больше не нуждаемся в ее услугах».

Мириам отвечала ему голосом, лишенным всякого выражения. Она помнила, с какой радостью дети встретили няню после нескольких дней ее отсутствия из-за болезни. Помнила печальный взгляд Луизы, ее непроницаемое лицо. У нее в ушах до сих пор звучали ее сбивчивые и немного нелепые извинения: няня стыдилась, что уклонилась от исполнения своих обязанностей. «Этого больше не повторится, – твердила она. – Даю вам слово».

Конечно, достаточно принять решение и положить конец этой истории. Но у Луизы есть ключи от их квартиры, она все о них знает, она так глубоко проникла в их жизнь, что ее просто так не выставишь. Они выгонят ее, но она вернется. Они скажут ей «прощай», а она будет колотить им в дверь и все равно прорвется, изрыгая угрозы, как покинутый любовник.

Стефани

Стефани повезло. Когда она перешла в среднюю школу, мадам Перрен, тогдашняя хозяйка Луизы, предложила записать девочку в парижский лицей, гораздо более престижный, чем ближайший к их дому коллеж в Бобиньи. Она хотела по заслугам вознаградить Луизу за все ее труды.

Но Стефани не оценила ее благородства. Не успела она отучиться в третьем классе^[2] и пары недель, как начались неприятности. Она нарушала дисциплину. На уроках смеялась в кулак, бросалась книгами, грубила учителям. Одноклассники считали ее прикольной, но не любили. Дневник с оценками, замечаниями и приглашениями матери к директору она от Луизы прятала. Прогуливала уроки. Днем валялась на скамейке какого-нибудь сквера в Пятнадцатом округе и курила очередной косяк.

Как-то вечером мадам Перрен вызвала няню, чтобы выразить ей свое глубочайшее разочарование. Она чувствовала себя обманутой. Из-за Луизы ей пришлось испытать жгучий стыд. Она опозорилась перед директором – а ведь ей стоило большого труда уговорить его принять Стефани. Через неделю девочка должна явиться на заседание дисциплинарной комиссии. Вместе с Луизой.

– Считайте, что ее будут судить, – холодно добавила хозяйка. – Ваше дело – ее защищать.

* * *

Ровно в 15:00 Луиза с дочерью вошли в зал. Это была круглая, плохо отапливаемая комната с большими окнами-витражами зеленого и голубого цвета, как в церкви. За широким деревянным столом сидели учителя, советники и представители родительского комитета – всего человек десять. Они выступали по очереди.

– Стефани ведет себя неадекватно. Дерзит, никого не слушает...

– Девочка она неплохая, – добавил кто-то. – Но когда на нее находит, ее не уймешь.

Члены комиссии удивлялись, что Луиза не реагировала на тревожные сигналы. Она ни разу не пришла побеседовать с учителями. Ей звонили на мобильный и даже оставляли сообщения, но она ни разу не перезвонила.

Луиза умоляла дать ее дочери еще один шанс. Плача, она рассказала,

что посвящает все свое время уходу за детьми и наказывает их, если они не слушаются. Что она не разрешает им делать уроки при включенном телевизоре. Луиза говорила, что у нее свои принципы и большой опыт в воспитании детей. Мадам Перрен предупреждала ее не зря: все это действительно напоминало судилище. Судили ее. Плохую мать.

Люди, сидевшие в пальто за огромным деревянным столом в холодном зале, качали головой и повторяли: «Мадам, мы не сомневаемся в ваших благих намерениях. Мы уверены, что вы делаете все, что в ваших силах».

Учительница французского, миниатюрная изящная дама, спросила:

– Сколько у Стефани братьев и сестер?

– Ни одного, – отвечала Луиза.

– Но вы ведь говорили о многих детях?

– Да, о детях, с которыми я сижу. Я за ними приглядываю. И можете мне поверить, моя хозяйка очень довольна тем, как я воспитываю ее детей.

Их попросили подождать за дверью, пока они будут совещаться. Луиза поднялась и послала членам комиссии улыбку, казавшуюся ей воплощением светскости. В коридоре, глядя в окно на баскетбольную площадку, Стефани продолжала глупо хихикать. Слишком полная и слишком высокая, с завязанным на макушке хвостом она выглядела комично. На ней были короткие пестрые шорты, делавшие ее задницу необъятной. Торжественная атмосфера заседания ничуть ее не испугала, только нагнала на нее скуку. Она ни капли не боялась, напротив, ухмылялась, как будто все эти училки в старомодных мохеровых свитерах и бабушкиных косынках были бездарными артистками и разыгрывали перед ней нудную пьесу.

Стоило Стефани покинуть зал, как к ней вернулось хорошее настроение и привычная бравада неисправимой двоечницы. Она хватала за руки ребят, выходявших из класса, подскакивала к ним, а одной застенчивой девочке прошептала что-то на ухо, отчего та, не сдержавшись, фыркнула. Луизе хотелось влепить ей пощечину, задать ей хорошую трепку. Должна же она наконец понять, каких унижений, каких жертв ей стоило растить такую дочь, как она. Нюхнула бы она, чем пахнет материнский пот! Ей хотелось передать Стефани свои страхи, вырвать ее из состояния идиотской беззаботности. Обратить в труху все, что еще оставалось от ее детства.

В шумном коридоре Луиза еле сдерживалась, чтобы не показать, как ее трясет. Она только прикрикивала на Стефани, требуя, чтобы та замолчала, и все крепче сжимала пальцами пухлое запястье дочери.

– Вы можете войти.

Классный руководитель просунул голову в дверь и пригласил их вернуться в зал. Они совещались не больше десяти минут, но Луиза не догадалась, что это дурной знак.

Мать с дочерью вошли, и он сразу взял слово. Стефани, объяснил он, дурно влияет на весь класс, и им не удастся с ней справиться. Они приложили все старания, перепробовали все педагогические методы, но не добились успеха. Они исчерпали все свои возможности. Чувство ответственности не позволяет им превращать в заложников весь класс. «Не исключено, – заключил он, – что для Стефани будет лучше, если она перейдет учиться в другую школу, в своем районе, в более привычном для нее окружении, в понятной системе координат. Вы понимаете?»

На дворе стоял март, но зима не желала отступить. Казалось, холод будет длиться вечно. «Если вам требуется помощь для решения организационных вопросов, этим займутся специальные сотрудники», – добавила консультант по профориентации. Луиза ничего не понимала. Стефани отчислили.

В автобусе по дороге домой Луиза молчала. Стефани сидела в наушниках и ухмылялась, глядя в окно. Серой улицей они шли к дому Жака. Проходя мимо рынка, Стефани задержалась, рассматривая заполненные прилавки. Луизу охватила ненависть к дочери, к ее беспечности и подростковому эгоизму. Она схватила ее за рукав и с невероятной силой и грубостью потащила за собой. Ее душил черный-пречерный гнев, выжигая внутренности. Ей хотелось вонзиться ногтями в рыхлую плоть дочери.

Она толкнула калитку и, едва заперев за собой дверь, набросилась на Стефани с кулаками. Сначала она била ее по спине, лупила что было сил, и Стефани упала на пол, съежилась и закричала. Луиза продолжала ее бить. В ее хрупком теле проснулась неведомая мощь, и она хлестала дочь по щекам, драла за волосы, отрывая от головы ее руки, которыми та пыталась защититься. Она наотмашь ударила ее по глазам, обозвала последними словами и расцарапала до крови. Когда Стефани перестала двигаться, Луиза плюнула ей в лицо.

Жак с улицы услышал шум и подошел к окну. Он видел, как Луиза учит дочь уму-разуму, но не стал вмешиваться.

* * *

В доме поселились умолчания и недосказанности, делая атмосферу

невыносимой. Мириам держалась с Луизой подчеркнуто отстраненно, хоть и старалась не показывать этого детям. Она разговаривала с ней сквозь зубы, сводя все их общение к четким инструкциям. Она следовала совету Поля, который настойчиво повторял: «Она нам не друг, а нанятый работник».

Женщины больше не пили вместе чай, Мириам – за обеденным столом, Луиза – прислонившись спиной к кухонному. Мириам больше не нахваливала няню: «Луиза – вы просто ангел»; «Луиза, второй такой, как вы, нет на свете». Она больше не предлагала ей прикончить в воскресенье вечером бутылочку розового, дремавшую в глубине холодильника. «Дети смотрят кино, так почему бы нам не позволить себе маленькое удовольствие?» – раньше говорила она. Теперь, стоило одной зайти в комнату, вторая тут же из нее выходила. Они все реже оставались наедине, выделявая сложные па, лишь бы избежать присутствия друг друга.

Наступила весна – бурная, долгожданная. Дни становились длиннее, на деревьях распускались первые почки. Теплая погода ломала зимние привычки и гнала Луизу с детьми на улицу, в парк. Однажды вечером она попросила Мириам отпустить ее пораньше. «У меня свидание», – взволнованно сообщила она.

Они встретились с Эрве неподалеку от его работы и пошли в кино. Эрве предпочел бы выпить по стаканчику на террасе кафе, но Луиза настояла на кино. Впрочем, фильм ему понравился, и на следующей неделе они снова на него пошли. В кинозале Эрве тихонечко дремал, приткнувшись к Луизе.

В конце концов она согласилась сходить с ним в паб на Больших бульварах. Эрве – счастливый человек, думала она. Он с улыбкой говорил о своих планах. Предлагал ей вместе поехать в отпуск в Вогезы. Они будут купаться голышом в озере и ночевать в горном шале одного его знакомого. Будут слушать музыку. Он привезет свою коллекцию пластинок – он не сомневался, что очень скоро она не сможет без них жить. Эрве собирался на пенсию, но не представлял себе, что будет наслаждаться заслуженным отдыхом в одиночку. Он развелся пятнадцать лет назад. Детей у него не было, и одиночество его тяготило.

Эрве использовал все известные приемы, но однажды вечером все же уговорил Луизу зайти к нему. Он ждал ее в кафе «Паради», напротив дома Массе. Они вместе спустились в метро, и Эрве положил свою красную руку ей на колено. Она слушала его, не сводя глаз с этой мужской руки, устроившейся у нее на колене с явным намерением заполучить нечто большее. С его притворно робкой руки.

Они неуклюже занялись любовью, он был сверху, и иногда они сталкивались подбородками. Лежа на ней, Эрве кряхтел, но Луиза не понимала – от удовольствия или от боли в суставах, и ничем не могла ему помочь. Эрве был такой маленький, что она чувствовала, как его лодыжки трутся о ее. У него были плотные лодыжки и волосатые ноги, и их прикосновения казались ей еще более непристойными и назойливыми, чем входящий в нее член. Жак был крупный мужчина, он занимался любовью с яростью, словно хотел ее наказать. После секса на Эрве снизошло умиротворение, словно он сбросил с плеч тяжкий груз. Он стал ей как будто ближе.

* * *

Именно там, в постели Эрве, в муниципальной квартире района Порт-Сент-Уэн, рядом со спящим мужчиной, Луиза подумала о ребенке. О крохотном новорожденном младенце, окутанном теплым запахом начавшейся жизни. О малыше, обреченном на любовь, которого она одевала бы в ползунки пастельных тонов и передавала с рук на руки Мириам, а потом Полю. Этот грудничок смог бы снова их сблизить, связать нерушимыми узами нежности. С его появлением исчезнут все недоразумения и раздоры, он наполнит смыслом рутину повседневности. Она часами качала бы малютку на коленях в маленькой комнатке, в тусклом свете ночника, который медленно кружился бы, показывая корабли и острова. Она гладила бы его по теплой головке и осторожно просовывала свой тонкий палец ему в ротик. А он тут же прекращал бы плакать, только посасывал своими припухшими деснами ее наманикюренный ноготь.

* * *

На следующий день она застилала постель хозяев старательнее, чем обычно. Она провела рукой по простыни, нащупывая следы их любви, следы будущего ребенка, который – теперь она в этом не сомневалась – обязательно появится. Она спрашивала у Милы, кого ей больше хочется: братика или сестричку.

– Представляешь, у нас будет малыш, и мы с тобой будем о нем заботиться!

Луиза надеялась, что Мила поговорит об этом с матерью, внушит ей

эту мысль, и та постепенно проникнет в ее сознание и прочно в нем угнездится. И вот однажды девочка под восторженным взглядом Луизы в самом деле спросила Мириам, есть ли у нее в животе малыш.

– Ну уж нет, я лучше умру! – со смехом ответила Мириам.

Луизе это совсем не понравилось. Она не понимала, как Мириам могла столь легкомысленно смеяться по столь серьезному поводу. Если только она не боится сглаза... Ну конечно, она изображает равнодушие, хотя сама думает об этом не меньше Луизы. В сентябре Адам пойдет в детский сад, дом опустеет, и Луизе будет нечего делать. Срочно нужен новый ребенок, который заполнит своим существованием долгие зимние дни.

Луиза подслушивала их разговоры. Квартира была небольшая, и ей не пришлось даже особенно стараться, но в конце концов она все узнала. Правда, в последнее время Мириам стала скрытничать. Разговаривая по телефону, она уходила в другую комнату и закрывала за собой дверь. Она взяла привычку шептать что-то Полю на ухо, положив голову ему на плечо. У них появились секреты.

Луиза рассказала Вафе, что скоро у них будет малыш. Она так рада, говорила она, хотя работы у нее прибавится.

– С тремя детьми им без меня не обойтись!

Временами ее охватывала эйфория. Она смутно предчувствовала, что вскоре границы ее существования раздвинутся, она выйдет на новый простор, изведает более чистую любовь. Она станет жить с аппетитом. Она думала о приближающемся лете и о семейном отдыхе. Вспоминала запахи свежескопанной земли, гниющие косточки оливок на обочине. Изогнутые кроны плодовых деревьев в ясном свете луны. Все опять станет просто, и не надо будет ни от кого таиться, ничего прятать и скрывать.

Она занялась ужином. В последнее время ее стряпня стала почти несъедобной. Для Мириам она готовила рисовую кашу с корицей, сильно перченые супы и прочие блюда, которые, по поверьям, увеличивают плодovitость. Украдкой она хищным взглядом осматривала тело молодой женщины и подмечала бледность лица, набухшую грудь, потускневшие волосы – по ее мнению, явные признаки беременности.

Белье она стирала с благоговением, словно жрица или колдунья культа вуду. Стиральную машину, как обычно, загружала она. Из кипы белья она извлекала трусы Поля. Нижнее белье она предпочитала стирать вручную. Трусы и бюстгалтеры Мириам – кружевные или шелковые – она стирала в раковине на кухне, исключительно холодной водой. Бормоча себе под нос молитвы.

Но ее ждали сплошные разочарования. Ей даже не требовалось

копаться в мусорном ведре, она и так все видела. Видела пятно на пижамных штанах Мириам, подобранных с пола, с ее стороны кровати. Видела крохотную капельку крови на полу в ванной. Такую крохотную, что Мириам ее не вытерла, и она засохла на бело-зеленой плитке.

Кровь появлялась каждый месяц. Луиза узнавала ее запах. Мириам была не в состоянии скрыть от нее эту кровь, которая означала смерть очередного ребенка.

* * *

На смену эйфории пришла депрессия. Луизе казалось, что мир сжался, уплотнился и всем своим непомерным грузом повис у нее на плечах. Поль и Мириам закрывали у нее перед носом дверь, которую ей хотелось вышибить. Она мечтала об одном: войти в их мир, найти в нем свое место, пристроиться там, вырыть себе норку, обрести уютный уголок. Порой она чувствовала себя готовой постоять за свой клочок земли, но потом ее порыв угасал и она отдавалась во власть печали и стыда, не понимая, как она вообще могла поверить в нечто подобное.

В четверг вечером, около восьми часов, Луиза вернулась к себе. В коридоре ее поджидал домовладелец. Он стоял в коридоре, под перегоревшей лампочкой.

– А, вот и вы!

Бертран Ализар чуть ли не набросился на нее. Он сунул свой мобильный телефон прямо ей в лицо, и ей пришлось закрыть глаза руками.

– Я вас ждал. Я приходил к вам несколько раз, и вечером, и днем. Но вас никогда не бывает дома.

Он говорил сладеньким голоском, грудью придвигаясь к Луизе, как будто хотел притиснуться к ней, взять за руку и начать шептать ей что-то в ушко. Он смотрел на нее своими гноящимися, лишенными ресниц глазами, которые протер, сняв висевшие на шнурке очки.

Она открыла дверь квартиры и впустила его. На Бертроне Ализаре были слишком широкие бежевые брюки, и, взглянув на него сзади, Луиза заметила, что на поясе у него не хватает двух петель, отчего ремень сполз с талии и штаны провисли в заднице. Он походил на сутулого хилого старика, укравшего одежду у великана. Все в нем казалось безобидным – и плешивая голова, и дряблые щеки в веснушках, и трясущиеся плечи – все, кроме огромных сухих рук с толстыми, как окаменелости, ногтями; это были руки мясника, и он постоянно потирал их, согреваясь.

Он вошел в квартиру молча, продвигаясь шаг за шагом, словно попал сюда впервые. Осмотрел стены, провел пальцем по идеально чистым плитусам. Он все ощупал своими заскорузлыми пальцами, погладил спинку дивана, провел ладонью по кухонному столу. Квартира производила впечатление пустой, нежилой. Ему хотелось сделать Луизе пару замечаний: мало того что вечно запаздываете с оплатой, так еще и свинарник тут развели. Но квартира пребывала в том же точно состоянии, какой была в тот день, когда он показывал ее Луизе.

Он стоял, опираясь рукой о спинку стула, и смотрел на Луизу. Он смотрел на нее своими желтыми подслеповатыми глазами, которые не собирался опускать. Он ждал, что она скажет. Ждал, что сейчас она полезет в сумку за деньгами, которые ему задолжала. Ждал, что она сделает первый шаг, извинится, что не отвечала на его письма и сообщения. Но Луиза молчала. Она стояла спиной к входной двери, похожая на пугливую собачонку, готовую каждого, кому взбредет в голову ее погладить, больно укусить.

– Вы, я вижу, уже начали собирать вещи. Что ж, прекрасно. – Ализар ткнул толстым пальцем в коробки в прихожей. – Новый жилец заселится через месяц.

Он сделал несколько шагов и приоткрыл створку душевой кабины. Фаянсовый поддон провалился вниз – доски пола под ним совсем прогнили.

– Это что еще такое?!

Хозяин присел на корточки, что-то бормоча. Он снял пиджак, положил его на пол и нацепил очки. Луиза стояла сзади.

Ализар обернулся и громко повторил:

– Что это такое, я вас спрашиваю? Луиза вздрогнула.

– Не знаю. Это случилось несколько дней назад. Кабина старая.

– Ничего подобного! Я сам ее устанавливал. Вам повезло! Раньше жильцы мылись в общем душе в коридоре. Я один оборудовал все удобства в квартире.

– Но она провалилась.

– Из-за небрежного обращения, ясное дело. Надеюсь, вы не думаете, что я буду делать ремонт за свой счет из-за того, что вы сломали душевую кабину?

Луиза смотрела на него в упор. Месяц Ализар понятия не имел, что означает этот твердый взгляд и это гробовое молчание.

– Почему вы мне не позвонили? Сколько дней вы с этим живете? – Он снова присел на корточки, лоб у него покрылся испариной.

Луиза не сказала ему, что для нее эта квартира – временное пристанище, чужой угол, где она зализывает раны. А живет она совсем в другом месте. Каждый день она принимала душ в квартире Массе. Она раздевалась в их спальне, аккуратно складывая свою одежду на их супружеском ложе. Потом, обнаженная, она шествовала через гостиную в ванную. Шла мимо Адама, который сидел на полу. Она смотрела на лопочущего что-то свое ребенка и знала, что он не выдаст ее тайну. Он никому не расскажет, какое у нее тело – белое, как у статуи, с перламутровыми грудями, видевшими слишком мало солнца.

Дверь в ванную она не закрывала, чтобы видеть мальчика. Пускала воду и долго-долго стояла под горячей струей. Обычно она не спешила одеваться. Погружала пальцы в баночки с кремом, которых у Мириам десятки, и намазывала себе икры, ягодицы, руки. Она выходила из ванны босиком, завернувшись в белое полотенце. Это полотенце она тщательно прятала в шкафу под стопкой других. Это было ее личное полотенце.

* * *

– Значит, вы обнаружили поломку и даже не попытались починить душ? Вы что, предпочитаете жить, как цыганка?

Эту квартирку в пригороде он не продавал из чисто сентиментальных соображений. Сидя перед душевой кабиной, Ализар старательно изображал негодование: нарочито громко вздыхал, прикладывая руку ко лбу. Потрогав кончиками пальцев черную слизь между досками, он сокрушенно покачал головой с таким видом, будто он один был способен оценить размер катастрофы. Наконец он озвучил примерную стоимость ремонта:

– Это обойдется в восемьсот евро.

Как минимум. Призвав на помощь все свои познания в области сантехники, он пошел сыпать специальными словечками. По его словам, на ремонт понадобится не меньше двух недель. Ему надо было произвести впечатление на эту белобрысую пигалицу, которая как воды в рот набрала.

«Пусть простится со своим залогом», – подумал он. В самом начале он настоял, чтобы она внесла плату за два месяца в качестве гарантии. «Грустно сознавать, – сказал он тогда, – но в наше время никому нельзя верить». Сколько он сдавал жилье, месье Ализар никогда не возвращал арендаторам залог. Он всегда находил к чему придраться: вот тут вы поломали, тут испачкали, тут поцарапали...

Ализар всегда отличался деловой хваткой. Он тридцать лет проработал

дальнобойщиком – водил фуры между Францией и Польшей. Спал в машине, питался кое-как, не поддавался никаким соблазнам. Он обманывал работодателей и охрану труда, соглашался на любые переработки, а утешением ему служила арифметика: он подсчитывал, сколько денег сэкономил на том и на этом, и гордился собой, готовым на такие жертвы ради будущего благополучия.

Год за годом он методично скупал квартиры-студии в пригороде, делал в них ремонт, а потом сдавал по заоблачным ценам людям, попавшим в безвыходное положение. В конце каждого месяца он совершал обход своих владений, собирая положенный оброк. Обычно он просто просовывал голову в приоткрытую дверь, но иногда заходил внутрь, чтобы «хоть одним глазком взглянуть на обстановку» и «удостовериться, что все в порядке». Он задавал жильцам нескромные вопросы, на которые те сквозь зубы отвечали, молясь про себя, чтобы он поскорее убрался и перестал шастать по их кухне, суя нос в каждый шкафчик. Но избавиться от него было не так легко. В конце концов ему предлагали выпить, он соглашался и долго сидел над стаканом, жалуясь на боли в спине – «тридцать лет за баранкой, это вам не шутки». Ему хотелось поболтать.

Он предпочитал сдавать жилье женщинам: они аккуратнее и реже устраивают скандалы. Особенно он привечал студенток, матерей-одиночек и разведеннок. Только не старух! Эти въезжают, а потом не платят, и ничего с ними не сделаешь – закон на их стороне. Так у него и появилась Луиза – со своей печальной улыбкой, белокурыми волосами и потерянном взглядом. Ее рекомендовала прежняя жиличка Ализара, медсестра из больницы Анри-Мондор, которая всегда вовремя вносила арендную плату.

Проклятая сентиментальность! У этой Луизы на всем свете не было ни души. Бездетная, мужа схоронила. Она стояла перед ним с пачкой денег в руке, в блузке с круглым отложным воротничком, и он подумал, что она хорошенькая. Она смотрела на него полным благодарности взглядом. «Я очень долго болела», – прошептала она, и его охватило жгучее желание забросать ее вопросами, узнать, что она делала после смерти мужа, откуда она приехала, чем именно болела. Но не успел он открыть рот, как она добавила:

– Я только что нашла работу, в Париже, в очень хорошей семье.

На этом их разговор завершился.

Сейчас Бертрану Ализару не терпелось избавиться от этой молчаливой и неряшливой жилички. Больше он не даст себя обмануть. Ему осточертели ее извинения, ее обтекаемые ответы, вечные задержки с оплатой. Почему-то при виде Луизы у него по спине пробегал холодок. Что-то в ней вызывало у него отвращение: то ли эта загадочная улыбка, то ли слишком яркий макияж, то ли ее манера смотреть на него сверху вниз, не разжимая губ. Она ни разу не ответила ни на одну его улыбку. Ни разу не заметила, что на нем новый пиджак или что он причесал свою редкую рыжую шевелюру с новым пробором.

Ализар подошел к раковине, вымыл руки и заявил:

– Я приду через неделю, принесу материал для ремонта и приведу рабочего. Попрошу вас к этому времени собрать свои вещички.

* * *

Луиза водила детей гулять. Они долгие часы проводили в парке, где деревья были аккуратно подстрижены, а на зеленеющих лужайках валялись студенты. Вокруг качелей собиралась детвора, радуясь встрече, даже если большинство были между собой незнакомы. Они с восторгом обступали девочку с новой, только что подаренной игрушкой – коляской, в которую она усадила свою куклу.

Луиза за все это время обзавелась всего одной подругой. Кроме Вафы она не разговаривала ни с кем. Вежливая улыбка, легкий взмах руки – вот и все, что она себе позволяла. Когда она только появилась в сквере, остальные няньки отнеслись к ней настороженно. Луиза походила на дуэнью, или экономку, или гувернантку-англичанку. Остальные женщины находили ее высокомерной и считали, что она корчит из себя гранд-даму. Действительно, она брала на себя смелость поучать их, если, например, замечала, что какая-нибудь из ее коллег, переходя улицу, не отрывает от уха телефона – вместо того, чтобы держать за руку ребенка. Случалось даже, что она ругала чужих детей, которые, пользуясь невнимательностью няньки, отнимали у других игрушки или лезли на горку с риском сломать себе шею.

Шли месяцы, и няни, проводившие на этих скамейках несчетные часы, волей-неволей перезнакомились, как знакомятся сотрудники любого учреждения – если не считать, что их «офис» располагался под открытым небом. Они встречались каждый день – после детского сада, в супермаркете, в приемной у детского врача или у карусели на площади.

Луиза запомнила, как некоторых зовут и откуда они приехали. Она знала, кто в каком доме работает, чем зарабатывают на жизнь их хозяева. Сидя под начавшим распускаться кустом шиповника, Луиза слушала бесконечные телефонные разговоры, которые вели эти женщины, одновременно грызя шоколадное печенье.

Вокруг горки и песочницы звучали слова на бауле и дьюла, на арабском и хинди, ласковые прозвища на филиппинском и на русском. Языки всех народов мира смешивались в этом детском вавилоне, и дети приносили их крупицы домой, к полному восторгу родителей, требовавших повторять их снова и снова. «Он говорит по-арабски, серьезно, ты только послушай!» Пройдет несколько лет, и дети забудут не только эти словечки, но даже лицо и голос няни, и вскоре уже никто в семье не сможет вспомнить, как будет «мама» на лингала или как называлось то экзотическое блюдо, которое она им готовила. «Как, она говорила, называется то мясное рагу, не помнишь?»

Вокруг детей, похожих друг на друга, часто одетых в одинаковые комбинезоны, купленные в одной и той же лавке, так что матери на всякий случай писали на ярлычках их имена, постоянно вился рой самых разных женщин. Здесь были девушки, укутанные в черное, которым приходилось быть еще более внимательными, терпеливыми и аккуратными, чем остальным. Были женщины, каждую неделю менявшие парики. Были филиппинки, по-английски просившие детей не прыгать по лужам. Были «ветеранши», проработавшие в районе много лет и общавшиеся на «ты» с директрисой детского сада – порой встречая на улице подростков, с которыми когда-то сидели, они убеждали себя, что бывшие питомцы их, конечно же, узнали, а не поздоровались исключительно из-за стеснительности. Время от времени здесь появлялись новенькие, но через пару месяцев исчезали, ни с кем не попрощавшись и оставив за собой шлейф слухов и подозрений.

О Луизе остальные няни почти ничего не знали. Даже Вафа, вроде бы сошедшаяся с ней ближе других, мало что могла поведать о жизни своей подруги. Они пытались ее расспрашивать. Белая няня разжигала их любопытство. Да и другие родители приводили ее в пример, расхваливали ее кулинарный талант и безотказность и подчеркивали, что Мириам ей полностью доверяет. Они недоумевали, откуда она взялась, эта женщина, на вид такая слабая, но настолько совершенная. У кого она работала раньше? В каком районе Парижа? Она замужем? А дети у нее есть? А хозяева хорошо к ней относятся?

Луиза не отвечала или отвечала односложно, и другие няни понимали

ее молчание. У каждой из них имелись свои секреты. Каждая хранила горькие воспоминания об унижениях, обидах и обманах. Каждая помнила о еле слышных голосах в телефонной трубке и прерванных разговорах, о родственниках, умерших на далекой родине, о деньгах, которые приходится выпрашивать на лечение ребенку, хотя он тебя уже не узнает и забыл твой голос. Некоторые из этих женщин, Луиза знала, подворовывали по мелочи, ничего серьезного, словно брали мзду с чужого счастья. Некоторые скрывали свое настоящее имя. Никто из них не сердился на Луизу за молчание. Но ей не доверяли.

Здесь, в парке, никто о себе особенно не распространялся, разве что намеками. Кому охота попусту плакать? Для болтовни вполне хватало хозяев. Няни высмеивали их причуды, их привычки, их образ жизни. Хозяева Вафы отличались редкой скупостью, хозяева Альбы – крайней подозрительностью. Мать маленького Жюля выпивала. Большинство родителей, жаловались няньки друг другу, слишком потекают детям, которых мало видят и потому балуют. Розалия, филиппинка с очень темной кожей, курила одну сигарету за другой. «Вчера я столкнулась на улице с хозяйкой. Я знаю, она за мной шпионит».

Пока дети бегали по гравийным дорожкам и играли в песочнице, в которой по инициативе мэрии недавно провели дезинфекцию от крыс, няни собирались в кружок. Эти встречи заменяли им и контору по найму, и профсоюз, и бюро жалоб, и информационный центр. Они делились предложениями о работе, рассказывали о стычках с работодателями. Чаще других все жаловались Лидии, их неформальному лидеру. Это была крупная пятидесятилетняя женщина родом из Кот-д'Ивуара, щеголявшая в шубе из искусственного меха и красным карандашом рисовавшая себе тоненькие брови.

Часам к шести вечера в парк начинали стекаться компании молодежи. Няни их узнавали. Это были ребята с улицы Дюнкерк и Северного вокзала. Они устраивали драки, мочились в клумбы и задирали прохожих. Видя их приближение, няни в панике хватали свои лежащие на скамейках пальто, стряхивали песок с детских лопаток, вешали сумки на ручку коляски и спешили вон из парка.

Возле решетки ворот они расставались. Одни направлялись к Монмартру или Нотр-Дам-де-Лоретт, другие, в том числе Луиза и Лидия, шли к Большим бульварам. Они шагали рядом. Луиза держала Милу и Адама за руки. Когда тротуар слишком сужался, Луиза пропускала Лидию, толкавшую коляску со спящим младенцем, вперед.

– Вчера разговаривала с одной беременной женщиной. В августе она

ждет близнецов, – сказала Лидия.

Они хорошо знали, что некоторые особенно предусмотрительные и ответственные мамы заглядывали в парк в поисках будущей няни – так когда-то парижане ходили в доки, если надо было нанять грузчика, или в рабочие кварталы, если требовалась служанка. Мамаши бродили между скамейками, разглядывали нянек, внимательно наблюдали: с каким лицом ребенок подбегает к своей няньке, как та вытирает ему нос – грубо или ласково, утешает, если он упал, или нет. Иногда они задавали разные вопросы. Вели расследование.

– Она живет на улице Мартир, рождает в конце августа. Ищет няню. Вот я и подумала о тебе, – заключила Лидия.

Луиза подняла на нее свои кукольные глазщи. Голос Лидии звучал для нее словно издали, отдаваясь в голове гулким эхом, но смысл ее слов от нее ускользал, они сливались в неразличимый плотный шум. Она наклонилась, взяла Адама на руки и поймала Милу за подмышку. Лидия повторила сказанное громче, решив, что Луиза ее не расслышала, целиком поглощенная детьми.

– Так что ты думаешь? Дать ей твой номер телефона?

Луиза не ответила. Она сорвалась с места и резко рванула вперед. Свернув у Лидии прямо перед носом, она даже не заметила, что перевернула коляску, и внезапно разбуженный ребенок заплакал.

– Ты что, рехнулась? – крикнула Лидия. Из коляски выпала сумка с покупками, пакеты и свертки шлепнулись прямо в грязную лужу. Но Луиза была уже далеко. Лидию обступила небольшая толпа. Прохожие протягивали ей подобранные мандарины, кто-то отнес в мусорный бак промокший багет. Все волновались за ребенка, который, к счастью, не пострадал.

Впоследствии Лидия будет снова и снова рассказывать об этом невероятном происшествии, в конце убежденно добавляя:

– Нет, это вышло не случайно. Она нарочно опрокинула коляску. Нарочно!

* * *

Мысли о будущем младенце стали у Луизы наваждением. Она ни о чем больше не могла думать. Ребенок, которого она была готова полюбить до безумия, решил бы все ее проблемы. Стоит ему появиться, и эти мегеры в парке тут же заткнутся, а страшный домовладелец от нее отвяжется.

Ребенок гарантирует Луизе место в его королевстве. Она внушила себе, что у Поля и Мириам просто нет времени заняться собой. Что главное препятствие к рождению еще одного ребенка – это Мила и Адам. Из-за них родителям не удастся побыть вдвоем. Их изводят детские капризы. Адам, просыпаясь по ночам, прерывает их близость. Не будь этих маленьких тиранов, постоянно требующих к себе внимания, Поль и Мириам не бездельничали бы и наконец сделали Луизе ребенка. Она мечтала об этом ребенке с фанатичной яростью, ослепленная своей одержимостью. Она желала его, как никогда ничего не желала прежде, желала до дурноты, и была готова придушить, спалить, уничтожить любого, кто помешает ей осуществить это желание.

Однажды вечером Луиза ждала Мириам с особенным нетерпением. Не успела та открыть дверь, Луиза прямо-таки бросилась на нее. Глаза у нее сияли. За руку она держала Милу, и вид у нее был решительный и сосредоточенный. Казалось, еще чуть-чуть, и она с радостным воплем пустится в пляс. Она предвкушала этот момент целый день. Она разработала идеальный, на ее взгляд, план; оставалось убедить Мириам.

– Я хочу повести детей на ужин в ресторан. А вы сможете спокойно поужинать дома с мужем.

Мириам бросила сумку в кресло. Луиза проследила за ней глазами и приблизилась почти вплотную, так, что до Мириам доносилось ее дыхание, мешая ей сообразить, что к чему. В ту минуту Луиза напоминала маленькую девочку, в нетерпеливом возбуждении притаптывающую на месте и без слов, одним взглядом вопрошающую: «Можно, можно?»

– Право, не знаю. Мы же не договаривались. Как-нибудь в другой раз.

Мириам сняла пиджак и направилась в спальню, но ее удержала Мила. Сообщница няни появилась на сцене, чтобы произнести медовым голоском:

– Мамочка, ну пожалуйста! Мы хотим пойти с Луизой в ресторан!

В конце концов Мириам сдалась. Она потянулась к сумке за деньгами, но Луиза ее остановила:

– Не надо, прошу вас. Сегодня я их угощаю.

В кармане у Луизы лежала купюра, которую она время от времени поглаживала кончиками пальцев. Они отправились в ресторан. Она заранее выбрала это скромное бистро, в основном посещаемое студентами, любителями пива за три евро. Но в тот вечер зал был почти пуст. Хозяин, китаец, сидел за стойкой, освещенной неоновыми огнями. На нем была красная рубашка с ярким рисунком. Он разговаривал с женщиной, которая не спеша потягивала пиво. На ее толстых щиколотках виднелись

закатанные носки. На террасе курили двое мужчин.

Луиза втокнула Милу внутрь. В зале отчетливо воняло застарелым табачным дымом, жирным рагу и потом, отчего девочку замутило. Она была разочарована. Сев за стол, она оглядела пустой зал, грязные полки с бутылками кетчупа и горчицы. Она представляла себе все это совсем по-другому. Думала, что увидит красивых женщин и влюбленные парочки, что вокруг будет праздничный шум и музыка. Вместо этого она очутилась за замызганным столом и должна пялиться в экран телевизора над стойкой.

Луиза усадила Адама себе на колени и сказала, что не хочет есть.

– Вам я сама закажу, ладно? – Не дав Миле и рта раскрыть в ответ, она заказала сосиски с картошкой фри. – Одну порцию на двоих, – уточнила она.

Китаец что-то пробормотал и забрал у нее меню. Себе Луиза заказала бокал вина, которое пила мелкими глоточками. Она пыталась втянуть Милу в беспечный разговор. С собой она принесла бумагу и карандаши, но Мила не хотела рисовать. У нее пропал аппетит, и она едва притронулась к еде. Адама снова усадили в коляску, и он тер глазки кулачками.

Луиза переводила взгляд с окна на часы, а с улицы – на хозяина, вернувшегося за стойку. Она грызла ногти и улыбалась, но потом как будто уходила в себя и смотрела вокруг невидящим взором. Ей хотелось чем-то занять руки и целиком сконцентрировать ум на одной-единственной мысли, занимавшей все ее существо, но она чувствовала себя разбитой, как разлетевшийся на мелкие осколки стакан; на душе у нее кошки скребли. Она снова и снова проводила ладонью по столу, словно сметая невидимые крошки или полируя его холодную поверхность. В мозгу вспыхивали смутные, ничем между собой не связанные образы, все быстрее сменявшие один другой, – какая-то мешанина воспоминаний и сожалений, знакомых лиц и несбывшихся надежд. Химический запах во дворе больницы, куда ее выпускали погулять. Смех Стефани, звонкий и приглушенный одновременно, похожий на хохот гиены. Забытые детские лица, нежные волосики, ласкаемые кончиками пальцев, известковый вкус найденной на дне сумки черствой слойки с яблоками, которую она все равно съела. Она слышала голос Бертрана Ализара, его лживый голос, к которому примешивались голоса других людей, отдававших ей приказы, делившихся с ней советами, велевших ей сделать то или это, даже тихий голос женщины – судебного исполнителя, которую – Луиза до сих пор помнила – звали Изабель.

Она ободряюще улыбнулась Миле. Она видела, что та вот-вот расплчется. Ей было хорошо знакомо это ощущение давящей тяжести в

грудь, ощущение своей неприкаянности. Но еще она видела, что Мила сдерживается, – эта благовоспитанная девочка из приличной семьи умела вести себя на людях и обладала удивительным для ее возраста чувством такта. Луиза заказала еще бокал. Она пила и наблюдала за Милой, не отрывавшей глаз от телевизора, и угадывала в ее детском облике черты матери. Непосредственность ребенка уже несла в себе зародыш нервной суровости, свойственной хозяйке Луизы.

Хозяин уже унес пустые стаканы и почти не тронутую тарелку и положил на стол счет, нацарапанный на листке в клетку. Луиза не пошевелилась. Она тянула время, ждала, когда стемнеет, и думала о Поле и Мириам, которые сейчас наслаждаются тишиной в опустевшей квартире и приготовленным для них ужином. Они, конечно, будут есть стоя, как раньше, до рождения детей. Вот Поль подливает жене вина, допивает свой бокал. Его рука скользит по коже Мириам, и они смеются. Они из тех, кто делают такие вещи смеясь – любят и, ничего не стыдясь, предаются страсти.

Наконец Луиза встала, и они, к радости и облегчению Милы, вышли из ресторана. Девочка устала и хотела поскорее оказаться у себя в постели. Адам уснул в коляске. Луиза поправила на нем одеяло. После захода солнца зима, притаившаяся в дальнем уголке, снова вступала в свои права и проникала под одежду.

Держась за руки, Луиза с девочкой долго шагали по улицам Парижа, с которых исчезли другие дети. Они миновали Большие бульвары, прошли мимо театров и переполненных кафе. Чем дальше они шли, тем темнее и уже становились улицы. Время от времени они пересекали небольшие площади, по краям которых стояли возле мусорных баков молодые ребята, курившие траву.

Мила не узнавала этих мест. Тротуары блестели отраженным светом желтых фонарей. Она догадалась, что и эти дома, и эти рестораны находятся очень далеко от ее дома, и подняла на Луизу обеспокоенный взгляд. Она ждала, что сейчас няня ее успокоит. Может, она приготовила им сюрприз? Но Луиза шла и шла вперед, изредка нарушая молчание небрежно брошенным: «Шевелись, не отставай». От ходьбы по мощным бульварам улицам у Милы заболели ноги. В животе у нее поселился смутный страх, но она молчала, уверенная, что, начни она жаловаться, все станет только хуже. Капризничать бессмысленно. На улице Монмартр она увидела девушек, которые курили возле дверей баров – они были в туфлях на высоких каблуках и громко перекрикивались, пока на улицу не выглянул хозяин одного из баров и не заорал: «Эй вы, потише, тут соседи вокруг!»

Мила совсем растерялась. Она уже не понимала, в своем она городе или где-то еще, и не верила, что скоро увидит маму. А родители хоть знают, где она?

Внезапно Луиза остановилась посреди оживленной улицы. Она осмотрелась, прислонила коляску к стене и спросила Милу:

– Тебе какое?

Мужчина за стойкой устало ждал, пока она выберет. Миле не хватало роста, чтобы разглядеть лотки с мороженым, она приподнялась на цыпочки и торопливо сказала:

– Клубничное.

Одной рукой держа руку Луизы, а во второй сжимая вафельный рожок, Мила шагала назад по ночному городу и на ходу лизала мороженое, от которого у нее ужасно заболела голова. Она зажмурилась, надеясь, что боль пройдет, и стараясь думать только о вкусе давленной клубники и крохотных кусочках ягод, застревавших у нее между зубов. Мороженое падало в ее пустой желудок тяжелыми ошметками.

Потом они сели в автобус. Мила попросила разрешения сунуть билет в автомат, как делала всегда, когда они ездили в общественном транспорте. Но Луиза шикнула на нее:

– Ночью билеты не нужны. Не волнуйся.

* * *

Луиза открыла дверь квартиры и увидела Поля, который лежал на диване в гостиной с закрытыми глазами и слушал диск. Мила запрыгнула на него и уткнулась замерзшим личиком в шею отцу. Поль принялся шутливо отчитывать ее за позднее возвращение: кто это у нас до ночи шляется по ресторанам? Мириам, объяснил он, приняла ванну и легла спать пораньше. «Она жутко устала на работе. Мы даже не поздоровались».

На Луизу удушливой волной обрушилась досада. Все впустую! Она замерзла, сбила ноги, потратила последние деньги, а Мириам увалилась спать, даже не дождавшись мужа.

* * *

Рядом с детьми взрослые острее ощущают одиночество. Детям плевать на очертания нашего мира. Они догадываются, что он темен и жесток, но

не желают ничего об этом знать. Луиза обращалась к ним, но они отворачивались, увидев в стороне что-то интересное. Они играли и верили, что игра – достаточный повод, чтобы ее не слушать. Им было ни к чему притворяться, что им жалко несчастных.

Она села рядом с Милой. Девочка вскарабкалась на стул и рисовала. Она вообще могла просидеть чуть ли не час, если дать ей бумагу и побольше фломастеров. Она увлеченно раскрашивала рисунки, не забывая про самые мелкие детали. Луизе нравилось сидеть рядом с ней и наблюдать, как расцветивается красками лист бумаги. Она молча смотрела, как в саду возле оранжевого дома вырастают гигантские цветы, а на лужайке дремлют долгоязыые фигуры с длинными руками. Мила старательно заполняла на листе все пустоты. В переливчатом небе у нее плыли облака, летали машины и воздушные шары.

– А это кто? – спросила Луиза.

– Это? – Мила показала пальчиком на огромное улыбающееся существо, занявшее больше половины листа. – Это Мила.

Луиза перестала находить в детях утешение. Рассказывая им истории, она стала повторяться, что не прошло мимо внимания Милы. Вымышленные персонажи утратили живость и великолепие. Они забыли, в чем цель и смысл их борьбы, и волшебные сказки превратились в нудное, сбивчивое и бессвязное перечисление злоключений, настигших бедных принцесс, больных драконов и зацикленных на себе одиноких героев. Дети быстро теряли нить ее рассказа, и им становилось скучно. «Придумай что-нибудь другое!» – требовала Мила, но Луиза была не в состоянии ничего придумать, она увязала в собственных словах, словно в зыбучих песках.

Луиза стала реже смеяться и с неохотой соглашалась поиграть в лошадки или устроить битву на подушках. Но она по-прежнему обожала этих детей и могла наблюдать за ними часами. Когда они смотрели на нее, ища одобрения или помощи, у нее к глазам подступали слезы умиления. Особенно ее трогала привычка Адама оборачиваться к ней, чтобы убедиться: она заметила, что у него получилось сделать то, что еще вчера не получалось; что ему весело. Он словно давал ей понять, что в каждом его поступке есть нечто, адресованное ей и только ей. Луизе мучительно, как алкоголику, хотелось напиться их невинностью и воодушевлением. Ей хотелось смотреть на мир их глазами, вместе с ними совершать все новые открытия и думать, что так будет всегда, не подозревая, что рано или поздно на смену радости придет скука.

* * *

Луиза целыми днями не выключала телевизор. Она смотрела репортажи о катастрофах, идиотские передачи, телеигры, правил которых не понимала. После терактов Мириам запретила ей пускать детей к телевизору, но Луиза плевала на ее запрет. Мила усвоила: нельзя рассказывать родителям о том, что она видела. Нельзя произносить такие слова, как «облава», «террорист», «убитые». Девочка молча сидела перед экраном, с жадностью внимая каждому сюжету. Когда это ей надоедало, она поворачивалась к брату и затевала с ним игру. Она толкала его к стене; он в ответ рычал и бросался на нее.

Луиза не шевелилась и продолжала пялиться в телевизор. Гулять они больше не ходили. Луиза не хотела встречаться с другими нянями и боялась столкнуться с соседкой-старухой, перед которой ей пришлось унижаться, предлагая свои услуги. Дети таскались за ней по квартире и уговаривали ее пойти в сквер, побегать, поиграть с друзьями, купить на углу вафли с шоколадом.

Ее все больше раздражали пронзительные детские голоса, и она еле сдерживалась, чтобы не завывать. Эти крики, эта трескотня, эти бесконечные «почему» и «хочу», от которых у нее раскалывалась голова... «А когда будет завтра?» – в сотый раз за день спрашивала Мила. Если Луиза пела им песенку, они требовали спеть ее еще; им все нужно было повторять по многу раз: сказки, игры, шутки. Луиза больше не могла. Ей стали невыносимы детские слезы, капризы, громкий смех. Иногда ее охватывало желание обхватить пальцами шею Адама и трясти его, пока он не потеряет сознание. Она мотала головой, гоня прочь эти мысли. Ей удавалось от них избавиться, но темное вязкое болото уже заполнило все ее существо.

* * *

Кто-то должен умереть. Кто-то должен умереть, чтобы мы были счастливы.

Этот жуткий рефрен постоянно звучал в мозгу Луизы. Она твердила про себя фразы, которые придумала не сама и смысла которых до конца не понимала. Ее сердце очерствело. За прожитые годы оно покрылось такой толстой ледяной коркой, что она почти не слышала его биения. Ничто на свете больше не могло ее растрогать. Она потеряла способность любить.

Истратила всю отпущенную ей нежность. Ее руки омертвели.

«Я буду за это наказана, – говорила она себе. – Я буду наказана за то, что не умею любить».

* * *

От того дня сохранилось несколько фотографий. Они не были напечатаны, но они существуют, где-то там, в памяти какого-то гаджета. На них в основном дети. Вот Адам лежит на траве, в одних трусах. Своими огромными голубыми глазами он смотрит куда-то в сторону, и вид у него отсутствующий, чуть ли не печальный, несмотря на его нежный возраст. На другом снимке Мила бежит по длинной аллее, над которой смыкаются деревья. На ней белое платье с бабочками. Она босиком. А вот Польш: Адам сидит у него на плечах, а на руках он несет Милу. Снимала Мириам. Это она поймала мгновение. Лицо Поля расплывается, детская ножка закрывает его улыбку. Мириам тоже смеялась и даже не подумала попросить их остановиться, на минутку замереть на месте. «Снимаю, улыбка!»

Мириам дорожила фотографиями, которые делала сотнями и пересматривала в минуту грусти. В метро, между двумя встречами, иногда даже за ужином она пролистывала пальцем портреты своих детей. Кроме того, она считала, что это ее материнский долг – запечатлеть уникальные моменты, сохранить свидетельства былого счастья. Когда-нибудь она сунет их под нос Миле или Адаму. Перебирая фотографии, она сможет воскресить память о тогдашних чувствах, деталях, атмосфере. Ей всегда твердили, что дети – это слишком непрочное счастье, оно мимолетно и непостоянно. Дети – это вечная метаморфоза. Мы сами не замечаем, в какой момент их круглые мордашки вытягиваются и обретают серьезность. Поэтому Мириам при малейшей возможности включала айфон и смотрела на своих детей, краше которых для нее не было на свете.

Тома, друг Поля, пригласил их на денек в свой загородный дом. Он жил там в полном уединении, сочинял песни и упорно пил. В глубине парка у него была конюшня, где содержались пони. Фантастические создания – светлые, как американские актрисы, и коротконогие. Через огромный сад, границ которого не знал сам хозяин, протекал узкий ручей. Дети обедали прямо на траве. Родители пили розовое, а Тома поставил на стол большой картонный пакет, из которого без остановки себе подливал. «Здесь же все свои, так чего церемониться».

Детей у Тома не было, и Польш с Мириам не собирались грузить его

историями про няню, воспитание и семейный отдых. В этот чудесный майский день они забыли все свои тревоги. Их заботы предстали перед ними в истинном свете: повседневная суета, не о чем и говорить. Они рассуждали о будущем и строили планы, не сомневаясь в их осуществимости. Мириам была уверена, что в сентябре Паскаль предложит ей стать партнером в фирме. Она будет сама выбирать себе дела, а рутинную работу поручит стажерам. Поль смотрел на жену и детей. Самое трудное позади, думал он; дальше все будет только лучше.

Они провели замечательный день – носились и играли. Дети катались на пони и кормили их яблоками и морковкой. Они пололи огород – или то, что Тома называл огородом, хотя там пока ничего не выросло. Поль взял гитару, чем всех рассмешил. Потом запел Тома – Мириам ему подпевала, – и это было прекрасно. Дети круглыми глазами смотрели на взрослых, до того умных, что могут петь на непонятном языке.

Когда пришла пора прощаться, дети расплакались. Адам упал на траву, отказываясь уезжать. Мила, устав за долгий день, рыдала на руках у Тома. В машине оба моментально заснули. Мириам и Поль ехали молча, а мимо проносились поля рапса, стоянки отдыха, промышленные зоны и серые ветряки, в рыжеватых лучах заката выглядевшие даже немного поэтично.

* * *

Из-за аварии на дороге возник затор, и Поль, ненавидевший пробки, решил свернуть с шоссе и выбраться на магистраль: «Поедем по навигатору». Они пробирались по плохо освещенным улочкам, застроенным уродливыми, но солидными домами с наглухо запертыми ставнями. Мириам задремала. Под фонарями россыпью черных алмазов поблескивали листья деревьев. Время от времени Мириам открывала глаза, боясь, как бы Поль не уснул за рулем. Но он успокаивал ее, и она снова засыпала.

Ее разбудил гул клаксонов. Голова гудела от недосыпа и избытка розового, и она не сразу узнала улицу, на которой они застряли в пробке. «Где это мы?» – спросила она Поля, но он не ответил. Он и сам не понимал, куда их занесло, и пытался сообразить, из-за чего они встали. Мириам повернулась к окну. Она снова заснула бы, если бы не увидела на противоположном тротуаре знакомый силуэт. Луиза.

– Смотри! – сказала она Полю и протянула руку.

Но внимание Поля было целиком поглощено пробкой. Он искал

способ из нее выбраться, как-нибудь развернуться. Они застряли у перекрестка, со всех сторон запруженного автомобилями. Движение остановилось. Между машинами с трудом протискивались скутеры, мимо шли, задевая капоты, пешеходы. Светофор переключался с красного на зеленый каждые несколько секунд. Все встало намертво.

– Посмотри, вон там! По-моему, это Луиза!

Мириам приподнялась на сиденье, чтобы лучше разглядеть лицо женщины, шагавшей по другой стороне улицы. Она могла бы опустить стекло и окликнуть ее, но подумала, что будет выглядеть глупо, да и няня ее, скорее всего, не услышит. Мириам видела светлые волосы, пучок на затылке. Женщина шла неподражаемой походкой Луизы, одновременно уверенной и робкой. Ей казалось, что няня еле ползет, разглядывая витрины магазинов. Потом Мириам потеряла ее из виду. Невысокая тонкая фигурка Луизы скрылась в толпе, за спинами шумной веселящейся компании. Вдруг она появилась снова, по другую сторону пешеходного перехода, словно в кадре из старого фильма с немного блеклым изображением, в котором вечерний Париж предстает городом-призраком. Луиза со своим неизменным отложным воротничком, в слишком длинной юбке, выбивалась из общей картины, словно персонаж, попавший не в свою эпоху, заблудившийся в чужом для себя мире и обреченный на вечные скитания.

Поль с яростью надавил на гудок, и дети проснулись. Он высунул руку в окно, посмотрел назад и, чертыхаясь, дал по газам, разворачиваясь на девяносто градусов. Мириам хотела его успокоить, сказать, что они никуда не торопятся и не стоит так нервничать, но вместо этого с необъяснимой тоской продолжала до последнего мига созерцать замершую под уличным фонарем фигуру Луизы – полупризрачную, почти неразличимую, в ожидании неизвестно чего застывшую на последнем рубеже, перейдя который она исчезнет.

Мириам поглубже устроилась на сиденье. Она снова глядела вперед, вся во власти непонятого волнения, словно неожиданно увидела кого-то из давнего прошлого, старого знакомого, свою первую юношескую любовь. Куда, интересно, шла Луиза, подумала Мириам, да и она ли это, а если она, то что здесь делает. Ей хотелось еще последить за ней через окно, подсмотреть за ее жизнью. Тот факт, что Луиза очутилась на этой улице, так далеко от привычных ей мест, пробудил в Мириам ненасытное любопытство. Впервые за все время она попыталась вообразить себе Луизу во плоти, когда она не с ними.

Услышав, что мама произнесла ее имя, Адам тоже посмотрел в окно.

– Это моя няня! – крикнул он, показывая на нее пальчиком. Он не понимал, как это она может жить где-то еще, одна, сама по себе, как может идти по улице без коляски, не держа никого за руку. – А куда она идет?

– Она идет домой, – ответила Мириам. – К себе домой.

* * *

Капитан Нина Дорваль лежала без сна в своей квартире на Страсбургском бульваре. Стоял август, шли дожди, и Париж опустел. Вокруг была ночная тишина. Завтра утром, в 7:30, в тот час, когда Луиза обычно приходила к детям, они снимут печати на двери квартиры дома по улице Отвиль и приступят к реконструкции сцены преступления. Нина заранее предупредила следователя, прокурора и адвокатов: «Няней буду я». Никто не посмел ей возразить. Капитан лучше других изучила подробности этого дела. Она первая прибыла на место по звонку Розы Гринберг. Старая учительница кричала в трубку: «Это няня! Она убила детей!»

Нина припарковалась возле дома. «Скорая» только что уехала. Девочку повезли в ближайшую больницу. Улицу уже запрудили зеваки, привлеченные воем сирен, беготней службы спасения, угрюмыми лицами полицейских. Люди словно ждали чего-то, задавали вопросы, они стояли и не уходили, сбившись в кучки на пороге булочной и под аркой дома. Какой-то мужчина снимал толпу у входа в дом на мобильный телефон. Нина Дорваль приказала увести его.

На лестнице капитан столкнулась с медиками, которые уводили мать. Обвиняемая все еще была наверху, в бессознательном состоянии. В руке она сжимала небольшой белый керамический нож.

– Уведите ее через заднюю дверь, – приказала Нина.

Она вошла в квартиру. Ей не надо было объяснять, кто чем занят. Криминалисты в широких белых комбинезонах делали свое дело. В ванной Нина сняла перчатки и наклонилась над водой. Опустила в мутную холодную воду кончики пальцев, поводила ими туда-сюда, вызвав на поверхности легкую рябь. Поднявшейся волной от нее отнесло игрушечный пиратский кораблик. Она не могла заставить себя убрать руку, что-то тянуло ее в глубину. Она опустила руку по локоть, потом по плечо, но тут вошел следователь и уставился на нее, сидящую на корточках у ванны, с мокрым рукавом. Он попросил ее выйти: пора было диктовать отчет.

Нина Дорваль ходила по квартире, прижимая к губам диктофон. Она

описала обстановку, отметила запах мыла и крови, указала на звук включенного телевизора, упомянула название телепередачи. Она не упустила ни одной детали: люк стиральной машины открыт, из него свешивается смятая рубашка; в раковине полно грязной посуды; детская одежда разбросана по полу. На столе две розовые пластмассовые тарелки с засохшими остатками обеда. Они сфотографировали макароны-ракушки и кусочки ветчины. Позже, когда капитан узнает больше о Луизе, когда ей расскажут похожую на легенду историю об идеальной няне, Нина Дорваль задним числом удивится невероятному беспорядку, царившему в квартире.

Она отправила лейтенанта Вердье на Северный вокзал, встретить Поля, который возвращался из командировки. Он справится, подумала она. Он человек опытный, он найдет нужные слова и сумеет успокоить отца. Лейтенант приехал на вокзал с большим запасом времени. Нашел местечко, где поменьше дуло, сел и стал смотреть на прибывающие поезда. Ему хотелось курить. Из вагона высыпала стайка пассажиров и бегом бросилась вперед. Очевидно, спешили на пересадку. Лейтенант провожал глазами потную озабоченную толпу: женщины на высоких каблуках прижимали к себе сумки, мужчины громко кричали: «Посторонитесь!» Наконец подошел лондонский поезд. Лейтенант мог встретить Поля на выходе из вагона, но он предпочел встать в начале платформы. Он смотрел, как к нему приближается осиротевший отец семейства – на голове наушники, в руке небольшая сумка. Он не пошел ему навстречу. Решил дать ему еще несколько минут. Несколько секунд, прежде чем на него обрушится беспросветный мрак.

Полицейский предъявил свой значок и попросил следовать за ним. Поль подумал, что это какая-то ошибка.

* * *

Неделю за неделей капитан Дорваль восстанавливала ход событий. Несмотря на молчание Луизы, которая по-прежнему пребывала в коматозном состоянии. Несмотря на показания свидетелей, в один голос твердивших, что няня была образцом безупречности, она верила, что найдет зацепку. Она поклялась себе выяснить, что произошло в тайном теплом мире детства, за закрытыми дверями. Она вызвала в участок Вафу и расспросила ее. Девушка рыдала не переставая и не могла произнести ни слова, выведя капитана из терпения. Она сказала, что ей плевать на ее положение, документы и трудовой договор, на обещания Луизы и

наивность самой Вафы. Ее интересовало одно: видела ли она в тот день Луизу. Вафа рассказала, что утром она к ним приходила. Она позвонила. Луиза чуть приоткрыла дверь. «Мне показалось, она что-то прячет». В это время Альфонс проскользнул мимо Луизы и побежал к детям, которые в пижамах сидели перед телевизором.

– Я пыталась ее уговорить. Звала гулять. Погода хорошая, что детям делать дома? Но Луиза ничего не хотела слышать. Она даже не дала мне войти! Я позвала Альфонса, он чуть не плакал, и мы ушли.

Но Луиза не весь день провела дома. Роза Гринберг уверенно утверждала: она встретила няню в подъезде, за час до своего дневного сна. То есть за час до убийства. Откуда шла Луиза? Куда ходила? Как долго она отсутствовала? Полицейские обошли весь квартал с ее фотографией в руках. Опросили всех, кого смогли. Отсеяли лжесвидетельства – рассказы мающихся одиночеством людей, готовых наврать с три короба, лишь бы убить время. Они побывали в сквере, в кафе «Паради», прошлись по магазинам улицы Фобур-Сен-Дени, опросили торговцев. Потом они получили видео из супермаркета. Капитан прокрутила его тысячу раз. Она до тошноты всматривалась в кадры, на которых Луиза спокойно шла между полками. Она видела, как она берет своими миниатюрными руками пакет молока, пачку печенья, бутылку вина. На пленке было видно, что дети носились по проходам, а она ни разу на них не взглянула. Адам уронил с полки какие-то коробки и врезался в женщину, катившую тележку. Мила пыталась дотянуться до шоколадных яиц. Луиза так ни разу и не раскрыла рта, ни разу их не одернула. Так же молча она направилась к кассе, и дети со смехом побежали ее догонять. Они схватили ее за колени, Адам потянул за юбку, но Луиза не обратила на них никакого внимания. О ее недовольстве капитан догадалась по едва заметным признакам: у няни чуть дернулась губа, она бросила быстрый взгляд исподлобья. Вылитая злая мачеха из сказки, подумала капитан, которая заводит детей в лесную чащу и оставляет на съедение волкам.

В четыре часа дня Роза Гринберг закрыла ставни. Вафа дошла до сквера и села на скамейку. Эрве закончил работу. Именно в эти минуты Луиза направилась в ванную. Завтра Нине Дорваль предстоит в точности повторить все ее действия: открыть кран, подставить руку под струю, проверяя температуру, как она делала сама, когда ее сыновья были маленькими. А потом сказать: «Ну-ка, дети, идите ко мне. Будем купаться».

Пришлось спросить у Поля, любили ли Адам и Мила воду. Насколько неохотно они обычно раздевались. Нравилось ли им плескаться среди игрушек.

– Они могли закапризничать, – объяснила Нина Дорваль. – Как вы думаете, они могли запротестовать, вернее, удивиться, что их повели купаться в четыре часа дня?

Отцу показали фотографию орудия убийства. Кухонный нож, самый обычный, только маленький, так что Луиза могла без труда спрятать его в ладони. Капитан спросила Поля, узнает ли он нож. Он принадлежал им или Луиза купила его специально, заранее спланировав преступление?

– Вспомните, пожалуйста, – попросила она.

Но Полю не надо было ничего вспоминать. Нож привез им в подарок из Японии Тома. Керамический, чрезвычайно острый: достаточно тронуть лезвие пальцем, и непременно порежешься. Это был нож для суши, и Мириам настояла, чтобы Тома взял у нее монетку в один евро. Дарить ножи – плохая примета.

– Мы никогда им не пользовались. Мириам убрала его на верхнюю полку. Чтобы дети случайно не достали.

Через два месяца расследования, не прекращавшегося ни днем ни ночью, Нина Дорваль, все два долгих месяца копавшаяся в прошлом этой женщины, решила, что знает Луизу лучше, чем кто-либо другой. Она вызвала в участок Бертрана Ализара. Тот сидел перед ней в кресле и трясся от страха. Его веснушчатое лицо покрылось потом. Он панически боялся крови и неприятных сюрпризов, а потому ждал в коридоре, пока полиция обыскивала студию Луизы. В шкафах было пусто, окна сияли чистотой. Они ничего не нашли. Только одну старую фотографию Стефани и несколько нераспечатанных писем.

Нина по плечи погрузила руки в разложившуюся душу Луизы. Она хотела знать об этой женщине все. Она верила, что сумеет ударом кулака пробить стену немоты, которой окружила себя няня. Она опросила семью Рувье, месье Франка, мадам Перрен, врачей в больнице Анри-Мондор, где Луизу лечили от нервного расстройства. Нина часами листала записную книжку с обложкой в цветочек, и по ночам ей снились эти кособокие буквы и незнакомые имена, которые Луиза записывала с прилежанием одинокого ребенка. Капитан разыскала даже соседей Луизы, живших рядом с ее семьей в Бобиньи. Она разговаривала с няньками в парке. Никто ничего о ней не знал. «Здравствуйте, до свидания, вот и весь разговор». Нечего рассказывать.

Она ходила в больницу посмотреть на обвиняемую. Та лежала без сознания под белой простыней. Нина Дорваль попросила медсестру выйти. Она хотела остаться наедине с этой стареющей куклой. Со спящей куклой, на шее и руках которой вместо украшений белели марлевые повязки. В

свете ламп дневного освещения Нина Дорваль разглядывала мертвенно-бледные веки, седые корни волос у висков, слабо пульсирующую вену под мочкой уха. Она пыталась прочитать хоть что-нибудь на этом изможденном лице с иссохшей кожей, по которой пролегли борозды морщин. Капитан не стала касаться Луизы, но села рядом и заговорила с ней, как говорят с детьми, которые притворяются спящими: «Я знаю, что ты меня слышишь».

У Нины Дорваль уже был подобный опыт. Она знала, что реконструкция может дать толчок к озарению, как в обрядах культа вуду, когда в трансе через боль прорывается правда и прошлое вдруг предстает в новом свете. Стоит оказаться в нужном месте, и происходит чудо: открывается ранее упущенная деталь и необъяснимое наконец обретает смысл. Завтра она войдет в дом на улице Отвиль, перед которым все еще лежат увядшие букеты и детские рисунки. Обойдет свечи и зайдет в лифт. Квартира, в которой с того майского дня ничего не изменилось, куда никто не приходил ни за вещами, ни даже за документами, станет сценой мрачного спектакля. Нина подойдет и трижды постучит в дверь.

Там, внутри, она позволит себе ощутить волну отвращения и ненависти к этому месту, к этой квартире, к стиральной машине, все еще грязной раковине, разбросанным игрушкам, которым суждено найти смерть под столом. Она насторожит слух. Она станет Луизой и заткнет пальцами уши, чтобы не слышать крики и плач детей. Она будет ходить из спальни на кухню, из ванной на кухню, от мусорного ведра к сушилке, от кровати к стенному шкафу в коридоре, от балкона в ванную. Луиза вернется, и все начнется сначала. Луиза наклонится, потом встанет на цыпочки. Луиза возьмет с верхней полки нож. Луиза нальет себе бокал вина, медленно выпьет его перед открытым на балкон окном и позовет:

– Ну-ка, дети, идите ко мне. Будем принимать ванну.

Об авторе

Лейла Слимани родилась в 1981 году в Рабате, Марокко, где окончила французскую школу. В 17 лет переехала в Париж. Изучала политологию и журналистику, работала в журнале «Молодая Африка».

После всемирного успеха книги «Идеальная няня», переведенной на 37 языков, была в 2017 году назначена представителем президента Франции по распространению французского языка и культуры в мире. В 2018 году избрана председателем комитета литературной премии Livre Inter. Живет в Париже с мужем и детьми – сыном и дочерью.

notes

Примечания

1

Пер. Е. Киселева.

Во французских школах отсчет классов ведется в обратном порядке. Третий класс примерно соответствует восьмому классу в российской системе школьного образования. – *Прим. ред.*